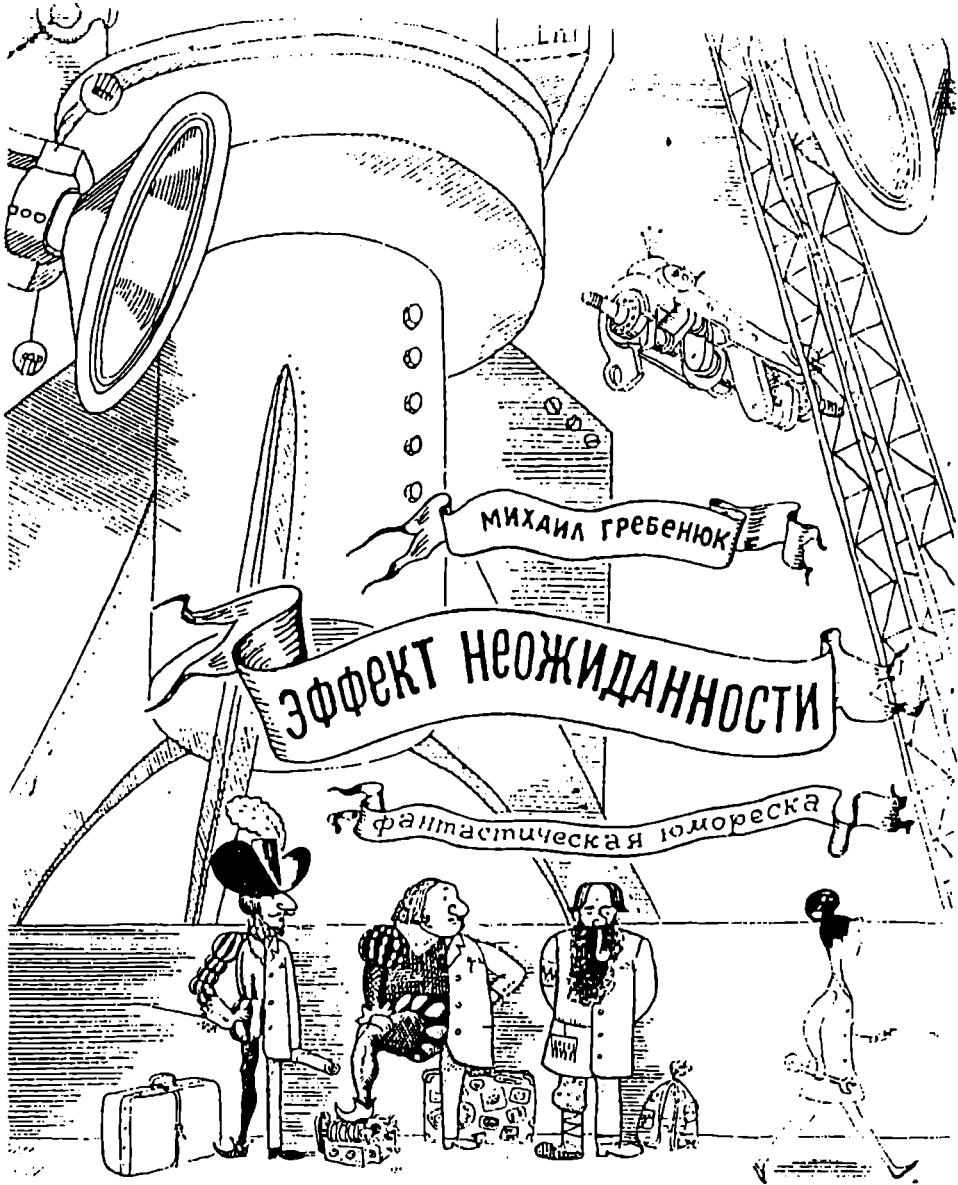

Михаил Гребенюк

Парадокс времени

1.

Наконец сигналы из Космоса были расшифрованы. Неведомые мозгоподобные просили у нас помощи. Срочно был создан Совет Планеты. Его заседание транслировалось по мировидению. Бурейплодисментов встретило человечество — решение Совета: послать к пострадавшим лучших специалистов Солнечной Системы.

Через три дня был утвержден экипаж галактёлата. В него вошли Колумб, Веспучи и я. Капитаном, разумеется, был назначен Веспучи.

— Карамба, черт возьми, — сказал он в первую нашу встречу, — хорошо, что с нами нет женщин!

Наступил день старта. Вокруг нашего галактёлата собралась огромная толпа. Все желали нам счастливого звездоплавания.

— Отдать концы! — сказал Веспучи.

Галактёлэт отчалил от Земли. Через час мы сжали до предела пространство и еще через час были на планете Кирча, среди тех, кто посыпал нам сигналы бедствия.

Клянусь, они ничем не отличались от нас, эти удивительные двуногие существа. Мы от радости готовы были расцеловаться.

— Черт возьми, это великолепно, что я не вижу на вашей планете женщин! — сказал Веспучи.

Он был ужасным женоненавистником, наш добрый капитан Веспучи.

— Поэтому-то мы и попросили вас прилететь к нам, — приложил руку к бедру Верховный Распорядитель Кирчи.

Мы услышали начальную историю. Оказалось, что все женщины давным-давно покинули планету. Это произошло в день празднования женского Месица, который отмечался в период Зелени. Мужчины слишком возомнили о себе и не поздравили своих очаровательных спутниц с этим замечательным событием.

— Ах, так,— воскликнула Главная Распорядительница.— Погодите, вы еще пожалеете об этом!.. Женщины, обратилась она к упекшим и оскорбленным, собирайтесь, мы улетаем!

— Скатертью дорога,— прошел сквозь зубы Старший Помощник Верховного Распорядителя.

Женщины выполнили угрозу: на другой день покинули планету.

Мужчины сначала обрадовались, бегству двуногих подруг, потом мрачное уныние охватило даже самых заядлых оптимистов. Была срочно созвана Великая Ассамблея. Развернулись дебаты: «Быть женщинам на планете или не быть?»

К сожалению, этот вопрос долго оставался открытым. Мужчины разделились на два лагеря и бились насмерть. Лишь когда население стало заметно уменьшаться, кирчане исполошились и послали в Большой Космос сигнал бедствия.

— Что же вы хотите от нас?— поинтересовался Веспучи.

— Выручайте!— взмолился Верховный Распорядитель.— Слетайте к нашим женщинам и убедите их вернуться обратно.

— Далеко ли галактика, на которую они улетели?— спросил Колумб.

— Далеко,— вздохнул Верховный Распорядитель.— Свет до нее идет полтора миллиарда лет.

— Карамба!— выругался Веспучи.— Это же у черта на куличках. Какой идиот согласится лететь туда?

— Капитан,— снова вступил в разговор Колумб.. Речь идет о женщинах. О самых удивительных существах Вселенной. Не забывай, завтра праздник.

— Послушай, Христофор, я ценою твои морские заслуги и твою привязанность к слабому полу, однако я не могу не возмутиться твоим невежеством. У нас не хватит горючего.

Тут вмешался я.

— Может быть,— указал я на спутник, стоявший в зените Кирчи,-- мужчины пожертвуют своей Луной?

— Берите все, что хотите,— сказал Старший Помощник Верховного Распорядителя.— Только выручите нас. Луну мы построим после и подарим ее женщинам в первый же праздник!

Это вызвало бурный посторг кирчан. Правда, один скептик довольно прозрачно усмехнулся, видя подъем своих собратьев по несчастью.

— Я думаю, что овчника не стоит выделки. Земляне все равно не смогут попасть на галактику. Разве вы забыли, что она состоит из антиматерии?

— Что ты болтаешь,— налегел на скептика Колумб.— Ни одно живое существо нашего мира не сможет жить на подобной галактике. Антигалиция неизбежна.

Чужеземец, мрачно улыбнулся кирчанин,— ты плохо знаешь наших женщин.

В таком случае, они достойны таких мужчин, как мы.

Веспучи улыбнулся: должно быть, ответ смелого морепроходца понравил ся ему.

— Афанасий,— обратился он ко мне.— Приготовь резервуары корабли для приема горючего!

Я выполнил его указание... Через минуту стало темнеть. Спутник планеты на глазах остолбеневших кирчан начал таять и вскоре исчез —это генераторы галактелея превратили его в гиператомы.

— Отдать концы!— распорядился Веспучи.

Галактелея вздрогнул, и мы вошли в Ноль-Пространство.

2.

Антигалика словно выныриула из бездны, едва мы покинули Ноль-Пространство. Она сверкала вокруг нас таким ярким ослепительным костром, что мы невольно закрыли глаза.

— Карамба, черт возьми,— сказал Веспучи,— у кирчанок неплохой вкус. Они знали, куда скрыться.

— Я не разделяю твоего посторга, капитан,— мрачно произнес Колумб.— Мы никогда не соберем своих костей, если попытаемся сесть.

— Ничего, сидем, — сказал я.

— Как? — поинтересовался Веспучи.

— Что-нибудь придумаем... Знаете, почему не погибли кирчанки?

— Почему? — нетерпеливо спросил Колумб.

— Потому, что на них действовал Эффект Неожиданности! — Я с пре-
восходством оглядел своих друзей. — Радость освобождения от мужской зависи-
мости до того действовала на беглянок, что они незаметно для себя стали
антисуществами.

— Карамба, — воскликнул Веспучи. — У тебя есть на плечах голова. Я
рассказал, что Земли включили тебя в эту экспедицию.

— Подожди, Америго, не радуйся, — заметил Колумб. — Нам еще неизве-
стно, имеет ли Эффект Неожиданности обратную сторону. Может быть, кир-
чанки так никогда и не смогут жить в нашем мире.

— Ерунда, — махнул рукой Веспучи. — Тяга к Родине перестроит организм
женщин. Надо только умело воспользоваться Эффектом.

Я задумался.

— Боюсь, как бы от новой радости кирчанки не подали в четвертое из-
мерение. Если это случится, то мы никогда не увидим их.

— Ты прав, карамба, — почесал затылок Веспучи.

Посоветовавшись, мы решили отправить на планету вездеход в магнит-
ном мешке. В него, разумеется, сел я, потому что идея подобного общения с
кирчанками принадлежала мне.

Нет, я не могу дальше с таким же спокойствием рассказывать о том, что
произошло со мной на антипланете. Беглянки готовы были пожертвовать всем,
чтобы только дотронуться до меня. Особеню старалась кирчанка с длинными
русymi волосами. Я думал, что она умудрится влезть в магнитный мешок.

— Мы прилетели к вам от ваших мужей, — сказал я.

— О! — вырвался отчаянный вздох.

Через секунду раздалось несколько взрывов. Я побелел — взрыгались пани-
более экзальтированные кирчанки. На них действовал Эффект Неожиданности.

— К сожалению, мы не сможем взять вас с собой, — поспешил сообщить
я, думая таким образом предотвратить дальнейшую гибель очаровательных
кирчанок.

Однако я снова перестарался — четыре женщины тотчас исчезли. Очевид-
но, сбылись мои первые опасения: они попали в четвертое измерение.

— Чужеземец! — воскликнула Главная Распорядительница. — Мы не можем
больше рисковать! Советуем тебе возвратиться назад, иначе никого из
нас не останется в живых!

Я, по-видимому, потерпел бы ужасное поражение, если бы в это время ко
мне на помощь не прилетел Колумб.

— У меня есть интересная идея, — шепнул он.

— Какая? — спросил я.

— Сообщи этим несчастным, что я нашел выход из создавшегося полож-
жения.

Я испугался:

— Нет, только не это! Эффект сработает немедленно, и изумительные
пленницы этой планеты превратятся в ничто.

— Этого не произойдет.

— Ты уверен?

— Я постараюсь поймать кирчанок в магнитный мешок, как только
увижу, что они перестраиваются.

— Не мели чепухи, — рассердился я. — Ничего ты не увидишь.

— Упсика, — заперил Колумб. — Веспучи только что изменил структуру
моего зрения. Я сейчас вижу даже пейтрину.

— Что ты говоришь?! — воскликнул я.

— Любовь не такие чудеса творит, — таинственно улыбнулся Колумб.

— Неужели капитан влюбился?

Конечно.

— В кого?

— В Главную Распорядительницу.

Я едва не лишился чувств. Как мог Веспучи, наш добрый капитан Веспу-
чи, непримиримый женоненавистник, влюбиться в женщину старше его по
крайней мере на миллион лет? Неужели для того, чтобы понять, что такое
женская красота, нужно было обязательно лететь в эту даль?

— Чего же ты стоишь? Я жду, — напомнил Колумб.

Я взобрался на вездеход и заорал во все горло:

— Сейчас вы увидите своих мужей!

Тотчас раздался взрыв.

Кирчанки, будто сговорившись, повернулись к нему, потом засверкали
невероятно желтым пламенем.

— Сейчас взорвутся, — отвернулся я.

— Не бойся, — успокоил меня Колумб. — Они уже в нашем мире. Можешь
подойти к русоволосой.. Гляди, гляди, она сама бежит к тебе.

Действительно, кирчанка, которая так обрадовалась моему появление на

планете, летела ко мне со всех ног. У нее были такие сумасшедшие счастливые глаза, что я не на щутку встрепожился и сделал шаг в сторону.

— Я никогда не покину тебя, чужестранец, — повисла она у меня на шее.

Разве мог я в это время сказать ей, что у меня на Земле была жена? Несчастная могла снова превратиться в антиженщину и погубить всех.

Колумба обнимала какая-то коротышка.

Главная Распорядительница не спускала глаз с галактелея.

— О Веснучи, — шептала она, — Мой честный юный Веснучи! Как долго я тебя ждала!

Через полчаса наши галактелея, перегруженный счастливыми беглянками, входил в Ноль-Пространство. Я спросил Главную Распорядительницу, кто взорвался во время перестройки атомов в организме кирчанок.

— Не жалей эту женщины, мужчина, — ласково улыбнулась Главная Распорядительница. — Она не захотела связывать себя супружескими заботами... Эффект не сработал.

«Вот оно что!» — подумал я.

Должно быть, какие-нибудь слова еще избрели бы мне в голову, однако в следующее мгновение галактелея и мы, превратившись в мезонное облако, вошли в Ноль-Пространство, чтобы выйти из него через несколько минут около Кирчи...

Михаил ГРЕБЕНОК

Вестник — далёкой катастрофы

Фантастический роман¹

Экспедиция Организации Объединенных наций

Земля удалялась медленно, словно не хотела расставаться с людьми. Космос по-настоящему вступил в свои права только тогда, когда она стала меньше Луны.

Космонавты сидели в полужестких креслах, не отрывали глаз от черной бездны, простиравшейся вокруг, вновь и вновь удивлялись безграничному простору, пронизанному мириадами ярких песчинок.

Особенно величественным был Млечный Путь. Он лился беспрерывной разноцветной лентой от кормы корабля.

Из всех космонавтов, пожалуй, только Эдвард Хэгстром оставался равно-

душным к открывающемуся величию Космоса. Он никак не мог расстаться с оставшимися на родной планете. Ради них, ради их жизни, ради жизни на Земле лестни сейчас космонавты через холодные просторы к Иверу. Они должны сделать все, чтобы Ивер прошел мимо Земли мирным вестником безграничной Вселенной. А это нелегко сделать, Хэгстром знал.

В каюте стояла глубокая тишина. Никому из космонавтов, должно быть, не хотелось нарушать ее.

Эдвард Хэгстром посмотрел в иллюминатор — впереди, около бледной расплывчатой туманности, увидел яркую красную звезду.

«Марс... Планета загадок... Какие тайны ты скрываешь от нас? Не знаешь ли ты тайну Ивера? Мы собираемся к тебе в гости, слышишь? Этот день уже недалек, Марс!»

Красная звезда привлекла внимание не только начальника экспедиции. Другие космонавты тоже не сводили с нее глаз.

Первым нарушил тишину Том Перкинс. Он выпрямился в кресле и, глядя на Игоря Богатырева, неожиданно запел низким чистым голосом, до неузнаваемости коверкая русские слова:

Заправлены в плашеты космические карты,
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом,
У нас еще в запасе четырнадцать минут.

Космонавты зашевелились, повернули головы к Тому Перкинсу, забыли на время о Космосе.

Отвлекся от своих мыслей и Эдвард Хэгстром. Он тоже стал подпевать, четко выговаривая русские слова, будто сдавал экзамены:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы.

Песня крепла, увлекала всех.

Со временем люди Земли побывают на многих мирах Вселенной и наверняка останутся в памяти разумных существ этих миров, как представители Всемирного Разума Мегамира!

Жаль, что это время далеко. На Земле кое-где пока еще преобладает эгоистичный разум, который идет на все ради удовлетворения собственного тщеславия и ради собственной выгоды.

В памяти Эдварда Хэгстрома вдруг возникло недалекое прошлое, принесшее ему столько горьких минут... Собственно, случившееся еще и теперь председовало его, даже здесь, вдали от Земли.

...Все началось с того дня, когда преподаватель лицея в Гренобле месье Жюстен обнаружил новый астероид. Старый холостяк имел два увлечения: он был астрономом-любителем и заядлым филатelistом.

Астроном-любитель жаждал открытия. Однако скромные приборы не давали ему возможности конкурировать ни с мощным телескопом в Маунт Паломаре, ни с Крымским рефлектором. Поэтому месье Жюстен жаждал открыть хотя бы новый астероид. Если везет в таком деле школьникам, думал он, то почему бы судьбе не быть благосклонной к верному поклоннику Урании, который служит с честью вот уже три десятка лет.

Однажды в безоблачную августовскую ночь месье Жюстен был наконец вознагражден. Разобрав посылку с марками аравийских княжеств, полученную от филателистической фирмы Ивер, месье Жюстен поднялся на чердак, в свою домашнюю «обсерваторию». Прильнул к «заряженому» телескопу — ничего нового. Извлек фотопластинку, с привычной быстротой проявил ее и так же привычно быстро отпечатал. Взглянув на снимок, месье Жюстен не поверил своим глазам. В левом углу, рядом с яркой звездочкой, эпиллоном Вололоса, четко проступала новая черточка. Месье Жюстен торопливо снял с полки звездные календари, каталоги и небесные атласы и полтора часа с возрастающим интересением изучал их. Затем сел за письмо, в котором подробно изложил обстоятельства своего открытия. Он просил высокоучченых коллег-профессионалов проверить его наблюдения и, если они подтвердятся, ему бы хотелось, со своей стороны, по праву первооткрывателя присвоить неизвестному астероиду имя — Ивер.

Вскоре пришел ответ. Да, месье Жюстен оказался прав. Отныне попыт трехкилометровый небесный странник во всех астрономических изданиях будет именоваться Ивером.

Открытие Ивера не вызвало волнений в научных кругах, однако земной Ивер поспешил довести до сведения всех коллекционеров известие об этом важ-

иои событии. Филателистические фирмы Англии, Швейцарии и ряда других стран были ввергнуты в траур. Вот это номер выдвинул ловкач Ивер, вот это реклама! Такой еще свет не видал.

Мосце Жюстен получил диплом от общества астрономов-любителей и полную серию марок французских колоний выпуска 1906 года от благодарной фирмы Ивер.

Спустя несколько месяцев название астероида, открытое мосце Жюстеном, замелькало на газетных страницах всего мира: были вычислены точные параметры орбиты Ивера, и оказалось, что он должен пересечь орбиту Земли. Начались паника, которую не могли унять трезвые голоса тех, кто еще не забыл подобной истории с Икаром. В день, назначенный астрономами, Ивер появился на небе Южного полушария и, пройдя на расстоянии 670.000 километров от Земли, удалился в сторону Солнца.

Однако вскоре об Ивере снова заговорили. В памятный день, 26 июля прошлого года, несколько радиотелескопов приняли радиограмму следующего содержания: «Всем! Всем! Ивер захвачен безумцами и направлен на Землю! Точка падения...»

Сначала многие решили, что сигналы подал какой-нибудь «шутник» с космического корабля. Однако, когда сбили воедино данные радиотелескопов и рассчитали точку, из которой было направлено послание, убедились, что это не шутка. Точка находилась на траектории движения Ивера и совпадала с местоположением астероида в момент приема тревожного предупреждения. Потом стал известен еще один факт. Тщательными исследованиями было установлено изменение орбиты Ивера. Оно не могло быть вызвано естественными причинами. Это уже показалось странным. К сожалению, сказать что-либо определенное никто не мог. Новых вестей с астероидом не поступало.

Мир был поражен. Священнослужители объявили о грядущем страшном суде и призывали молиться, дабы достойно встретить конец.

В обсерваториях шла лихорадочная работа. Дипломаты совершили бесчисленные вояжи по странам и континентам. Над земным шаром нависла угроза. Вскоре Москва опубликовала обращение, в котором предлагали немедленно организовать международную комиссию с самыми широкими полномочиями. Она была готова предоставить в распоряжение комиссии новый космический корабль.

Президент Грейтланда в тот же день выступил по радио и телевидению. Правительство Грейтланда, сказал он, готово участвовать в работе такой комиссии под началом Организации Объединенных наций.

Начались заседания комиссии. Разгорелся спор вокруг состава экспедиции. Тогда снова последовала акция Москвы. Правительство СССР не возражало, чтобы экспедицию возглавил представитель Грейтланда, однако командиром корабля должен быть человек, освоивший управление советским кораблем.

Президент Грейтланда назвал кандидатуру на пост начальника экспедиции. Представители СССР согласились. Так известный учений, астроном Эдвард Хэгстром стал начальником экспедиции ООН на Ивер. Командиром корабля был назначен летчик-космонавт СССР, участник Особой Лунной Экспедиции Игорь Богатырев.

Был тихий воскресный день. За окнами плескалась зелень парка. Слышился многоголосый привычный шум большого города.

Эдвард Хэгстром сидел у шахматного столика, пытаясь решить задачу.

У телевизора, не глядя на него, сидела жена Эдварда — Мария Хэгстром. У нее было усталое, осунувшееся лицо, под глазами темнели полукружья.

Рисунки П. Бродского

— Эд, ты так и не сказал, почему согласился лететь на Ивер? — спросила Мария.

Хэгстром закрыл журнал.

— Бываю такие ситуации, дорогая, когда не имеешь права оставаться в стороне.

— Тебе не двадцать лет.

— К сожалению, это так, однако я думаю о Фани и хочу, чтобы она дожила до своего двадцатилетия и до двадцатилетия моего будущего внука.

— Эд, почему именно ты?

— Я не узнаю тебя, Мария!

— Ты видел корабль, в котором полетишь?

— Это сейчас невозможно, ты же знаешь, — не сразу ответил Хэгстром.

— Может быть, русские дадут плохой корабль? Газеты пишут, что от красивых всего можно ждать.

— Мария, что с тобой?

— Прости, я беспокоюсь о тебе. Ты летишь не в Нью-Йорк, даже не в Москву... Ты летишь в Космос. Разве я могу быть спокойной? Почему бы вам не полететь на нашем корабле? Разве у нас нет хороших кораблей?

— Очевидно те, кому принадлежат эти корабли, не считают нужным связываться с ООН... В общем, фирмы сообщили, что для такого полета они не имеют кораблей.

— Я отказываюсь понимать...

— Мне кажется, что кто-то держит в своих руках главные рычаги экономики и политики страны. Ему во что бы то ни стало нужно сорвать полет на Ивер... Может быть, первый полет организовал он...

— Эдвард, что ты!

— Может быть, Мария, может быть... Ты представляешь, какое богатство потечет в руки этого человека, если Ивер упадет на Россию. Катастрофа ввергнет русских на какое-то время в тяжелейшее положение. Мощь страны будет подорвана. Политический строй — нарушен. Десятки миллионов человек погибнут. России потребуется помощь. Демократические страны не смогут удовлетворить ее потребностей. Она вынуждена будет обратиться к нам. Щупальца наших концернов тотчас потянутся к самым лакомым кускам... Может быть и другой вариант.

— Какой?

— На территорию России двинутся наши бронированные чудовища, и мы установим свое господство над ней.

— Ты так уверенно говоришь об этом, словно принимал участие в организации первой экспедиции на Ивер.

— Об этом сейчас говорят многие. Ты знаешь, кто угрожал тебе по телефону? Это был один из приспешников человека, решившего покорить мир.

— Чем же объяснить то, что этот человек не стал больше тревожить нас?

— Просто он понял, что запугиванием ему ничего не добиться. Я откажусь от полета, на мое место придут другие. Всех не запугаешь.

Мария умоляюще поглядела на мужа.

— Береги Тома, Эд.

— Не беспокойся, с ним ничего не случится.

— Фания так любит его!

— Успокойся, Мария, пойдемте лучше погуляем.

— Да-да, конечно.

К дому в это время подъехала машина, и из нее вышел человек, увешанный фотоаппаратами.

— Боже мой, опять пресса, — вздохнула Мария. — Ты стал ужасно популярен. Постарайся поскорее отделаться от репортера.

Человек с фотоаппаратами попросил извинения за свое вторжение, сказал, что счастлив видеть спасителя Земли.

Эдварда Хэгстрома, с тех пор как он стал руководителем спасательной экспедиции, не баловала своим вниманием пресса. Он редко встречался с людьми, и Мария с шутливым недоверием утверждала, что его может обмануть ребенок.

— Всего четверть часа, профессор! — взмолился репортер.— Вы можете повторить все, что было сказано в официальных сообщениях.— Он извлек из кармана маленький диктофон.— Если можно, пройдемте в ваш кабинет, профессор. Шум ухудшает качество записи.

В кабинете у Хэгстрома репортер тотчас преобразился, с его лица исчезла профессиональная любезность.

— Интервью не понадобится. Я пришел предложить вам одно выгодное дело.

— Вы не репортер?

— Я представитель лиц, которые нуждаются в вашем содействии. Кругить вокруг да около я не намерен. Нам необходимо иметь в этом русском спасательном ковчеге своего человека,— твердо сказал гость.

Итак, его решили купить. Он мрачно думал о том, хватит ли у него хладнокровия, чтобы не запустить в этого типа.

— Мы не рассчитываем на бескорыстную помощь. Мы платим. Никакие университеты и организации не обладают такими средствами, как мы.

Хэгстрома душил гнев, однако он решил до конца выслушать «репортера». Может быть, это хоть немного прольет свет на тайну Ивера.

— Мы хотим от вас немногого. Вы свяжитесь с нашим членом на Ивере и выполните то, что он вам скажет.

— Что же он скажет?

— Это не грязная работа.

Если бы Хэгстром был лет на двадцать моложе, он бы с удовольствием поколотил этого прохвоста.

— Значит, на Ивере есть грейтландцы?

— Разумеется. Только в нашей стране найдутся достаточно отчаянные парни, способные на такое дело.

— Ну, а если я сейчас позвоню куда надо, и приедут люди, которым будет небезынтересно познакомиться с вами и вашими хозяевами?

— Вы, вероятно, думаете, что мы предлагаем вам десять тысяч?

«Нет, надо продолжать игру»,— подумал Хэгстром. Он согласился служить делу мира и для достижения его должен пройти через все.

— Что я должен делать?

— Мы проинструктируем вас перед отлетом, профессор,— улыбнулся гость. Он с трудом сдерживал свою радость.— Сколько вы хотите за работу?

— Надо подумать.— Хэгстром прошелся по кабинету.— Миллион. Я полагаю, что моя работа стоит того. Если ваша авантюра закончится благополучно, то вы загребете не один миллион... Впрочем, можете искать себе другого человека. Я ничего не имею против.

— Нет-нет, профессор, мы принимаем ваше условие. Вы сможете удвоить эту сумму, если вашей работой останутся довольны.

«Репортер» ушел, профессору стало жутко. Что делать, к кому обратиться?

— Нет, надо идти до конца!

«Что сейчас они делают? — думал Хэгстром о жене и дочери.— Хватит ли у них мужества вынести все, что началось теперь там без меня?»

Хэгстром взглянул на Тома Перкинса, который пел с Игорем Богатыревым:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды...

Боб Скотт, Пьер Рошаль, Хейнц Вильковски и Мацуумото Томоясу молчали. Они не отрывали глаз от звездной россыпи, сверкающей на экранах. Наверно, как и Эдвард Хэгстром, тоже думали о своих родных и близких, о тех, кто сейчас с надеждой следит за полетом корабля к космическому страннику, ставшему грозным соседом Земли.

Среди космонавтов, среди этих милых и мужественных людей есть враги? После старта Эдвард Хэгстром вскрыл конверт с инструкциями хозяев таинственного репортера. «На Ивере вы встретитесь с командиром космического корабля Рокком Дилингером. Пароль: «Мак всегда на высоте». Повторить дважды. Вам ответят: «Ивер еще выше». Рокк Дилингер сообщит вам, что делать.

На вашем корабле два наших парня. Они помогут вам в решающую минуту. Привет и наилучшие пожелания».

Два предателя на корабле... Хэгстром разглядывал космонавтов и чувствовал себя совершенно неподготовленным к той роли, которую должен был сыграть. От мрачных мыслей его вновь отвлекло прошлое. Ему вспомнилась беседа с президентом, состоявшаяся за день до отлета.

Хэгстром с недоверием относился к политикам. Считал, что политикой преимущественно занимаются личности, не способные проявить себя в чем-нибудь более серьезном.

После коктейля и вежливых вступительных фраз Хэгстром спросил:

— Я до сих пор не могу понять, господин президент, чем вы руководствовались, назначая меня председателем этой экспедиции?

— Мне известно ваше мнение о нас, политиках. Именно поэтому я и отставал вашу кандидатуру. Я буду с вами откровенен. Вы руководитель экспедиции ООН, и в то же время вы представитель нашей страны, и вам нельзя забывать об этом. По вашим действиям будут судить не об ООН, а о нашей стране. На Ивере, как вам уже известно, находятся грейтландцы. Это налагает на вас, профессор, большую ответственность. Поэтому вам придется быть политиком.

— Я должен защищать этих, с Ивера?

— Ни в коем случае. Однако вы должны помнить о своей родине и не упускать из виду, что в том сложном мире, в котором мы живем, отношение к преступникам будет и отношением к их родине. Вы должны сотрудничать с русскими лишь в той мере, которая диктуется угрозой катастрофы.

Эдвард Хэгстром чувствовал, что его охватывает ужас. Теперь он никому не мог верить, даже Тому Перкинсу, жениху Фанни.

Профессору казалось, что рядом с ним — ни одного честного человека, кроме Игоря Богатырева. Впрочем, Тому, пожалуй, он тоже мог поверить.

Эдвард Хэгстром наконец не выдержал, подошел к Богатыреву и, положив руку ему на плечо, тихо проговорил:

— Мне нужно посоветоваться с вами. Наедине.

Преступление века

Горизонт был совсем рядом, словно Билл Пренцлер смотрел на него из обрыва. Маленький мирок, затерявшийся в темном безмолвии пустоты... Восемь месяцев пребывания здесь превратили Билла Пренцлера в зверя. Нет, все они стали сумасшедшими: Ральф Маори, Генри Шварц, Фил Карриган, Рэндольф Стоун... Ивер не шутил с ними. Он кого угодно мог свести с ума!

Билл Пренцлер с раздражением ударил по кнопке, и экраны телевизоров погасли.

Ральф Маори резко вскинул голову, рванулся к Биллу и затравленно прорычал:

— Врешь!

Пренцлер остался спокоен.

— Мне незачем обманывать вас, Ральф. У профессора есть какая-то штука, иначе я ничем не могу объяснить то, что случилось вчера в каюте. Выстрелы были произведены в упор.

— Дьявол! — выругался Маори. — У босса, наверно, не все были дома, когда он задумал зачислить в нашу экспедицию этого шизофреника...

— Нас может спасти только союз с этим шизофреником, Ральф, — налил себе виски Пренцлер.

— Ты разговаривал с ним?

— Меня он не признает. Придется тебе... Кстати, как себя чувствует Фил? Ты, кажется, был сегодня у него?

Ральф Маори поморщился.

— Если бы этот щенок не был сыном босса, я вышвырнул бы его из корабля.

Билл выпил. Да, Ральф Маори способен выполнить свою угрозу. Этот человек не знает жалости. Он убивает с такой изощренностью, что даже у него,

у Билла Пренцлера, отправившего на тот свет не одного человека, волосы встают дыбом. Особенно врезалась в память смерть радиста Дени Гладова, который нарушил порядок, установленный боссом на корабле.— цустил в радиорубку профессора Рэдольфа Стоуна... Нет, Билл Пренцлер не хотел бы навлечь на себя гнев Ральфа Маори. Босс знал, кого назначить начальником этой проклятой экспедиции.

— Ладно, приведи его ко мне,— сказал Маори.

— Фила?— Пренцлер поднялся.

— Стоун... С Филом у меня будет особый разговор. Думаю, что нам придется забыть, что он сын босса...

Билл возвратился с профессором минут через двадцать. Стоун похудел, под его прищуренными глазами висели мешки, лицо было бледным. От губ к кроткому подбородку шли две глубокие морщины.

Маори не предложил профессору сесть, он смотрел на него цепким холодным взглядом.

Билл Пренцлер нервно переступал с ноги на ногу. Ему все труднее было переносить издевательства Маори, и он, пожалуй,

с любезностью произнес Ральф.— Давайте поговорим как джентльмен с джентльменом. Позабудьте на время, что вы находитесь на астеронде, летящем со смертоносным грузом к Земле. Позабудьте о Космосе, который окружает нас, о тех делаах, которые принесли вам так много неприятностей.— Маори задымил сигарой, прошелся по каюте.— Представьте, что вы находитесь на Земле, в своем родном городе, в кафе и сидите со мной за обыкновенным деревянным столом. Представили, профессор?

— Что вам от меня нужно?

— Итак, мы с вами сидим в кафе,— вернулся к прежней роли Ральф.— Вокруг нас клипит обычная земная жизнь со всеми своими минусами и плюсами, мы дышим этой жизнью, строим планы на будущее. Нам дьявольски хорошо! Затем вдруг все летит вверх тормашками. Мы узнаем, что через час наша страна исчезнет в атомном чаду, что никого из нас не будет, никого абсолютно: ни меня, ни вас, ни наших знакомых.

— Завально.

— Вы находите? Я ничего забавного в этом не вижу... Наша страна действительно может погибнуть в ядерном урагане, если мы не примем необходимых мер. Русские вооружаются, и как только мы зазеваемся, обрушат на нас пять тысяч водородных бомб.

— Откуда вы знаете, что у русских пять тысяч водородных бомб? — впервые взглянул Стоун на своего собеседника.

Ральф Маори многозначительно хмыкнул.

— Так...— Стоун немного помолчал.— Ну и что же будет, если русские обрушат на нас эти водородные бомбы?

— Я думаю, что вы лучше меня представляете, какую катастрофу может вызвать взрыв этих чудовищ.

Собственно, профессор ничего плохого не сделал, наоборот, если смотреть более широко, Рэндолф Стоун сделал великое дело— поставил на место Ральфа Маори, возомнившего себя чуть ли не самим Маком Карриганом.

— Здравствуйте, профессор. Как вы себя чувствуете?

Стоун даже не посмотрел на Маори.

— Лучше беспокойтесь о собственном здоровье, сэр.

Маори с трудом сдерживал себя. Слово «сэр», особо подчеркнутое профессором, готово было взорвать его. Только сознание того, что этот человек владел каким-то секретным оружием, охлаждало немногого его пыл.

— Это мой долг, профессор, беспокоиться о здоровье членов экипажа,—

Маори с трудом сдерживал себя. Слово «сэр», особо подчеркнутое профессором, готово было взорвать его. Только сознание того, что этот человек владел каким-то секретным оружием, охлаждало немногого его пыл.

— Это мой долг, профессор, беспокоиться о здоровье членов экипажа,—

— У вас, насколько мне известно, тоже имеются подобные чудовища.

— Что вы хотите сказать этим? — глаза Маори налились кровью.

— Послушайте, сэр, или как вас там по титулу, неужели вы серьезно думаете об уничтожении целого народа? — Стоун отодвинул от себя бокал винки, навалился грудью на стол. — Почему вы так быстро забыли об участи гитлеровцев? Ивер не спасет вас, наоборот, ускорит вашу гибель. Земля получила радиограмму. Вы прекрасно понимаете, что это значит.

— Не обманывайте себя, профессор, — подал голос Пренцлер, который все время стоял около Стоуна, готовый по первому знаку Маори пустить в ход оружие. — Земля не получила вашего сообщения. Передатчики были выключены.

Стоун медленно обернулся к Пренцлеру, посмотрел на него снизу вверх, протянул недоверчиво:

— Вот как?

— Да, так, — развел руками Билл.

— Не верю. Не верю.

— Вас никто не принуждает верить. Мы сообщаем лишь о свершившемся факте и только, — усмехнулся Маори. — Впрочем, сообщение Билла может подтвердить Фил Карриган. Он ваш единомышленник в некотором роде. Между вами не должно быть секретов, не так ли?.. Билл, приведи парня! — обратился Ральф к Пренцлеру.

Пренцлер вышел.

Стоун повернулся к двери и застыл в ожидании.

Маори торжествующе скривил губы. «Ничего, ничего, — думал он. — На этот раз я выколочу из тебя все, красная рожа. Ты раскроешь мне свой секрет. Я не таких уламывал. Недаром звали меня «Кровавым Ральфом».

Однако на душе у Маори было неспокойно. Он не совсем верил в удачу задуманного «эксперимента». Ни Стоун, ни Фил, пожалуй, не отступятся.

Карриган-младший вошел с высоко поднятой головой.

Профессор вздохнул всей грудью.

— Я рад тебя видеть, Фил.

Юноша подошел к Стоуну.

— Здравствуйте, профессор. Я тоже рад видеть вас. Вы так похудели! Они вас не кормят? — в глазах Фила взметнулась тревога.

— Кормят, Фил, не волнуйся. — Стоун судорожно проглотил слюну. — Ты извини меня, Фил.

— Что вы, профессор, это я у вас должен просить прощения, — улыбнулся Фил. — Если бы не вы, я бы и не узнал, какую судьбу мы готовили Земле. Я был уверен, что наша экспедиция — научная. Мне так хотелось найти здесь следы фаэтонцев. Это ведь возможно, правда?

— Правда, Фил, — кивнул Стоун, хотя и не верил в гипотезу Карригана-младшего.

Ральф Маори и Билл Пренцлер переглянулись и, не сговариваясь, поняли, как повести дальше беседу с этими фанатиками.

— Мы предоставим вам возможность обследовать Ивер, если вы согласитесь принять наши условия, — вкрадчиво сказал Маори.

У Фила дрогнули губы.

— Это правда?

— Разумеется... Разве я когда-нибудь обманывал вас?

— Не-ет... Кажется, нет, — пожал плечами Фил.

Маори посмотрел на Стоуна:

— Вы ничего не хотите сказать, профессор?

— Я вам уже все сказал, Ральф, — устало отозвался Стоун. — Послушайте, Фил, — вдруг резко подался Стоун к Карригану, — радиопередатчики работали, когда передавали радиограмму на Землю?

— Работали, конечно, работали, — удивился Фил перемене голоса Стоуна. Маори расхохотался.

— Не морочь, Фил, старику голову. Радиопередатчики были отключены. Об этом мне сказал перед смертью Дени. Не стройте никаких иллюзий. Согласитесь сделать то, что я скажу — будете жить, не согласитесь...

Фил вздрогнул, взглянул на Стоуна, снова спрашивая, как же быть дальше. Профессор успокоил его кивком головы, ответил Ральфу:

— Вы хотите, чтобы мы были заодно с вами? Ничего не выйдет, сэр. Мы будем бороться с вами.

— Это ваше последнее слово?

— Да.

— Фил, поговорите с ним. Может быть он послушается вас. В противном случае... Смерть Дени покажется вам забавой, когда вы станете лицом к лицу с собственной смертью. Я не посмотрю, что вы сын босса.

Фил Карриган ссыпал глаза.

— Подумайте о своей смерти, Ральф Маори. Она будет страшней моей. Ваше имя, как имя Герострата, люди будут повторять только для того, чтобы напоминать поколениям о той участи, которая ждет врагов человечества.

— Ты прекрасно сказал, Фил, мой мальчик,— тепло проговорил Стоун.— Я рад, что судьба свела меня с тобой.

Маори снова захохотал:

— Не верь, Фил, этой старой крысе. Он знал все с самого начала.

Фил вопросительно посмотрел на Стоуна.

— Ложь! Очередная ложь!

— Нет, Фил, это не ложь. На Земле Стоун служил твоему отцу верой и правдой. Однако все время тяготился этим — не имел власти. Здесь же вообразил, что двигательные установки находятся под его контролем, значит, он может стать первым человеком.

— Вы, Ральф, принадлежите к той опасной породе, которая считает, что власть — главное. У вас был идеологический предшественник, иский Фридрих Ницше. Вы, разумеется, не слыхали о нем. Правда, он был намного умнее вас. Кстати, Ницше умер в клинике для умалишенных.

Распахнулась дверь, и на пороге появился Генри Шварц.

— К Иверу приближается корабль!

Тишину, наступившую после сообщения Шварца, взорвал резкий отрывистый крик Маори:

— Чей?

— Не знаю. На вызов не отвечает.

— Это наш корабль, — решил Билл Пренцлер.

— Наш? — повторил Маори. — Может быть, русский? Повторите вызов, Генри. Если не ответит, пустите в дело ракеты!

— Хорошо, сэр!

Генри Шварц вышел.

— Билл, отведите их, — кивнул Маори на Стоуна и Фила. — Посадите в одну кабину.

Пренцлер прихватил со стола бутылку виски.

— Пошли!

Ральф Маори направился в радиорубку.

Генри Шварц встретил его радостной улыбкой.

— Ответили, сэр. Минуточку... Мак всегда на высоте. Мак всегда на высоте... Наши, сэр... Черт возьми, почему они сразу не отвечали? Я подумал, что нам крышка!

— Возьми себя в руки, Генри! — Маори выпрямился. — Отвечай! Ивер еще выше! — он вытер ладонью вспотевший лоб. — Можно с ума сойти. Босс, видно, прислал нам подарочки к рождеству... Генри, русские не могли узнать наш пароль?

— Что вы, сэр!

— Держи корабль под прицелом. Если он окажется не нашим, мы разнесем его на Ивере.

— Хорошо, сэр!

Маори заперся у себя в каюте.

Кто эти люди? Как ему вести себя с ними? Русские не могли принести радости. Ничего хорошего нельзя ждать и от своих. Мак Карриган не прощал грубой работы. Радиограмма была принята на Земле, и Маори должен сейчас держать ответ.

Впрочем, Ивер не Земля. Миллиарды босса теряли здесь вес, как и все, что было на этом чертовом огрызке.

Ну а что, если ему самому взять в руки это хозяйство? Кто помешает? Ребят Карригана можно перетянуть на свою сторону, командира убрать... Самое главное, конечно, надо немедленно завести дружбу с профессором Стоуном. Этот яйцеголовый вышел из повиновения, как только узнал, что на Ивере будет сооружена отнюдь не обсерватория.

Да, если Стоун согласится, можно будет послать Мака Карригана ко всем чертам. Тогда Ральф Маори оседлает астероид и станет диктовать свою волю Земле. Эй, кто там смел протестовать? Получите камушек на голову. Еще кто желает? Никто не желает? В таком случае. Ральф Маори провозглашает себя верховным владыкой! Ральф Первый? Звучит!

Вошел Генри Шварц.

— Корабль совершил посадку, сэр. Командир корабля Рок Дилингер. Он просит вас навестить его.

Ральф Маори резко повернулся к Шварцу, сказал напыщенно:

— Мы здесь хозяева, Генри. Передайте Дилингеру, что я приглашаю его к себе. Приготовьтесь к встрече.

Нет, решительно, этого Стоуна необходимо привлечь на свою сторону, решительно...

Фил Карриган подошел к Рэндольфу Стоуну сразу, как только Билл Пренцлер закрыл за собой дверь «изолятора».

— Вы знали?

— Нет.

— Прошу вас, говорите правду!

— Если бы я знал заранее, то еще на Земле принял бы необходимые меры.

— Я совершенно растерялся, профессор, не знаю, кто враг, кто друг. Это так страшно — услышать о своем отце, что он...

Фил умолк. После всего, что ему стало известно, не хватало мужества выговорить это слово. Собственно, он даже не знал, какое слово применить к отцу. Подлец? Негодяй? Преступник? Сумасшедший?

Странно, как в семье миллиардера могло вырасти это иевинное существо? Удивительный плод принесло генеалогическое древо промышленников и финансистов. У парня были все данные, чтобы со временем стать неплохим ученым. Фил увлекался астрономией. Весь путь от Земли до Ивера он доверительно говорил о своей мечте: отыскать на астероидах, в частности на Ивере, следы цивилизации гипотетической планеты Фаэтон, из осколков которой, как утверждали некоторые ученые, образовался пояс астероидов. К сожалению, вместо научных поисков ему приходится бороться с кучкой обезумевших маньяков, исполняющих волю его отца.

У профессора Стоуна не было детей. Он женился, когда ему было двадцать два года, а его будущей жене Дженини — девятнадцать. Перед ним открывались блестящие перспективы. Его небольшая статья была опубликована самим великим Фейнманом. Фейнман, якобы, сказал по этому поводу: «В благоприятных условиях такие, как Стоун, становятся Планками и Эйнштейнами». Стоун отважился попытать свои силы на единой теории поля, которую не смог одолеть сам Эйнштейн. Молодость, здоровье, честолюбие и дьявольская работоспособность успешно двигали работу, и Рэндольф Стоун уже видел контуры теории. Дженини сказала, что они еще молоды и вполне могут повременить с продолжением рода: Рэндольф должен работать. Он согласился. Малодушно согласился.

Потом пришли страшные дни болезни. Дженини слегла... Рак.

Она умирала долго и мучительно. Стоун запустил работу. Все время проводил с умирающей. Он десятки раз заводил ее любимую пластинку — «Маленьющую ночную серенаду» Моцарта... Сейчас у него не было сил слушать этот светлый и печальный мотив.

После смерти Дженини будто что-то надломилось в Стоуне. Единая теория поля была заброшена, работа лежала в самом дальнем ящике письменного стола.

Когда на его пути встретился Фил Карриган, ему стало не по себе. Он подумал, что у него мог быть такой взрослый сын.

— ...Ничего, Фил, ничего. Мы еще повоюем с тобой. Врагов и друзей узнают по делам.

Карриган-младший обмяк, устало присел на диван и смотрел на Стоуна печальными преданными глазами.

Профессор внезапно вскочил.

— Малыш, передатчики не были отключены... Маори и Пренцлер пытались поймать нас на удочку. Видел, как всполошил их приближающийся корабль? Они не знали, кому он принадлежит. Значит, это может быть спасательная экспедиция? Мы с тобой должны бороться! Я надеюсь на твою помощь.

— Я сделаю все, профессор, что смогу.

Фил Карриган принялся разбирать свой лазерный пистолет. Стоун выключил экраны обзора и долго смотрел на фиолетовые скалы Ивера.

— Почему вы вообще связались с моим отцом? — вдруг вскинул голову Карриган-младший.— Вы же человек науки.

После смерти Дженини Рэндольф Стоун явно сдал. С большим трудом, без воодушевления написал несколько работ, что позволило ему утвердиться в университете.

Однако, не терпящий дельцов от науки Стоун однажды высказал в резкой форме все, что думал о своем декане. От него потребовали публичного извинения. Стоун послал декана ко всем чертям. Карьера преподавателя кончилась. Вскоре кончились и сбережения. Наступили черные дни.

Однажды в маленьком ресторанчике у бензоколонки Стоун встретил своего одноклассника Энгсли.

Профессор сидел в углу и пил тепленькое пойло, которое почему-то назы-

валось «кофе по-шоферски». Энгсли зашел погреться, пока заправляли его машину. Стоун сразу узнал коротышку. Еще в школе Энгсли отличался деловыми талантами: менял то карандаш на тетрадь, то тетрадь на циркуль.

Теперь у другого проема стоял лучезарный, судя по всему преуспевающий Энгсли, за окном два парня в комбинезонах наводили лоск на дорогую машину Энгсли. Сам он брезгливо рассматривал незатейливую обстановку ресторочка и его посетителей.

— Рэнди, неужели это ты? Или я ошибся?

— Хочешь что-нибудь поменять? — спросил не очень-то приветливо Стоун.

Он не испытывал уковов самолюбия при этом неизбежном сопоставлении: успех и неудача, богатство и бедность. Просто скучно говорить с такими, как Энгсли. Однако Энгсли уже подсел к столику и заговорил о том, что всегда говорят при встрече со знакомыми детства: как быстро течет время, как они «с тех пор» переменились. Потом Энгсли тактично сообщил о себе. Он имел хорошее место, у него были отличные перспективы, красавица жена, дети...

— Ну, а как ты, старина?

Абсолютно неожиданно для самого себя Рэндольф Стоун разоткровенничался, как обычно откровенничают с дорожными попутчиками, веря, что никогда с ними не встретятся и краснеть за признания не придется.

— Понимаю, старина, сочувствуя, — закивал Энгсли. — Вообще, грустно... Погоди, погоди, — вдруг заволновался он, — так ты тот самый Стоун, который, как уверяют, решил проблему единой теории поля?

Рэндольф Стоун впервые с момента встречи с интересом взглянул на собеседника.

— Собственно, откуда такая эрудиция?

— Я инженер, старина.

— Вот как? Мне почему-то казалось, что ты не в состоянии отличить бифштекс от редуктора.

Энгсли обиделся, но не подал вида.

— Слушай, Рэнди, плонь на этих университетских чистюль. Я могу тебе помочь. Попытаюсь уговорить босса. Нам нужны мозги.

— Кто твой босс?

— Мак Карриган.

— Понятия не имею. Физик?

Энгсли пришел в восторг. Он долго хохотал, хлопая себя по коленкам.

— Ну, Рэнди, это слишком. Это нефть. Высокопрочные сплавы. Титан. Ракетное топливо. Космические корабли. Электронная аппаратура... Право, легче назвать то, чем он не занимается... Физик!

— Значит, этот самый Мак Карриган на досуге будет разрабатывать со мной единую теорию поля?

— Не дури, Рэнди. Настоящая наука у нас. Университетам достаются объемки. Лучшие мозги у нас. Лучшие лаборатории у нас. Оборудование — мечта! Так поговорить, Рэнди?

— Валяй, — вяло согласился Стоун, совершенно не веря в реальность предложения.

Энгсли приехал за Стоуном недели через три после встречи.

— В таком виде я не могу представить тебя боссу, — осмотрел он профессора. — Ничего посвежее не осталось?

— Нет, — признался Стоун.

— Ладно. Что-нибудь придумаем дорогой. Посхали.

Они завернули в магазин готового платья, Энгсли протянул Стоуну несколько бумажек.

— По-дружески, старина. Отдашь, как только босс возьмет тебя.

На улице Энгсли придирчиво оглядел облик возрожденного профессора:

— Ничего. Сойдет. Не робей.

Стоун и не робел. Даже если Мак Карриган и не захочет воспользоваться его талантом, то он все равно будет в некотором выигрыше: любопытно поговорить с самым богатым человеком страны.

Однако сам Энгсли становился все более смиренным по мере того, как лифт возносил их на сороковой этаж. Лучезарное сияние вокруг Энгсли угасло. В приемной Карригана Энгсли явно уменьшился в размерах. Когда же секретарь отворил дверь в кабинет босса, голос школьного друга стал робок и заискивающим.

— Это профессор Стоун, о котором я говорил вам, сэр.

— Отлично, — густым басом отозвался Мак Карриган. — Подождите в приемной, Энгсли. Вы мне еще понадобитесь.

Стоун с любопытством разглядывал кабинет богатейшего человека в мире. Странно, ничего особенного в нем не было. Обычные панели из пластика, длинный стол заседаний, рядовой рабочий стол, пульт связи.

— Добрый день, мистер Стоун.

— Добрый день, мистер Карриган. Это верно, что вы самый богатый человек в нашей стране?

Мак Карриган не ожидал подобной напивной прямоты.

— Сомневаюсь, — отозвался он. — Однако пытаюсь им стать.

— Непомерное богатство доставляет вам радость?

Карригана забавлял неожиданный ход беседы.

— Пожалуй, я могу быть с вами откровенным.

Карриган усмехнулся.

— Деньги, мистер Стоун, — это власть. Это возможность повелевать и вершить.

— Вы счастливы?

— Странно в устах ученого звучит столь расплывчатый термин... Что такое, собственно, счастье? Если понимать под этим обладание, то — нет. Неизбежно наступает пресыщение. Безграничные возможности для осуществления самых дерзких замыслов — вот что такое счастье, мистер Стоун... Впрочем, давайте перейдем к нашему делу.

Время, отведенное на психологические экскурсы, было исчерпано. За столом против Стоуна сидел седой человек с жестким и умным взглядом.

— Вы занимаетесь единой теорией поля? Так? Меня интересует практическое использование.

— Мне кажется, что на первом этапе практического использования не предвидится.

— Почему же вы работаете над этим?

Стоун потрогал жесткий подбородок.

— Лет двести назад некто Буль разработал раздел математики, названный алгеброй логики. Это было изящно, остроумно, точно и никому не нужно. Однако в начале сороковых годов нашего века было обнаружено, что расчет электронно-вычислительных машин невозможен без применения этой алгебры.

— Я не уверен, что проживу такой срок.

Стоун встал.

— Благодарю вас, мистер Карриган, за редкую возможность побеседовать с вами.

Мак Карриган улыбнулся.

— Погодите, профессор. Именно таким нарисовал ваш характер Энгсли. Вы мне нравитесь, и я готов предоставить вам возможность заниматься проблемой, которая пригодится нашим правнукам. Нужно же иногда думать и о потомках. Однако, я полагаю, вас не затруднит решение некоторых проблем, которые понадобятся через год. Например, движение небесных тел солнечной системы... астероидов, комет. — Рэндолф Стоун был ошеломлен. Этот человек обладал железной хваткой, нужно было отдать ему должное. — Энгсли познакомит вас с моим заместителем, и вы сможете обговорить условия.

— Благодарю.

Так профессор Рэндолф Стоун стал работать в мозговом тресте гигантского промышленного объединения Мака Карригана.

Условия были отличные, лаборатории великолепные, задания необременительные. Оставалось много свободного времени, и однажды Стоун решился извлечь из дальнего ящика заветную рукопись.

С виноватой улыбкой разглядывал он пожелтевшие страницы и, кажется, слышал вступительные такты «Маленькой ночной серенады».

Он решительно взялся за работу и наконец пришел к финишу: на отдельном листке вывел шесть изящных уравнений, в которых было обобщено все, что до сих пор рассматривалось независимо друг от друга — слабые взаимодействия, мезонные поля, гравитация, электромагнитные излучения. Стоун был счастлив. Однако публикацию своего труда отложил. Он присмотрелся за это время к объединению Мака Карригана, и в его душу начали западать сомнения. В лабораториях существовали какие-то отделы, где ему ни разу не удалось побывать. Велись, судя по всему, секретные исследования.

Стоун заметил также, что зачастую политические оценки в стране и за рубежом, которые в разговоре нередко высказывал Мак Карриган, через определенное время повторялись прессой и весьма ответственными деятелями правительства учреждений. Вот она — власть, о которой говорил при знакомстве Карриган...

Из шести уравнений следовали совершенно неожиданные практические выводы. В руках таких людей, как Мак Карриган, любое открытие могло превратиться в оружие. Стоун с мрачным сарказмом думал иногда о том, что среди подобных властолюбивых джентльменов можно было без особого труда отыскать деятелей, лакированные башмаки которых прятали развоенные копыта. Поэтому его работа в один прекрасный день перекочевала в сейф скромного агента по страхованию недвижимости, сам же Стоун принялся тайно монтировать прибор.

Когда началась эта авантюра с Ивером, профессора пригласили на совещание к боссу.

Карриган молча разглядывал приглашенных. Шел двенадцатый час ночи. В кабинете было прохладно. Работали установки ионизированного воздуха. Пахло хвойей и дождем.

Стоун с любопытством изучал штаб Мака Карригана. «Наполеон и его маршалы, — подумал он. — Интересно, к какому походу мы будем готовиться?» Вертлявый Энгсли, неприятный субъект с мрачным взглядом по имени Маори, резковатый Генри Шварц, подтянутый краснолицый джентльмен с военной выправкой Пит Алькатрос. Рядом с боссом — Рок Дилингер. Стоун чувствовал себя инородным телом в этом обществе.

— Мы пригласили вас, профессор, чтобы узнать ваше мнение по следующему вопросу, — начал Мак Карриган. — Что вы думаете об Ивере? Я имею в виду проект, предложенный советским астрономом Красновым?

— О превращении Ивера в управляемую космическую обсерваторию? — уточнил Стоун.

— Да.

— Весьма любопытно. Создание такой обсерватории позволит нам лучше знать дом, в котором мы живем. Для вас, я думаю, не новость, что многочисленные астероиды играют с Землей в жмурки. Падение достаточно массивного астероида на Землю маловероятно, однако не исключено. Это может вызвать грандиозную катастрофу. Обсерватория на Ивере — своеобразный космический патруль Земли. Она могла бы прогнозировать солнечную активность, метеоритную обстановку при подготовке космических полетов, не говоря уже о наблюдениях за планетами и звездами. Если размеры астероида достаточны, то персонал обсерватории будет защищен от метеоритной и радиационной опасности лучше, чем в самом современном космическом корабле.

— Вы полагаете, что можно создать силовые установки, способные управлять движением Ивера?

— Да.

— Я попрошу вас подготовить расчеты.

— Хорошо... Вы намерены создать обсерваторию на астероиде?

— Почему бы и нет? Мы не должны уступать инициативу русским.

Рэндольф Стоун ушел с совещания с весьма противоречивыми чувствами. Подобный эксперимент вызывал у него куда больше воодушевления, чем все, что ему приходилось делать в фирме Карригана. Однако сомнительно, чтобы Мак Карриган мог бескорыстно жертвовать свои миллионы науке, прогрессу.

Необходимые расчеты Стоуна выполнил в срок. И дело пошло. С лихорадочной быстрой началось изготовление силовых установок, на секретном ракетном полигоне снаряжался космический корабль, была закуплена самая современная портативная вычислительная машина.

За месяц до отправки экспедиции на Ивер Мак Карриган снова пригласил к себе Стоуна.

— Как бы вы отнеслись, профессор, к предложению стать техническим руководителем работ на астероиде?

Рэндольф Стоун растерялся.

— Я не подготовлен к такому обороту дела.

— Подумайте.

В конце концов Стоун согласился.

— Мне бы хотелось, — сказал в ответ на согласие ученого Мак Карриган, — чтобы вы хранили молчание об экспедиции.

— Почему?

— Не хочу преждевременно поднимать шум. Хочу воспользоваться методом русских. Они сообщают о достижениях только тогда, когда располагают достоверными данными об успехе... Скажите, профессор, вы не будете возражать, если я поручу вам дополнительное дело? Это моя личная просьба.

— Я вас слушаю.

Мак Карриган нажал кнопку. Из боковой двери в кабинет вошел юноша.

— Знакомьтесь, профессор. Мой сын — Фил... Мальчишка увлекается астрономией и хочет участвовать в экспедиции. Мне его планы не доставляют удовольствия. Все-таки, знаете ли, космос есть космос.

«Ну, конечно, нас ты купил, и опасности, которые грозят нам, тебя не волнуют», — подумал Стоун.

Однако младший сын Карригана ему понравился.

— Вас удивили склонности Фила? — улыбнулся Мак Карриган.

— Да, — откровенно признался Стоун.

— В старинных русских дворянских родах существовала традиция: старший сын становился наследником, младшего посвящали церкви. В наши дни, профессор, космос стал новой религией.

— Сочувствую.

— У мальчика идея фикс. Он верит в то, что астероиды являются осколками Фаэтона, и намерен отыскать на Ивере следы фаэтонской цивилизации. Что вы об этом думаете?

— Эта идея занимает сейчас многие умы. Мне остается пожелать удачи Карригану-младшему.

— Я рад, профессор, — покраснел Фил.

Стоун взял с собой свой прибор и намеревался за долгое время полета завершить его отладку. В пути он с удовольствием и подолгу беседовал с Филом и проникался к нему все большей симпатией.

— Отец препятствовал вашему увлечению астрономией? — как-то поинтересовался Стоун.

— Не знаю, — помедлил немного Фил. — Вначале это вызывало насмешки, потом он даже поощрял. Впрочем, ему почему-то хотелось, чтобы я занялся позней и искусством. Кстати, по настоянию отца я выучил наизусть несколько вещей Уитмена.

— Он любит Уитмена?

— Наверно.

Полет к Иверу и посадка на него прошли благополучно.

Через некоторое время были сооружены силовые двигательные установки, оборудованы хранилища горючего, склады. После этого малогабаритная электронная машина, предназначенная для расчета траектории и управления силовыми установками, вступила в строй. Вскоре был совершен пробный пуск установок.

Стоун прокомментировал:

— Все идет, как намечалось.

Командир экспедиции Ральф Маори удовлетворенно хмыкнул.

— Значит, в любой момент мы можем начать управление Ивером?

— Безусловно.

— Отлично, профессор.

— Когда прибудет персонал обсерватории? Мне бы хотелось встретиться с астрономами!

Ральф Маори насмешливо улыбнулся и пообещал Стоуну ответить на все его вопросы на банкете.

Через несколько часов в капитанской каюте собрались все участники экспедиции. Маори с пафосом поздравил собравшихся с успешной пробой, затем, не спуская глаз с профессора, заявил, что Ивер не будет превращен в обсерваторию. Мистер Карриган и не думал заниматься подобной чепухой. Он поручил лично ему, Ральфу Маори, изменить траекторию движения астероида таким образом, чтобы он шлепнулся на территорию России, вернее, на ее столицу — Москву. В нужный момент, продолжал Маори, корабль снимется с Ивера и благополучно совершил посадку в империи Мака.

Для всех, кроме Стоуна и Фила, это не было новостью. Собственно, Стоун в глубине души предчувствовал нечто подобное. Он видел, что Ральф Маори держится так, словно владеет великой тайной. По мере того, как работы подходили к завершению, его тон становился все более наглым. Нет, Стоун никогда не был удивлен. В эту секунду он думал только о том, что нужно не выдать своих чувств.

Вскочил Фил Карриган.

— Это неправда! — закричал он. — Вы лжете, Ральф! Мой отец не мог подписать под таким чудовищным планом. Он не убийца!

Вместе с Маори захотели Билл Пренцлер и Генри Шварц. Они отлично знали Мака Карригана и подумали, что Фил решил заступиться за папашу, чтобы успокоить собственную совесть.

— Я вас прошу, Фил, не будьте наивным, — сказал Маори. — Ваш отец такой же грешник, как и все мы, и если ад действительно существует, то для него приготовлен самый большой котел...

Фил рванулся к Маори со сжатыми кулаками, однако, увидев в его руке пистолет, отступил и больше не проронил ни слова.

Эта сцена обрадовала Стоуна. В трудный момент он мог рассчитывать на помощь юноши.

Мак Карриган между тем не мешкал — вскоре на поверхности Ивера появились водородные бомбы, доставленные грузовой ракетой.

Фил Карриган бродил по Иверу один, как привидение, с упорством одержимого разыскивая следы погибшей цивилизации.

Стоун все это время незаметно наблюдал за Филом. Он уже был твердо уверен в том, что Карриган-младший примет его сторону.

Как-то Стоун увел Фила в пещеру, обнаруженную им в глубине планетоида, и поделился своими планами. Фил внимательно выслушал профессора и тотчас спросил, что он должен делать.

— Ты дружишь с радиостом Дени Гладовым. Попробуй уговорить его передать на Землю радиограмму, — сказал Стоун.

— Какую?

— Мы должны сообщить правду об экспедиции. Это наш святой долг, мой мальчик.

— Я сделаю все, профессор, чтобы люди узнали правду! — горячо воскликнул Фил. — Можете целиком положиться на меня.

Фил Карриган выполнил свое обещание. Правда, оно принесло слишком много бед. Радист Дени Гладов, передававший сообщение на Землю, был пойман с поличным. Озверевший Маори избил его до полусмерти прямо в радиорубке. Почти бесчувственный Дени сообщил содержание радиограммы.

— Кто тебя купил?

Ничего не делая даром, Ральф Маори считал, что все, кого он видел и знал, любое поручение выполняли за деньги.

— Никто, — сказал Гладов.

— Врешь, тебя кто-то купил. Я знаю тебя. Ты за цент задушишь любого. Советую говорить правду, иначе останешься здесь. Один. Поиял?

— Понял.

— И жду... Только, пожалуйста, не фантазируй. Итак, кто тебя купил? Дени молчал.

— Генри! — рявкнул Маори. — Ты еще не разучился пускать кровь? Примени к этому мальчику что-нибудь из того, что делал твой предок в Освенциме.

— С удовольствием, сэр, — осклабился Шварц. Он шагнул к Дени, разом вывернув ему назад руки, прижал к лопаткам.

Дени Гладов был славным малым, однако у него не хватило мужества вынести изощренных пыток Генри Шварца. Он назвал имя Фила Карригана.

Минутное замешательство парализовало космических гангстеров. Никто из них и мысли не допускал, чтобы сын босса, этот невинный ягненок, мог совершить такое.

На Дени Гладова снова посыпались удары. Маори требовал назвать другое имя. Человек, связанный с Землей, мог испортить всю операцию.

— Клянусь, ты не увидишь Землю, — все больше сипрепел капитан. — Пожалей свою молодость, осел!

Гладов другого имени не знал. Маори приказал привести Фила Карригана.

Фил оказался более крепким орешком, он не предал Стоуна, несмотря на угрозы.

Маори решил страхом выбить из сына босса признание — он велел одеть Дени Гладова в легкий скафандр и вышвырнул его из корабля. Бедняга вскоре умер, глядя на Фила, не отходившего ни на минуту от иллюминатора.

— Грязная скотина! — всхлипнул Фил. Он с ненавистью посмотрел на Маори.

— Что?

Маори бросился к Филу и, потеряв всякую осторожность, ударил его по лицу.

Фил отлетел к стенке. Из его рта хлынула кровь. Однако боли он не почувствовал. Было нестерпимо обидно и унижительно. В его голове не укладывалось, что произошло.

В каюту вошел Стоун.

— Что случилось? Кто тебя ударил, мальчик?

Маори недовольно поморщился. Он уже успел взять себя в руки. С профессором ссориться не следовало. Стоун был нужен — он корректировал траекторию Ивера, и без его знаний пришлось бы туда.

Выручил Билл Пренцлер.

— Простите, профессор, это я. Мы повздорили с парнем, ну и... — Он подошел к Филу. — Не сердись, ста-

рина. Я искренне сожалею, что это произошло. Наверно, космос повлиял на мои мозги. Этого не будет больше. Поверь.

Фил затравленно озирался.

Стоун увел его к себе и с трудом добился от юноши истины.

— Вот что, мальчик, нужно держать себя в руках. Я не знаю, что будет предпринято на Земле. Возможно, наше сообщение не дошло, возможно, что его не примут во внимание. Мы должны быть готовы к самостоятельным действиям. У меня есть некоторые возможности. В нужный момент мы пустим их в ход. Ты мне веришь?

— Пытаюсь.

— Будь мужчиной, Фил!

— Я не могу забыть Дени.

— Мы не имеем права погибнуть, слышишь? Мы должны вернуться на Землю и все рассказать.

— Не знаю.

— Не хандри, Фил. Через полтора месяца Ивер обогнет Солнце и начнет двигаться к орбите Земли. Если к этому времени не будет с Земли помощи, мы начнем действовать сами!

Рэндолф Стоун бодрился, однако не был уверен в благополучном исходе борьбы.

Накануне, если пользоваться земной мерой времени, Стоун пришел к Маори. В кармане пиджака была плоская коробочка — практический вывод из шести формул. Рядом с Маори восседал Билл Пренцлер.

— В чем дело, профессор? — грубо спросил Маори. — Мы заняты,

— Успеете допить свое виски, — отрезал Стоун. — Я буду предельно краток. Мне не были известны планы босса, и я работал, не жалея сил, однако теперь, когда мне стало все ясно, я отказываюсь быть с вами в одной упряжке. Ивер не должен упасть на Россию. Его движением управлю я, и я не дам вам вычислений, которые позволили бы совершить преступление.

Маори захочатал.

— Старина Мак тяжелый человек, однако голова у него превосходно работает. Он предполагал, что вы можете заартачиться. Как по-вашему, Стоун, кто такой Генри Шварц?

— Убийца.

— Не только. К счастью для нас, он окончил университет и четыре года возглавлял вычислительный центр на ракетодроме Мака.

Маори выложил своего туза, его необходимо было покрыть козырем, что Стоун и сделал.

— Шварц, может быть, неплохой вычислитель, но никудышный астроном. Астрономические расчеты могу выполнять только я. Может это сделать, пожалуй, и Фил. Фил отказывается работать с вами. Я — тоже. До встречи с Землей придется проводить не один сеанс коррекции. Достаточно ошибки в сотую долю градуса, и этот камешек пролетит мимо цели.

Маори понял, что доводы достаточно вески.

— Бунт? Ультиматум? Вы даете себе отчет в том, что делаете?

— Я все обдумал, Маори.

— Мы прибегнем к неинтеллигентным методам воздействия. Для начала, Стоун, лично я продырявлю вам ножки, чтобы вы не ревились.

Маори деловito извлек лучевой пистолет и начал целиться. Стоун локтем надавил на кнопку своего прибора. Тотчас запахло озоном, вокруг Стоуна возникла невидимая оболочка силового поля.

Стоун не раз у себя в каюте проводил испытания. Ставил управляемый на расстоянии прибор на стул, отходил к двери и разряжал в него свой лайтинг.

Однако сейчас в оболочке поля находился сам Стоун, и, хотя он верил в прочность защиты, ему было неприятно следить за черным кружком дула пистолета.

Маори выстрелил.

Стоун улыбнулся. Значит, все в порядке, он напрасно волновался. Прибор действовал превосходно.

Маори шагнул к Стоуну. Стоун содрогнулся, увидев его взгляд. Это был взгляд безумца.

— Вы невредимы?

— Как видите.

— А-а-а...

Маори со страхом и отчаянием, уже не целясь, лихорадочно нажимал кнопку. Короткие вспышки были бессильны прорваться сквозь невидимую броню.

— А-а-а! — снова завопил Маори.

— В вашем лайтинге, наверное, перегорел конденсатор, — усмехнулся Стоун.

— Что?! Билл, стреляйте! Стреляйте, черт бы вас побрал!

Пренцлер тоже разрядил в Стоуна пистолет...
В конце концов Стоуна заперли в его каюте. Стоун решил не протестовать. Он был уверен, что всей этой банде придется прибегнуть к его помощи.

— Любопытно, догадался ли Маори об этой штучке! — Стоун показал Филу прибор.

— Значит, вы довели свою работу до конца? — с откровенным восхищением поинтересовался Фил. — Я рад, что мне первому вы сообщили об этом.

Стоун улыбнулся.

— Да, работа закончена, малыш. Однако чай же это корабль?

Фил вздрогнул.

Стоун встал с кресла, подошел к иллюминатору.

— Он сел. Слышишь? Включи экран.

Фил нажал кнопку обзорного экрана, и у скалы увидел продолговатое серое рыбообразное тело.

— Карригановский, — определил Стоун; громадина была точной копией корабля, на котором они находились. — Это плохо, мальчик. Очень плохо.

— Может быть, отец прилетел?

Стоун уловил в словах Фила затаенную надежду.

— Сомневаюсь... Впрочем, если даже и так, то не строй, пожалуйста, никаких иллюзий. Лично тебе, возможно, и ничего не грозит, однако угроза Земле остается.

Огонь в глазах Фила потух.

— Мне иногда все это кажется дурным сном... Я обещал Салли подарить к свадьбе камень с Ивера. Увижу ли я ее теперь?

— Я думаю, что ты вручишь подарок своей невесте, и надеюсь побывать на твоей свадьбе. Если, конечно, ты пригласишь меня?

— Кого же мне еще приглашать? Маори?

— Кто знает, мальчик. Здесь мы с тобой соратники. На Земле можем быть врагами. Я — рядовой физик, ты — наследник миллиардов.

К Иверу

— Так что же мы будем делать, мистер Богатырев?

Командир корабля жестко ответил:

— Допрашивать! — Затем лицо его разгладилось, и он доверительно сказал: — Чертовски неприятно, мистер Хэгстром. Я сейчас думал о каждом из наших спутников, вспомнил их биографии и не мог найти ничего такого, что свидетельствовало бы о возможности предательства. Мы были полтора месяца в космическом центре, довольно близко познакомились, и у меня нет морального права кого-то заподозрить.

— Вы интересовались нашими биографиями?

— Да. Это вполне естественно. Мы в космосе, и нам, возможно, предстоит драка. Если бы речь шла о банкете, профессор Хэгстром, то меня вряд ли заинтересовали бы биографии соседа слева и соседа справа. — Богатырев прошелся по каюте. — Еще одно. Хотим мы или не хотим, однако нам приходится делать общее дело. Я не буду лицемерить и уверять вас, что разделяю принципы, которыми руководствовались при комплектовании экипажа корабля. Давайте договоримся на будущее. Мы должны совместно принимать решения и по возможности не примешивать к нашим действиям симпатии и антипатии, разделяющие наши народы. Вы согласны?

— Да.

— В таком случае, я не возражаю начать разговор с тем, кого назовете вы.

— Хейнц Вильковски, — сказал Хэгстром.

Богатырев широко улыбнулся и почесал затылок.

— Типично русский жест.

— Верно, — согласился Богатырев. — Итак, вызываем Хейнца.

Высокий гибкий белокурый поляк, который должен был управлять боевыми ракетами корабля, если бы пришлось сражаться, распахнул дверь, дружески улыбнулся и развалился на диване, закинув ногу на ногу.

— Вы не вскрыли свой пакет с инструкциями? — сухо спросил Богатырев.

Вильковски почувствовал, что речь пойдет не о пустяках.

— Нет, Игорь. Я решил, что мне до Ивера вряд ли придется пускать в ход свои установки, а за полтора месяца пути я успею... Однако, если необходимо...

Хейнц расстегнул молнию куртки и из внутреннего кармана извлек нераспечатанный конверт с эмблемой ООН. Богатырев надорвал пакет и вытряхнул на стол бумаги. Хэгстром перебрал их: инструкции, медицинская карточка, лич-

ное письмо председателя Совета Министров Польши с пожеланиями успеха экспедиции и лично Хейнцу.

— В чем дело? Вы оба такие суровые и торжественные, словно...

Богатырев смешался. Хэгстром понял комичность ситуации. Ну, не мог же Богатырев в упор спросить поляка: «Ты, Хейнц, случаем, не предатель?»

— Это очень серьезно, мистер Вильковски,— пришел на помощь Хэгстром.— Мы бы хотели узнать у вас о следующем важном обстоятельстве. Скажите, перед вылетом на космодром у вас не было встреч с кем-нибудь, кто не имел ни малейшего отношения к экспедиции, но желал бы с вашей помощью появляться на ее исход?

Хэгстром перехватил смущенный взгляд Богатырева. Роль следователя явно не доставляла удовольствия мужественному славянину.

— Была встреча,— расхохотался Вильковски.— Только до объяснений дело не дошло.

— До чего же?

Вильковски вновь рассмеялся.

— На ребрах этого типа отпечатались все ступеньки моего подъезда, а живу я на третьем этаже. Конечно, это было несколько темпераментно, мне пришлось бежать следом, волочить его назад и ждать, пока за ним приедут...

— Почему же они ничего не сообщили нам?— спросил Богатырев.

— Думаю, что просто ничего было сообщать,— хмыкнул Вильковски.— Эта жаба до моего отлета и не приходила в сознание... В чем дело, Игорь?

Богатырев кратко изложил ситуацию.

— Ого! Кто же?

— Вот это мы и хотим выяснить. С кем мы будем беседовать теперь?— посмотрел Богатырев на начальника экспедиции.

— Решайте,— ответил Хэгстром.

— Хейнц, попроси доктора Томоясу,— обратился Богатырев к Вильковски.— Кстати, об этом разговоре пока забудь.

Когда Хейнц вышел, Богатырев смущенно признался, что он, повидимому, полностью лишен таланта Шерлока Холмса.

— Ничего, мистер Богатырев, учитесь,— улыбнулся Хэгстром.

Доктор Томоясу — врач экспедиции — невысокий японец, тихими шагами прошел к столу.

— Вы меня звали, профессор?

— Мистер Богатырев хочет задать вам вопрос.

Богатырев воспользовался формулой, изобретенной Хэгстромом. Он спросил, не пришлось ли доктору Томоясу перед вылетом встречаться с каким-либо лицом, которое было намерено повлиять на характер действий экспедиции.

— Пришлось,— ответил Мацумото.

Богатырев и Хэгстром переглянулись.

Вежливый японец тихим голосом добавил, что неизвестный джентльмен предложил ему огромную сумму за то, чтобы он вошел в контакт с человеком на Ивере и помог бы тому возвратиться на Землю.

— Ну и что же?— сдержанно спросил Хэгстром.

— Я взял чек и сообщил начальнику нашего космического центра.

— Взяли?

— В нашей стране, мистер Богатырев, очень много детей, нуждающихся в полноценном белковом питании. Эту сумму я с согласия своей жены и своего шефа перечислил ордену «Базилика». Я уверен, что деньги будут использованы надлежащим образом. Я считал, мистер Богатырев, что вы получили соответствующую информацию по официальным каналам.

— Мы такой информации не получали.

— Разрешите ознакомиться с вашим личным пакетом,— сказал Богатырев.

— Прошу извинить меня: я его еще не читал.

Богатырев вскрыл пакет, и из него выпало письмо, содержание которого было весьма похоже на содержание письма, полученного Хэгстромом. Подпись отсутствовала.

— Вы знакомы с этим?— Богатырев перебросил листок через стол.

Японец внимательно прочитал письмо, возвратил Богатыреву, снял очки, тщательно протер стекла. Лицо его осталось бесстрастным, но Хэгстром почувствовал, что тихий вежливый японец весь подобрался.

— Это ужасно. Необходимо выявить двух других.

Хэгстром вслушивался в голос Мацумото. Нет, таким тоном не лгут. Доктор Томоясу всемирно известный врач. Его методы лечения лучевой болезни так и назывались — методы Томоясу. Подобная выдержка и естественность были бы понятны, если бы их проявлял профессиональный разведчик. Нет, Хэгстром не мог поверить, что доктор ведет двойную игру.

— Мы выявляем этих людей, Мацумото,— сказал Богатырев.

Японец встал и вытащил из кармана лучевой пистолет. Хэгстром отки-

Богатырев яростно скреб пятнадцатый затылок.

— Не могу, Эд... простите, мистер Хэгстром.

— Я не возражаю против Эда.

— Я — против Игоря.

Они торжественно пожали друг другу руки и смутились.

— Надо продолжать, Игорь.

— Хорошо. Пригласим Пьера Рошаля?

В компетенции инженера Пьера Рошаля были все средства связи. Грузинский молчаливый инженер как-то мало походил на француза, и, когда Хейнц Вильковски однажды сказал ему об этом, Рошаль покачал плечами.

— Я нормандец. У нас иной склад характера. Мы не северяне с их жеманностью и не южане, которые кипят, как вулкан. Мы живем у моря, а море не любит стути.

Инженер огляделся, сел, закурил.

Вопрос Богатырева, казалось, нисколько не удивил его.

Пьер Рошаль принялся неторопливо рассказывать, что за три дня до отъезда к нему явился один субъект и предложил за приличную сумму помочь какому-то человеку на Ивере. Субъект пригрозил расправой. Если Рошаль откажется, его выгонят из экспедиции.

— Что мне оставалось делать, мистер Богатырев, я взял деньги и передал Гастону, мужу моей сестры. У него большая семья, сам он большой человек. Ну, а сегодня я вскрыл свой личный пакет и нашел вот это письмо.

Итак, третья письмо известного уже содержания.

— Вы сообщали кому-нибудь об этой истории? — спросил Богатырев.

— Нет, — угрюмо буркнулся инженер.

— Почему?

— Я хотел непременно принять участие в экспедиции, — Рошаль помедлил и с явной настороженностью добавил: — Меня могли отстранить от полета.

— Почему? — повторил вопрос Хэгстром.

— Мой дед был осужден в сорок шестом году за сотрудничество с оккупантами. Это обстоятельство сегодня для многих повод гордиться, однако мне бы этого не простили. Я прошу вас поверить мне. Я хотел немедленно после старта обо всем сообщить вам. Вот... сообщаю.

— Хорошо, Пьер, вы свободны.

Рошаль вышел. Хэгстром почувствовал, что командир корабля повеселел.

— Знаете, мистер Хэгстром, простите, Эд, я начинаю думать, что это провокация. Они не поскупились на валюту, намереваясь внести раздор и подозрение. В космосе склоки страшнее метеоритов.

— Дай бог, чтобы вы оказались правы. Кого теперь, Игорь?

— Роберта. С Томом вы будете разговаривать сами.

нулся на спинку кресла. Богатырев вскочил.

— Вы меня не так поняли, — Томоясу повернулся к себе и положил оружие на стол. — Я считаю, что личное оружие мне ни к чему. Кроме того, капитан, вы должны отдать распоряжение, чтобы меня не допускали в отсеки управления и ракетных установок. Самое ужасное, что я могу доказывать свою искренность только словами. На Ивере доказу же делом.

— Вы нас тоже не так поняли, доктор Томоясу. Мы... я лично... Тыфу... Два года тому назад мой лучший друг, летчик-космонавт, получил катастрофическую дозу облучения. Его спасли по методу Томоясу, и я не намерен забывать об этом, — проговорил Богатырев.

— Благодарю вас, капитан. Я жду вашего решения.

Доктор поклонился и вышел.

Роберт Скотт, или Боб, как его называли космонавты, высокий, худощавый негр из Абиджана, уверенно переступил порог комнаты...

Боб — инженер по ракетным двигателям. Он учился в Москве, затем несколько лет работал в международном космическом центре. Было достаточно много официальных лиц, которые считали нецелесообразным включать Боба в состав экспедиции ООН. Они доказывали, что он слишком молод и слишком малый вклад внес в науку.

Когда после долгих споров Скотт наконец был утвержден, его пригласили в СССР, чтобы он основательно познакомился с конструкцией двигателей корабля, который спаряжался на Ивер. Все это время Боб провел в космическом центре.

Боб сжал кулаки, слушая объяснения Богатырева.

— Значит, на Ивере ваши милые соотечественники? — резко бросил африканец Хэгстрому. — Я подозревал, что так оно и есть.

Хэгстром перехватил взгляд Боба Скотта и почувствовал себя неуютно. В этом взгляде было столько ненависти и презрения, что профессор поежился.

— Ваши соотечественники так ничего и не поняли и ничему не научились, — с вызовом добавил Скотт.

В словах африканца чувствовалась традиционная неприязнь угнетенного... Сколько поколений его предков копили ненависть к человеку с белой кожей!

— Спокойнее, Боб. Профессор Хэгстром — начальник экспедиции.

Однако Скотта не так-то легко было успокоить.

— Для чего только вашему правительству потребовалось тащить к Иверу всю эту международную компанию? — бросил он Богатыреву. — Вы бы сами управились значительно лучше.

— Я понимаю ваше отношение, мистер Скотт, — сухо произнес Хэгстром, — однако должен вам заметить, что вы не по адресу направили свой гнев.

Африканец принужденно улыбнулся.

— Простите за несдержанность.

Когда Боб вышел, Богатырев, усмехнувшись, кивнул ему вслед.

— Темпераментный парень.

— Слишком.

— Что делать, Эд, за свои действия приходится держать ответ. Не нам, так нашим детям. Ну, с Томом, может, вы сами по-родственному объяснитесь?

— Только что, Игорь, ты доказывал, что склоки страшнее метеоритов. Недоговоренность — это та же склока, только более опасная.

— Хорошо. Поговорим с Томом.

Хэгстром с обостренным вниманием разглядывал мужа своей дочери. Перкинс провел ладонью по подбородку.

— Принимаю ваш молчаливый упрек, сэр. Через пятнадцать минут щетины не будет. Что это у вас такие засекреченные лица?

Богатырев заучению повторил вопрос.

— Ничего не понимаю, Игорь. Знаешь, у нас есть отличная поговорка — или выкладывай начистоту, или проваливай к черту.

Хэгстром вслушивался в слова Тома. Нет, это звучало так же, как и всегда. Том явно ничего не понимал. Богатырев повторил рассказ.

— Миллион? Сэр, преклоняюсь перед вами. — Перкинс расхохотался. — Я всегда говорил Фанни, что вы чудесный отец, но совершенно непрактичная личность.

— Ну-ну, осторожней, — притворно сердито проговорил Хэгстром.

Перкинс снова расхохотался.

— Жаль, что они не обратились ко мне. Я бы... — Перкинс вдруг смолк. — Погодите, здесь есть еще двое?

— Том, мы должны обсудить это с Игорем. Пока не пускай в ход кулаков и не смотри на других зверем. Я знаю, притворяться ты не умеешь.

Перкинс нехотя вышел.

— Итак? — спросил Хэгстром.

— Провокация. Я всем им верю, Эд. Нет, не сегодняшним словам и объяснениям. Всей их жизни. Это жизнь честных людей, и даже если кто-нибудь на минуту смалодушничал, то здесь они не подведут... Я так думаю. Полет надо продолжать.

— Я бы ни секунды не задумывался, если бы речь шла только о нашей жизни. Сейчас мы рискуем судьбой Земли.

— Вернуться, значит потерять не меньше месяца. Это еще опаснее. Сейчас мы соберем всех. Вы не возражаете?

Хэгстром пожал плечами. Что он мог сказать? Мелькнула малодушная мысль. Какого черта он отложил свою работу, чтобы мчаться в космос! Он не дипломат, не политик. Все эти ужасы с выискиванием шпионов — это не для него, нет.

Во всех отсеках корабля загудели зуммеры — сигнал общего сбора.

Хэгстром оглядывал собравшихся. Все были встревожены и старались скрыть тревогу.

— Вы уже знаете причину сбора,— проговорил Богатырев.— Мы с профессором Хэгстромом тщательно ознакомились со всей информацией, которая была в нашем распоряжении. Выводы. Первое: все участники экспедиции честные люди, и никого из вас мы не имеем права подозревать. Второе: полет продолжается. Третье: всем членам экспедиции приступить к выполнению полетных заданий. У меня все.

Богатырев энергично рубанул воздух ладонью и сел.

— Друзья,— сказал Хэгстром,— мистер Богатырев несколько раз повторял поговорку русских космонавтов — склоки в космосе страшнее метеоритов. Я думаю, что преступники не рассчитывали всерьез кого-то из вас привлечь на свою сторону. Они намеревались посеять раздор. Нас многое разделяет, но то, что объединяет,— значительно важнее. Я надеюсь, мы доведем до конца дело, которое поручено нам четырьмя миллиардами землян...

Полет продолжался. Космический корабль стремительно сокращал пространство, разделявшее Землю и крохотный трехкилометровый астероид Ивер.

Впрочем, движение корабля можно было установить только по приборам. Казалось, что машина просто висит в черной бездне, окруженная все теми же звездами, все с той же угнетающей тишиной.

Хейнц Вильковски репетировал запуски боевых ракет, Боб возился с двигателями, Том Перкинс заперся в своей каюте. У него был растерянный, сонный вид. Доктор Томояса несколько раз заставлял его проходить полный курс обследования. Только Богатырев и Хэгстром знали, чем был занят Перкинс.

Жизнь в корабле шла по земному времени, по московскому. Трижды в день проводилась обязательная физкультурная зарядка. Вечерами шли просмотры фильмов. Все члены экспедиции были предупредительны и вежливы. Профессор Хэгстром просил продемонстрировать фильм «Танцы народов Африки», африканец Боб любезно заказывал «Два часа в Грейтланде», Пьер Рошаль, поглядев на Хейнца, потребовал документальную запись о последнем первенстве мира по боксу.

Богатырев предложил провести шахматный турнир. Командир корабля был явно сконфужен, дважды проиграв начальнику экспедиции. Профессор Хэгстром был торжественно объявлен чемпионом корабля. Том Перкинс распотрошил пачку лаврового листа и изготовил венок, которым под общий хохот был увенчан чемпион.

Богатырев же предложил по вечерам устраивать лекции. Каждый участник экспедиции должен был информировать своих товарищей о важнейших достижениях науки в своих странах.

Ивер приближался. Его уже можно было рассмотреть невооруженным глазом. Он сверкал в черной бездне, как рубин.

— Теперь у этого странника имеются глаза и уши. Скоро нам придется снять чехлы с орудий,— заметил Хэгстром.

— Снимем!— будто вынес приговор Боб Скотт.

— Почему все-таки никто не отвечает на сигналы?— взволнованно проговорил Том Перкинс.

— Может быть, на нем уже никого нет?— предположил Вильковски.

— Скорее всего, у тех, кто на нем закрепился, вышла из строя радиоаппаратура,— заметил Богатырев.

— Или кто-то сознательно нарушил связь?— вступил в разговор доктор Томояса.

— Да, Мацумото. Могло быть и так.

Тишина, наступившая вслед за словами начальника экспедиции, была неожиданно нарушена Пьером Рошалем, ворвавшимся в салон.

— Мистер Хэгстром, Ивер ответил. Вот радиограмма!

К французу повернулись разом все космонавты.

— Прочтите,— попросил Хэгстром.

Рошаль оглядел присутствующих испытующим взглядом.

«Поворачивайте немедленно к Земле. Если вы не сделаете этого в течение часа, мы будем вынуждены прибегнуть к силе. Надеемся, у вас хватит благородства выполнить наше требование».

— Все?

— Все, мистер Хэгстром.

— Пишите....

Эдвард Хэгстром прошелся по каюте.

— Пишите, Пьер... Именем Организации Объединенных Наций предлагаю немедленно прекратить враждебные действия. В том или ином случае корабль

сидет на Ивер. Начальник международной экспедиции Эдвард Джон Хэгстром...
Написали?

— Написал, мистер Хэгстром.

— Передайте.

Пьер Рошаль вышел.

— Хейнц, проверьте готовность боевых ракет! — обратился Богатырев к поляку.

Гости Ивера

Командир второй экспедиции Карригана сидел перед экраном локационной установки. Рокс Дилингер, «красавчик Рокс», как его именовали приближенные Карригана, испытывал гнев и бессилие. Ракета, направленная в приближающийся к Иверу корабль, взорвалась, не достигнув цели.

— Наши ракеты им не страшны, — сказал Билл Пренцлер.

Дилингер схватил Билла за отвороты куртки.

— Вы понимаете, что мы здесь в мышеловке? Немедленно сделайте все, чтобы корабль был уничтожен. Красные не должны сесть на Ивер.

— Разрешите действовать, сэр? — вытянулся Пренцлер.

— Не сердись, Билл. Нервы сдали. Если мы не уничтожим их, нам никогда не увидеть Землю. Дайте залп из всех установок.

— Хорошо, сэр!

Пренцлер вышел.

Рокс плюхнулся в кресло, устало закрыл веки. Здесь, на Ивере, в черной пустоте, все выглядело совсем иначе, чем это представлялось боссу. Дилингер был самым верным человеком Карригана. Это была верность друга, не наемника. Карриган вытащил Рокса из грязи, дал ему возможность получить образование, сделал участником доходов и своим поверенным. В отношении Карригана к Роксу было больше душевности и теплоты, чем к собственным сыновьям.

Доверие босса Рокс заслужил одной чертовски красивой операцией, которая не вызвала бы восторга у представителей закона.

Один предприниматель, некто Бриннер, заполучил талантливого инженера и вздумал конкурировать с Маком Карриганом в производстве стереовизоров. Собственно, вскоре ему удалось сделать это — покупатели стали отдавать предпочтение его стереовизорам.

Мак Карриган был взбешен. Он вызвал к себе Рокса Дилингера и предложил убрать конкурента. Рокс Дилингер взялся за дело немедленно. Вскоре в газетах появилось небольшое сообщение о трагической гибели Бриннера в автомобильной катастрофе.

Инженер же, создавший новую модель стереовизора, с удовольствием перешел в лабораторию Мака Карригана.

Рокс Дилингер через некоторое время получил право посещать воскресные обеды Мака Карригана. Миллнардер познакомил своего фаворита с женой и сыновьями. Как-то Рокс Дилингер сказал Маку Карригану с грубоватой откровенностью:

— Слушайте, Мак, вы уверены, что Фил — ваш сын?

Мак Карриган не рассердился, он ответил с иронической усмешкой:

— Хорошо, Рокс, что вас не слышит миссис Карриган. При всей моей власти я бы не смог впредь приглашать вас на обеды. Характером Фил действительно не в меня. Парень любит стихи, музыку. Профессора в один голос твердят, что он может стать большим ученым. Сначала меня это тревожило. Потом я пришел к выводу, что счастье — это то, что кажется счастьем тебе самому. В конце концов, если он когда-нибудь разочаруется, я не дам умереть ему с голоду.

Мак Карриган пригласил Дилингера дней через пять после получения радиограммы с Ивера и предложил ему возглавить вторую экспедицию.

— Вы единственный человек, которому я доверяю. У вас ум, энергия, честолюбие. Если наш план удастся, вы станете вторым человеком в мире. Поняли, Рокс?

— Благодарю.

Однако в душе Рокс Дилингер посыпал своего благодетеля ко всем чертям. Ему вовсе не хотелось отправляться на Ивер и устраивать на нем драку.

— Вас что-то смущает, Рокс? — прервал размышления Дилингера Мак Карриган.

— Проблема полета, Мак.

— Вы, очевидно, устали, Рокс? Закончим разговор завтра. Скажем, в «Мейфлаузере». Часов в семь?

— Договорились.

...Они прошли в ресторан и уселись за угловой столик, совершенно скрытый пальмами. Высокий офицант, появившийся будто из-под земли, тотчас склонился перед ними.

Мак Карриган взглянул на Дилингера, затем на офицанта, улыбнулся краями тонких губ.

— У вас есть русская водка?

— Есть, сэр,— еще ниже склонился офицант.

— В таком случае... принесите... водки и чего-нибудь закусить. Тоже — русское,— поднял Карриган палец.

Дилингер попытался сострить:

— Боюсь, как бы я после первой рюмки не стал красным.

Мак Карриган рассмеялся.

— Не удивлюсь, если это произойдет. Русская водка даже самого хилого превращает в Геркулеса. Он начинает ненавидеть окружающих и признает себя властелином Вселенной.

Офицант принес графин с водкой, севрюгу, соленые огурцы, черную икру, холодное мясо, селедку, хрень.

Мак Карриган удовлетворенно потер руки.

— За победу, Роск.

— За победу, Мак.

Оба одновременно посмотрели на водку, словно хотели увидеть в ней свое будущее, затем выпили.

— Хороша,— прищелкнул языком Карриган.

Дилингер скривился, словно нечаянно опрокинул в рот уксусную эссенцию:

— Не понимаю, что хорошего находит в этой дряни русские?

— Подождите, еще поймете... Итак, Роск, будьте настоящим грейтландцем. Никому не давайте поблажек. Даже моему сыну. Иначе окажетесь в сетях красных.

— Вы меня плохо знаете, сэр,— обиделся Дилингер.

— Я вас отлично знаю, Роск. Слишком много средств вложено в эту операцию... Маори — дурак,— продолжал Карриган.— Изолируйте его. Берегите Стоуна. Без него вы не сможете корректировать движение объекта. В крайнем случае поставьте его перед дилеммой: либо он точно выведет объект на цель, либо вы все равно спихнете эту штуку. Может быть, она попадет на его родину. Это подействует.

— Сомневаюсь.

— Подействует, Роск... Ковчег ООН попробуйте разнести ракетами. Если он примет бой и сможет сесть, то тяните до последней секунды. Вы повезете установки дистанционного управления, смонтированные с вычислительной машиной. Я точно знаю, что спасательная экспедиция не снабжена установками, способными управлять движением планетона.

— Вы не пожалеете, что доверили мне эту операцию. Они у меня все будут здесь,— Дилингер сжал громадный кулак.— От меня никто не скроется, будьте уверены. Ваше здоровье, Мак.

Мак Карриган приподнял рюмку, однако не выпил — смотрел на Дилингера. Пожалуй, на него можно было положиться. В Космосе хлюпикам делать нечего. На русском корабле люди не из трусивого десятка. Сражение предстояло нелегкое. У него пока не было уверенности в том, что оно будет выиграно людьми, с которыми он сейчас связывал свою судьбу.

В последнее время у него стали пошаливать нервы, и в голову лезла всякая чертовщина. Особенно невыносимо становилось в минуты, когда он думал о Филе. В эти минуты ему казалось, что Фил находился рядом и разговаривал с ним, причем, навязывал свой разговор, задавал вопросы, на которые трудно было отвечать.

Сегодня ночью Карригану показалось, что Фил заходил в его спальню с каким-то странным человеком, похожим на робота, и пытался доказать, что Ивер нельзя уничтожать, так как на нем хранится информация каких-то орionов.

«Может быть, я схожу с ума? Может быть, бросить это дело? Разве у меня мало денег? К черту деньги, не они толкнули меня на это, не они. Мне нужна власть. Планета должна быть моей!»

— Пейте, Роск!

Дилингер пьятел, и в нем постепенно просыпался властелин, которого хотел увидеть Карриган.

Особенно ярко проявил себя этот властелин, когда Карриган повез Дилингера в Уотергейт.

Здесь, как обычно, было многолюдно.

— Смотрите, Мак!

Роск Дилингер стоял на возвышенности. Перед ним вдали виднелись три грейтландские достопримечательности — строгая колонна памятника Ванкольпу,

желтый прямоугольник монумента, воздвигнутого основателю города, и гигантский шар — купол военного ведомства.

— Скажите, Мак, что вы чувствуете, когда видите эти три колосса?

Дилингер почти прокричал свой вопрос. Он искрение восхищался громадами Грейтланда, олицетворяющими величие и мощь страны.

Однако Мак Карриган в настоящее время уже не испытывал того сумасшедшего экстаза, какой испытывал в юности. Возможно, годы сделали его бесчувственным существом? Челуха, встрепенулся Карриган. Просто сейчас к нему пришла зрелость. Она обуздала его, как нетерпеливого коня, направила его силы в одно русло, выбила из него все, что мешало видеть дальше других. Поэтому теперь эти три гиганта, вызывающие у людей восторг и восхищение, не затронули в нем прежних струн.

Однако Мак Карриган счел нужным сказать:

— У меня нет слов, Рокс, чтобы выразить свои чувства! Я немею перед этими великими творениями!

Рокс Дилингер еще сильнее выпятил грудь. В его глазах, казалось, бушевали молнии, глубокие складки, появившиеся у губ, превратили лицо в камень.

— Я словно перерождаюсь в это время — ничего недоступного уже не существует для меня! Мир становится моим! Я могу делать все: управлять миллиардами живых существ, останавливать Землю и Солнце, проникать в безбрежные глубины Вселенной! Таким я становлюсь всегда, когда вижу эти грандиозные сооружения... Дайте мне возможность, и я переверну мир!

— Благодарю, Рокс,— Мак Карриган сжал локоть Дилингеру.— Я рад, что встретил вас. Скоро у ваших ног будет вся планета!

— Вы — мой Наполеон!

Обещания Мака Карригана звучали весьма откровенно, и Дилингер чувствовал себя на седьмом небе, пока однажды в полете случайно не узнал, что он был не единственным доверенным лицом будущего диктатора. Точно такие же инструкции были даны Питу Алькатросу.

Пит Алькатрос был вторым пилотом, и всегда вмешивался в распоряжения Дилингера. В любую минуту могла вспыхнуть ссора. К счастью, вскоре Рокс обнаружил, что Алькатрос больше всего на свете любил сидеть возле бара с охлажденным виски. Дилингер поощрял это занятие своего соперника.

Во время банкета, устроенного Ральфом Маори, Дилингер поздравил иверцев с проделанной работой и объявил о решении Мака Карригана довести до конца космическую операцию. Затем он объявил себя диктатором на планетоиде. Ральф Маори запротестовал, однако, увидев в руках людей Дилингера лучевые пистолеты, тяжело опустился в кресло.

— Вы не имеете права!

— Имею! Вы дурак, Ральф! — повторил Дилингер слова Мака Карригана.— Вам бы заведовать пивным баром, а не такой экспедицией!

— Я сделал почти невозможное!

— Вы предали наши интересы. Я арестую вас.

— Не делайте глупостей, Рокс!

— Вы меня хорошо знаете, мальчики, — заметил Дилингер.— Я шутить не люблю. Все, что задумал сделать, сделаю непременно. Советую всем одуматься, пока не поздно. Каждый из вас получит полной мерой, когда босс выиграет победу. Он не скучится ни на деньги, ни на пули.— Победа босса станет днем вашей победы.

— Если, конечно, вы проживете до этого дня, — пошатываясь, добавил Алькатрос.

Дилингер набросился на него, как только все вышли.

— Что вы каркаете, Алькатрос?

— Мистер Алькатрос, — по-прежнему пошатываясь, поправил Пит.

— Ладно. Мистер Алькатрос.

— Вот так. Теперь слушай меня, красавчик. Я знаю инструкцию и ты ее знаешь. Ни одна из этих людей не должен вернуться на Землю. Кроме Фила и Стоуна, разумеется. Может быть, нам с тобой тоже... Мы с тобой нежелательные свидетели, Рокс.

— Перестаньте болтать чепуху. Мы нужны Маку.

— Рокс, ты забыл, видно, что часто в истории победы завоевывались одними, плоды же доставались другим.

— Неужели, чтобы следить за мной, у Мака не нашлось кого-нибудь оригинальнее?

— Рокс, ты неблагодарен. Разве я тебе мешаю? Я пью свое виски и жду, чем все это кончится. Можешь рассчитывать на меня. Я тебе не враг, если только ты не тот самый человек, который должен выписать мне пропуск в рай. Тогда я буду защищаться. Жизнь — мерзкая штука, однако я не уверен, что смерть лучше.

Слова Алькатроса растревожили Дилингера. Что-то подобное приходило в голову и ему самому. Действительно, если эта международная экспедиция предотвратит падение Ивера и докопается до истины, то Мак ради собственного спасения, не задумываясь ни на секунду, выдаст всех.

Впрочем, сейчас было не до того. Предстояло самое неприятное — объяснение с Филом. Рокк попросил Билла привести мальчика.

— Добрый день, Фил. Хорошенькие новости я узнаю. Ты препятствуешь выполнению воли отца?

— Это в самом деле план моего отца? — спросил Фил.

— Да.

— В таком случае, у меня больше нет отца.

— Мне предоставлены широкие полномочия, Фил, прошу помнить об этом.

— Вы можете убить меня, однако, пока я жив, я сделаю все, чтобы помешать вам.

— Убить? Что ты, Фил? Если ты станешь опасным, то я просто изолирую тебя.

— Вы мне омерзительны.

— Ты напрасно горячишься, Фил. Я исполнитель. Выполняю приказ и только. Ты даже не хочешь получить весточку с Земли?

— От отца?

— От него тоже. Держи.

Фил отшвырнул письмо отца, послание же невесты спрятал во внутренний карман куртки.

— Я бы хотел прочесть его, когда буду один.

— Ты свободен.

Разговор с Рэндолфом Стоуном тоже ни к чему не привел. Профессор ходяко заметил, что он ни на какие компромиссы не пойдет. Либо Дилингер демонтирует силовые установки и предоставит Иверу двигаться по его собственной орбите, либо Стоун считает себя свободным от каких-либо обязательств по отношению к мистеру Карригану и сделает все возможное, чтобы помешать преступлению.

— Если вы откажетесь помочь нам скорректировать траекторию астероида, то мы, конечно, сделаем это сами. Правда, не исключена возможность ошибки, пусть даже на миллионную долю градуса, и тогда Ивер может хлопнуться на вашу родину.

— Если моя родина допускает, чтобы сю управляемые люди, как Карриган, то лучшего она не заслуживает.

— Вас с радостью заключат в свои объятия участники спасательной экспедиции, — сказал Рокк и тут же понял, что допустил оплошность.

— Значит, наша радиограмма дошла? — измученное лицо Стоуна освистилось улыбкой. — Международная экспедиция вылетела на Ивер?

— Я должен огорчить вас, Стоун. Она еще не вылетела, только собирается. Причем, не международная. Не радуйтесь, профессор. Мак принял меры. Экспедиция не вылетит.

— Все ясно. Я могу спокойно спать.

— Вы не дождитесь их, профессор Стоун. Неужели вы думаете, что я дам русским свидетеля? Они получат ваш труп.

— Маори уже пытался превратить меня в труп. Он вам не рассказывал?

— Ральфу могло и померещиться.

— Проверьте.

Дилингеру очень хотелось узнать, правда ли это, однако он сдержал себя, вспомнив наказ Карригана.

Рокк встал.

— Вы еще понадобитесь нам.

— Вам ничего не говорит тысяча девятьсот сорок шестой год?

— Что вы имеете в виду?

— Нюрнбергский процесс, Дилингер. Я намерен дождаться до подобного процесса над вами и над вашим боссом и выступить свидетелем обвинения...

Так обстояли дела на астероиде Ивер до того момента, когда локаторы засекли корабль экспедиции ООН.

Дилингер вдруг почувствовал, как легко содрогнулся корпус корабля. Это Билл Пренцлер дал залп. Рокк включил радар. На зеленом экране двигались девять белых точек, они устремились к длинной белой строчке — отражению приближающегося космического корабля. Сейчас точки вспыхнут в его тело и... наступит конец.

— Но что это? Рокк увидел, как точки вспыхнули фейерверком осколков.

В каюту влетел Пренцлер.

— Вы видели, сэр?

— Черт! Готовьте все оставшиеся установки. Может быть нам удастся разнести корабль здесь, на Ивере.

Переговоры

— У вас отличная противоракетная защита, — сказал Хэгстром.

— Мы знали, что нас встретят без восторгов, и приняли меры. Ну и Хейнц постарался на славу, — ответил Богатырев.

Вильковски сидел у пульта управления боевыми ракетами. Услышав похвалу, он повернулся. Хэгстром увидел на лице поляка крупные капли пота.

— Игорь, по-моему, я заслужил сигарету.

— Курящий спортсмен, не стыдно? — с шутливым укором спросил командир. — Ладио, получай.

Богатырев достал сигарету, протянул Хейнцу и сам поднес зажигалку.

— Итак, Эд, садимся на Ивер? Военные действия начаты не нами.

— Хорошо. Мистер Вильковски, продолжайте наблюдения.

Богатырев, Хэгстром и Том Перкинс отправились в штурманскую рубку. Богатырев сел в пилотское кресло.

— Готовность два, — негромко скомандовал Игорь. — Экипажу занять места! Торможение при двух с половиной «эле». Идем по орбите вокруг астероида.

Грозно нарастал гул двигателей, тела наливались тяжестью и вдавливались в спинки кресел.

— Том, следи за экранами, выбирай место посадки.

Первый виток, второй, в глазах красноватый туман, на руках — гири.

— Вижу два корабля, — докладывал Том. — Расстояние между ними метров двести. Рядом отличная воззвщенность. Можно сесть.

— Внимание! Идем на посадку.

— Игорь, разреши мне, — попросил Том.

— Иди.

Корабль спускался на столбе огня. Летели камни. Корпус дрожал. Едва заметный толчок, и опало грозное пламя. Наступила тишина. Бес исчез, пришла привычная космическая легкость.

— Мы на Ивере, сэр, — доложил Том, вытирая лоб.

— Отличная силовая посадка, — похвалил Игорь. — Когда мы снарядим экспедицию на Марс, я буду рад, если ты примешь в ней участие.

Они глядели на мертвый пейзаж астероида. Фиолетовые скалы, черное небо, тишина...

— Красотища-то какая, — проговорил Том.

— Ну и красота! — возразил из своей каюты Хейнц. — Камни да ямы.

Все остальные на своих местах, — скомандовал Богатырев. — Мистер Хэгстром, теперь вы как руководитель экспедиции должны решить, что делать дальше.

— Я думаю, стоит еще раз попытаться с ними переговорить.

— Мосье Рошаль, попробуйте связаться с этими джентльменами.

Пьер Рошаль включил передатчик в сеть трансляции. Во всех помещениях послышались хрипы эфира и монотонный голос Пьера, вызывавшего корабли противника.

Хрипы смолкли, послышался мрачный голос:

— Что вам нужно?

Богатырев протянул Хэгстрому микрофон.

— Я начальник экспедиции ООН Эдвард Джон Хэгстром. Кто говорит со мной?

— Я командир космолета «Стрела». Чего вы хотите?

— Мы должны встретиться и выяснить обстановку на Ивере.

— На Ивере — хозяин я. Что я должен и чего не должен — решать буду тоже я.

— В соответствии с международным соглашением о мирном использовании космического пространства и небесных тел никаких хозяев на Ивере быть не может.

— Придется доказать вам обратное, мистер Хэгстром.

- Вы уже пытались это сделать дважды. Однако...
- Что вы хотите?
- Встретиться и обсудить условия вашей капитуляции.
- Вот как? Я вас жду у себя. Мы первооткрыватели Ивера, и по праву первенства переговоры будут происходить на «Стреле». Только учтите, я не люблю вооруженных парламентеров.
- Не беспокойтесь, я буду без оружия.
- О'кей!

На чужом корабле выключили передатчик.

Пожалуй, еще ни разу в этой каюте не было такой тяжелой тишины. Космонавты стояли неподвижно, не спуская глаз с начальника экспедиции. Они пытались представить тот путь, который ему предстоит проделать, прежде чем встретится с «хозяином», думали об этом «хозяине», возомнившем себя диктатором.

Эдвард Хэгстром все еще сидел у передатчика и смотрел перед собой остановившимся взглядом. Нет, он не думал о человеке, назвавшем себя калитаном Роком Дилингером. Ему впервые за время трудного полета представилась вдруг родная планета такой, какой показали ее когда-то создатели фильма «Последний день». Неужели действительно будущее Земли будет таким же, как прошлое Фаэтона? Неужели все-таки мыслящие существа Вселенной не могут совершенствоваться бесконечно? Неужели в определенный период они приходят к своему неизбежному концу?

Эдвард Хэгстром вдруг вскинул голову, словно испугался собственных мыслей, посмотрел на притихших товарищей. Нет, авторы фильма неправы, нет-нет, человечество не повторит судьбу жителей Фаэтона. Прав Богатырев: Земля будет вечно снять голубым огнем в беспредельной бездне Космоса. Разумная материя, возникшая однажды, будет жить вечно, отвоевывая у природы одну тайну за другой.

— Наглцы, — наконец нарушил тишину Богатырев. — Мне кажется, профессор, что вести переговоры с этими подонками нам ни к чему. Надо дать им час на раздумье.

— Игорь, я вам честно рассказал о моей беседе с президентом Грейтланда. Я не хочу кровопролития. Может быть, мне удастся уговорить их. Вы слишком прямолинейны и бескомпромиссны, Игорь.

— Эд, как вы думаете, в какую точку земного шара эти типы намеревались направить астероид?

— Я понимаю ваш вопрос, и, видимо, ваши предположения справедливы. Однако поймите меня. Кто-то из них предупредил Землю об угрозе. Этот человек заслуживает, чтобы о нем позаботились. Я видел ваше оружие в действии. Оно не будет отделять чистых от нечистых, праведников от грешников...

— Страшно? — Мацумото Томоясу, как всегда, был прямолинеен.

— Страшно, Мацумото!

К Хэгстрому внезапно рванулся Боб Скотт.

— Нет, мистер Хэгстром, нет. Вы не должны идти к ним. Разрешите мне поговорить с Дилингером. Я не подведу вас. Кому нужна, в конце концов, моя жизнь? У меня на Земле нет ни одного близкого человека. Может быть, вы не доверяете мне?

На высоком с большими залысинами лбу Боба Скотта выступили капли пота, брови, будто дуги, сошлись у переносицы.

Эдвард Хэгстром улыбнулся как можно приветливее:

— Я верю вам, Боб. Но к ним пойду я: это необходимо. Они ничего со мной не сделают. За мной — вы, Боб. Вы, Мацумото, вы, Игорь, вы, Хейнц, вы, Пьер, ты, Том, за мной — Земля!

Космонавты подтянулись, как перед сражением, притихли снова, вспомнив тех, кто провожал их в этот опасный рейс.

— Хорошо, Эд, идите. Только больше часа я ждать не намерен, — решительно сказал Богатырев.

Том Перкинс подошел к Хэгстрому, вытащил из кармана небольшую продолговатую пластинку, на которой тускло мерцали матовые блестки. Эдвард Хэгстром удивленно вскинул густые брови:

— Неужели сделал?

— Сделал, мистер Хэгстром!

— Здесь?

— Там, — кивнул Том на иллюминатор. — Здесь только кое-что изменил... Возьмите, ее с собой. Возьмите, возьмите, в случае чего, я сделаю новую.

— Где приемник?

— У меня в каюте.

— Что же ты не продемонстрировал свое изобретение нам? — спросил Игорь.

— Я только вчера закончил отладку.

— Молодчина! Я со своей стороны тоже хочу сделать подарок профессо-

ру.— Богатырев протянул Хэгстрому круглую коричневую коробку.— Это последнее слово наших физиков. Положите ее во внутренний карман и в случае опасности прижмите локтем. Вокруг вас возникает силовое поле. С этой штукой можно свободно входить в доменную печь или в камеру с жидким гелием.

— У вас решили проблему единого поля?

— Именно так.

— Спасибо вам всем!

Только Хейнц Вильковски не мог проводить профессора Хэгстрома. Он находился в боевой рубке и продолжал следить за кораблями противника. Его голос раздался в шлюзовой камере:

— Не рискуйте, мистер Хэгстром!

— Хорошо, мистер Вильковски!

Космонавты столпились у экрана кругового обзора. Каждому хотелось увидеть переход Хэгстрома из одного корабля в другой.

Мацумото Томоясу спросил Перкина:

— Ты что дал профессору?

— Биопередатчик.

— Такой маленький?

— Да.

Эдвард Хэгстром вышел из корабля минут через десять. Он был в тяжелом скафандре. Солнце висело над ним желтым косматым шаром. Звезды, будто шляпки золотых гвоздей, стыли в черной необъятной пустоте. Камни, как живые, от малейшего прикосновения поднимались вверх и долго висели над поверхностью планетоида.

— Как они встретят его? — ни к кому не обращаясь, проговорил Пьер Рошаль.

Игорь Богатырев посмотрел на дверь, за которой скрылся начальник экспедиции. «Действительно, как они встретят его?»

— Смотрите! Смотрите! — закричал Хейнц Вильковски.

В корабле, к которому подходил Эдвард Хэгстром, появилось неширокое черное отверстие. Из него спускалась полукруглая площадка. Хэгстром остановился около нее и посмотрел вверх, по-видимому, надеясь увидеть кого-нибудь из космонавтов, потом, когда площадка опустилась, встал на нее. Она дрогнула и медленно поплыла к отверстию.

— ...Ты хочешь знать, как они встретят мистера Хэгстрома? — тихо поинтересовался Перкинс.

— Разве у тебя нет такого желания? — быстро повернулся к нему француз.

— Почему нет? Есть... Подожди.

Том Перкинс вернулся минуты через две с небольшим черным цилиндром. Подойдя к столику, укрепленному между иллюминаторами, он поставил цилиндр посередине, нажал на пластинку вверху.

— Сейчас ты увидишь мистера Хэгстрома, Хейнц.

Космонавты окружили Тома Перкинса, глядели то на него, то на цилиндр. Одни — с искренним любопытством, другие — с недоверием.

— Ну?! — наконец не выдержал Боб Скотт.

— Отойдите подальше... Сейчас начнется, — сказал Том.— Только, прошу вас, во время сеанса не разговаривайте и не ходите.

Космонавты смотрели на загадочный цилиндр, совершенно не обращая внимания на застывшего около него Перкинса.

Неожиданно в каюте стало темнеть, одновременно начал светлеть цилиндр. Его свет сначала робко озарил поверхность столика, потом заметными густыми волнами стал разливаться по всему помещению.

Том, помедлив секунду, подался назад, так, словно кто-то невидимый толкнул в грудь, замешкался немного у оказавшегося на пути кресла, взял его и медленно отступил к стене. У стены сел, протянул вперед руки с широко расставленными пальцами, на которых светились металлические пластиинки. От них тотчас навстречу наступающим волнам света устремились тоянки голубоватые линии. Свет поколебался некоторое время, словно живой, и неожиданно замер.

В образовавшемся ярком круге начали появляться человеческие силуэты.

...Эдвард Хэгстром сидел за круглым столом против высокого худощавого мужчины с прищуренными цепкими глазами. За мужчиной стояли два молодых человека, одетые в легкие светлые пары. Они стояли совершенно неподвижно, вытянув руки по швам, не спуская глаз с гостя. На столе поблескивали бутылки и стаканы.

— Что предпочитаете, мистер Хэгстром? — поинтересовался мужчина.— Виски? Коньяк? Мартини?..

— Благодарю вас, мистер Дилишгер, я не пью, — Хэгстром слегка склонил голову.

— Что вы говорите? — с преувеличенным удивлением воскликнул Дилингер. — Клянусь, впервые вижу непьющего мужчину. Может быть, вы боитесь?

— Волков бояться — в лес не ходить, мистер Дилингер.

— Вы знаете русские пословицы? Любопытно. Были в России?

— Да.

— Вот как! По всей вероятности, русские сделали вас красным!

— Полагаю, что мы в другой раз поговорим о моей окраске. В нашем распоряжении — час.

— Ультиматум?

— Именно.

— Я бы хотел выяснить причины, по которым ООН вздумала совать нос в наши дела?

— Отвечу. Была получена радиограмма с Ивера. Мир был предупрежден об угрозе. Наблюдениями были зафиксированы изменения в движении астеронда. Мы могли уничтожить ваши корабли, но... Вы — мой соотечественник, и перед вылетом я был принят президентом Грейтланда. Он просил не прибегать к крайним мерам. Поэтому я предлагаю вам капитуляцию. Ваши судьбы будут решать на Земле.

— Человечество? Историю творят отдельные личности. Такие, как я, как они, — кивнул Дилингер на своих телохранителей. — Я сейчас все. Бог. Жизнь. Смерть. В моих руках — мир.

— За вами следят четыре миллиарда человек. Вам не удастся осуществить свой бредовый план. Я предлагаю немедленно погрузить на корабль ядерное оружие и взорвать его в Космосе. Это значительно облегчит вашу вину.

— Вы полагаете, что меня могут простить?

— Вам будет оставлена жизнь.

— Жизнь, — усмехнулся Дилингер. — Жизнь жизни розы. Вы мне ничего кроме решетки не предложите. Я в этом уверен... Моим парням тоже. Они также, как и я, умрут на Острове Слез. Такая перспектива нас не устраивает.

— Вы советовались с экипажем?

— На Ивере — хозяин я! Советую запомнить это, чтобы впредь не было недоразумений.

— Хорошо, я запомню это... Однако позвольте я вам напомнил еще раз: вы ничего не сможете сделать ни с нами, ни с Землей... Земля в любую минуту может взорвать Ивер. Ракеты, предназначенные для этого, ждут мосго сообщения.

— Боюсь, они не дождутся вашего сообщения.

— Вы примените силу?

— Это будет зависеть от вас.

— Итак, в вашем распоряжении 36 минут, — Хэгстром посмотрел на часы. — Если за это время от вас не поступит разумных предложений, мы начнем военные действия.

— Вам не придется принять в них участие. — Вы — заложник Хэгстрома. — Дилингер выхватил пистолет. — Билл, возьмите этого дипломата!

Билл Пренцлер, стоявший все время за спиной Дилингера с Питом Алькатросом, шагнул вперед и вдруг наткнулся на невидимую преграду.

— Я не могу до него дотронуться, Роск.

Дилингер вырвал из-за пояса пистолет, выстрелил, почти не целясь.

Хэгстром мгновенно отпрянул в сторону, и Билл начал медленно валиться на пол.

Алькатрос метнулся к нему:

— Роск, вы прихлопнули Пренцлера.

— Опять эти подлые штучки, — рассвирепел Дилингер. — Наверно, Стоун перед полетом продался русским. Сами они не додумались бы до этого.

— Вы плохо знаете русских, Роск.

— Ладно, Алькатрос, разберемся во всем после... Я иду в босовую рубку. — Дилингер кивнул на Хэгстрома. — Этот тип пусть посидит здесь наедине с Биллом... Попробуем пощупать наших гостей. Пошли ко мне Шварца и Меркеля.

— Хорошо, Роск.

Цилиндр погас.

Богатырея напряженно сжимал подлокотники кресла.

— Я знал, что этим кончится. — Он встал, оглядел притихших космонавтов. — Идем на приступ, друзья! Со мной отправляются Боб и мосье Рошаль. Хейнц остается у ракетных установок, доктор Томоясу разворачивает госпитальный отсек, Перкинс остается за командири.

— Я с тобой, Игорь! — пагнул Том к Богатыреву.

— Нет, нет, Том. Если со мной что-нибудь случится, то корабль поведешь ты... Пьер, готовьте гермоиструменты повышенной надежности. Мы возьмем приборы защитного поля и лазерную пушку. Пушкой вскроем «Стрелу»...

Алькатрос делает выбор

Алькатрос осторожно прикрыл за собой дверь капитанской каюты и прижался к стене.

«Черт меня побери, если дело и дальше пойдет так, нас перебьют поодинке нашими же руками! Надо немедленно что-то предпринимать... Может быть, пока не поздно, сдаться? Пускай Рокс разыгрывает из себя владыку этого каменного царства... Нет, какой идиот толкнул меня в эту дыру?»

У Алькатроса поплыли круги перед глазами. Он бы сейчас не задумываясь отправил на тот свет Мака Карриган.

«Сдаться? Сейчас? Почему сейчас? Разве я не мог не полететь? Конечно, не мог! Где бы мне еще столько платили.. Мак Карриган, ты отправил меня сюда!»

Алькатрос потер вспотевшими непослушными пальцами виски, в ушах звучал голос босса, словно неожиданно возвратилось прошлое...

— Хлюпники! Неврастеники! — негодовал Мак Карриган. — Как только они смеют называть себя грейтландцами? Если бы это произошло на Земле, я посадил бы всех на электрический стул! Так предать интересы свободного мира.. Послушайте, Алькатрос, не попал ли к ним агент Москвы?

Алькатрос произнес оскорбленно:

— Что вы, сэр. Все космонавты — чистокровные грейтландцы. Они прошли тщательную проверку. Должно быть, кто-то рехнулся.

— Кто-то!.. Кто именно? Вы скажите мне, кто именно?

— Надо поговорить с капитаном...

— Надо поговорить с капитаном, — саркастически улыбнулся Мак Карриган. Тысячи радиотелескопов планеты направлены на Ивер. Он в блокаде, понимаете? Необходимо искать другой выход.

— В таком случае, надо лететь, — несмело предложил Алькатрос.

Карриган заерзal на стуле:

— Лететь?.. Вы говорите об этом так, будто речь идет о загородной прогулке. Представляете, сколько денег идет на организацию экспедиции к этому дьявольскому астероиду!

— По-моему, о деньгах сейчас не стоит думать, сэр. Речь идет о нашей чести... В конце концов, если нам удастся осуществить задуманный план, все расходы окупятся.

Карриган промолчал. Алькатрос, разумеется, прав. Стоило ли думать о деньгах сейчас, когда на карту поставлено будущее? Надо немедленно организовать еще одну экспедицию. Не было сомнения, что русские уже готовились к полету на планетоид. Если они раньше сядут на него, то, несомненно, план уничтожения большевистской столицы сорвется.

Ерунда, успокоил тут же себя Карриган, свободный мир не допустит этого. Необходимо только действовать решительно. Малейшее промедление может привести к катастрофе.

— Алькатрос!

Алькатрос вытянул шею, слегка приподнялся, словно приготовился к прыжку:

— Слушаю, сэр.

У меня голова идет кругом. Я никак не могу сорваться с мыслями. Кто?

— Мои люди не подведут.

— Что вы имеете в виду?

— Не всех людей подбирал я.

— Опомнитесь, Алькатрос! Неужели вы подозреваете моего сына?

— Я только напомнил вам, сэр, что одного из членов экспедиции рекомендовали вы.

— Перестаньте, Алькатрос, — махнул рукой Карриган. — Он не мог предать нас.

— Может быть, — согласился Алькатрос.

Мак Карриган задумался. Уверенность, только что владевшая им, исчезла. Фил, пожалуй, мог послать сигнал на Землю. Он отправился в Космос ради научных изысканий. Узнав об истинном назначении экспедиции, мог взбунтоваться.

...Алькатрос первничал. Затянувшееся молчание босса, судя по всему, ничего хорошего ему не сулило. «Кто же все-таки предал? Профессор Стоун? Фил? Была бы моя воля, я бы не стал долго тянуть — уничтожил Ивер вместе с экспедицией. Может быть, предложить?»

— Пожалуй, Фил действительно не мог предать нас, — заерзal Алькатрос

в кресле, не в силах высказать вслух то, что казалось ему в настоящее время более целесообразным.

Мак Карриган оторвался от мрачных мыслей.

— Когда русские собираются лететь на Ивер?

— Очевидно, в конце месяца, — поднял голову Алькатрос.

— Разве точная дата неизвестна?

— О точной дате умалчивается в сообщениях ООН.

Карриган вновь надолго замолчал.

— Многие правительства Земли обратились в ООН с требованием немедленно взорвать планетоид, — осторожно сказал Алькатрос. — Сейчас кроме нас и России этого никто не сможет сделать...

— Бросьте, — не дал договорить Карриган. — Вы плохо знаете русских. Они не согласятся взорвать Ивер. Не согласятся, понимаете? На нем — люди. Если бы не Фил, Алькатрос!

— Значит, лететь, сэр?

— Лететь, Алькатрос, — скжали кулаки Карриган. — Лететь немедленно... Монм доверенным на корабле будете вы!

— Я?

Нет, это уже было слишком, черт возьми! Он, Алькатрос, всего мог ожидать от босса, только не этого дурацкого предложения. Какой из него, к дьяволу, астронавт? Он не смыслит в космической механике. Разве мало настоящих парней, способных за доллары отправиться на край Вселенной?!

— Вы, Алькатрос!

Карриган, должно быть, радовался, видя растерянность своего второго доверенного. Он хорошо знал этого человека, и если сейчас ставил карту на него то исконечно не сомневался в выигрыше.

Алькатрос не видел выхода из создавшегося положения.

— Я лечу, сэр!

— Другого ответа я от вас и не ждал, — улыбнулся Карриган. — Вы умный человек и не хуже меня понимаете, как важен для нас этот полет... Итак, ваши задачи, Пит.

Алькатрос пододвинул кресло к столу.

— Вам необходимо во что бы то ни стало попасть на планетоид раньше русских. Надеюсь, это доходит до вас?

— Вполне, сэр.

— Отлично... На Ивере долго не задерживайтесь. Постарайтесь в первые же часы обеспечить безопасность Фила и Стоуна. Это, по-моему, тоже ясно?

— Да, сэр.

— Потом вправьте мозги Маори и всей его компании. Только не будьте теленком. В нашем деле иногда приходится быть жестоким. Поверьте, я никому не доверяю, кроме вас.

Алькатрос выразительно хмыкнул.

— Я вас понял, Пит, — сказал Карриган. — Я вам доверяю не потому, что вы мне верны. Нас связывает такое, что вам не захочется меня предавать.

Это, конечно, было верно. Пит Алькатрос и Мак Карриган были связаны одной веревочкой.

В минуты полной откровенности Пит Алькатрос не упускал случая много-значительно похвастать:

— Вы ничего не смыслите, парни. Если б вы только знали, кто я и что мне довелось испытать... Вот как шла моя жизнь, парни, — Алькатрос пальцем изображал зубья пилы. — Не понятно? Вверх, вниз, вверх, вниз... Эх, будь мой старик поумнее да побогаче, да отправь он меня в колледж, я бы сегодня сам был хозяином... М-да.

Алькатросу, действительно, пришлось многое пережить. Он был шофером, аптекарем, шерифом в одном заштатном городке, участником банды по продаже наркотиков. Возносился, падал, попадал в тюрьму, вновь выходил на свободу.

Карьере у Мака Карригана Алькатрос начал скромно — был осведомителем в профсоюзе, проще говоря, шпиком. За пять лет стал руководителем отдела информации. Так для маскировки именовалось разведывательное управление фирм Карригана. Алькатрос мог бы сообщить немало любопытных фактов, объясняющих причины неожиданных смертей, таинственных исчезновений, загадочных краж.

Алькатрос давно уже работал чужими руками. Он сидел у себя в кабинете, который находился рядом с кабинетом Карригана, выслушивал приказы босса и затем пересказывал их своим ребятам. Теперь эта спокойная жизнь летит вверх тормашками. Он отправляется черт знает куда, чтобы выискивать и вынюхивать во славу Мака Карригана.

На Ивере Алькатроса стали одолевать мрачные предчувствия. Маори сопел с ума, если только ему было с чего сходить. Риск возомнил себя первым чело-

веком, заместителем господа по Иверу. Дела шли омерзительно. Теперь вот Рокк запер Хэгстрома и воображает, что он выиграл. Хэгстром дал час сроку... Уж если они играючи отмахнулись от ракет Билла Пренцлера, то с Дилингером справятся в два счета.

Никогда еще Алькатросу не приходилось попадать в такую мышеловку. Даже когда ему грозила тюрьма, он знал, что делать. Он молчал, и в благодарность за молчание ему устраивали досрочное освобождение.

«Что же делать сейчас? Комания с Рокком непременно приведет на скамью международного трибунала. Может быть, махнуть к русским? Надо немедленно освободить Фила и Стоуна. Если русские победят, Стоун замолвит за меня словечко. Если выиграет партию Рокк, дружба с Филом обеспечит мне благодарность его отца. Пожалуй, Рокк сейчас ничего не заметит. Он занят кораблем».

Пит Алькатрос проскользнул в шлюзную камеру.

Рэндолф Стоун подошел к Филу, присел на корточки рядом с ним, долго смотрел, как он портативным лазером водил по стене каюты. Неглубокие, едва уловимые нити ложились на обшивку, образовывая квадрат.

— Врешь, Дилингер, врешь! Мы не сдадимся тебе без боя! Ты еще пожалеешь, что запер нас в эту каюту!

Профессор наконец не выдержал, проговорил с грустью:

— Перестань, Фил, ничего не получится.

— Получится, профессор... Бездейственность страшнее плена.

— Я знаю прочность стены. Уверяю вас, мы не сможем выйти отсюда без помощи извне.

— Выходи, профессор, не сомневайтесь,— отвлекся на минуту от работы Фил.— Мне рассказывали на Земле. Каторжник ногтем извлек из тюремной стены кирпич. Понимаете, ногтем? Ему нужно было выйти на свободу, чтобы отомстить своим врагам. Я обязательно выйду отсюда, профессор. Не улыбайтесь, пожалуйста.

— Я не улыбаюсь, мой мальчик,— растроганно отозвался Стоун.— Ты непременно добьешься своего. Выпей немного кофе.

Фил взял стакан с мутной коричневой жидкостью, поднес ко рту, однако пить не стал — протянул стакан Стоуну.

— Выпейте вы, профессор, я не хочу... Нет, честное слово, не хочу. У меня крепкий организм. Я однажды четверо суток не ел — начитался рассказов о японских самураях. Тяжело было. Думал, сойду с ума. Вообще-то, я — слабовольный человек. У меня была возможность пристукнуть Дилингера.

— Дилингера надо доставить на Землю живым, — встал Рэндолф Стоун.— Мы не имеем права убивать этого человека. Его должен судить международный суд.

— Я не сдержу себя, если мне выпадет еще одна возможность...

— К сожалению, мой мальчик, он не один.

Фил взглянул на Стоуна.

— Вы имсете в виду моего отца?

Профессор выдержал взгляд Карригана-младшего.

— Да!

— Я не оправдываю отца, профессор, — медленно заговорил Фил.— Он замыслил чудовищное преступление и должен понести наказание... Вы мне ответьте: почему у него появилась такая человеконенавистническая идея? Кто ему подсказал ее? Куда, наконец, смотрели вы, когда он подготовлял экспедицию? Мы только на словах патриоты Земли... Нам, собственно, нечего переживать: мы уверены — Ивер не упадет на Землю. Русские не допустят этого... Русские, черт возьми, почему русские? Почему, профессор? Это должны были сделать мы!

— Ты прав, мой мальчик.

— Прав? — болезненно скривился Фил.— К сожалению, у меня сейчас кроме этой правды ничего нет.

Фил снова прильнул к стене, начал с прежней ритмичностью водить по обрамившимся линиям миниатюрным лазером...

Рэндолф Стоун поставил кофе на столик, устало опустился в кресло.

В коридоре послышались шаги, потом замерли у каюты.

Фил спрятал лазер, невольно подался к Стоуну:

— За нами? Кто?

— Не знаю.

В открывшейся двери появилась длинная фигура Пита Алькатроса. Он, вероятно, был пьян, однако уверенно держался на ногах. В его руках было два пистолета.

— Вы живы, Фил?

— Как видите.

— Великолепно. Я думал, что вы уже стоите перед господом... Профессор, вы, оказывается, тоже сице дышите?.. Отлично! Значит, я родился в счастливой рубашке... Глотните за меня, — Алькатрос протянул Стоуну бычилку

с ромом.— Вы первый, профессор. Глотните, глотните, это немного успокоит вас. Не бойтесь, не отравлено,— он поднес бутылку ко рту, сделал глоток, затем метнулся к двери, закрыл.— Еще притащится кто-нибудь... Смотрите!

Рэндольф Стоун, как и Алькатрос, выпил немного прямо из горлышка, затем передал бутылку Филу. Карриган-младший с жадностью сделал два больших глотка. Алькатрос пьяно усмехнулся.

— Ну вот, теперь вы — люди... Слушайтс, Рок Дилингер решил вас... того... пустить в расход... Я только что от него. Слышите? Я решил примкнуть к вам, потому что хочу жить. Если я буду с Дилингером, то разделю его участь. Эти русские доберутся до него, что бы он ни придумывал. Они умеют обделять не такие дела... Что же вы молчите? Согласны принять меня в свою компанию или не согласны? Впрочем, можете не принимать. Я не обижусь.

— Вы пьяны, Алькатрос. Идите проспитесь.

— Я трезв, как стеклышко, профессор... Итак, вы готовы?

— Что мы должны делать? — спросил Стоун.

— Драться, сер... Вперед!

— Куда? — невольно подался Фил к двери.

— Вперед! У нас слишком мало времени. Дилингер может заметить мое отсутствие... Билла Пренцлера нет, знаете? Погиб, как герой пации. Можете, Фил, написать об этом в своих мемуарах, когда возвратитесь на Землю... Кстати, сядитесь, пишите расписку. Так просто вы не заставите меня драться с Дилингером. Я не из простаков. Пишите расписку, Фил!

— Какую расписку? — не понял Стоун.

— Обыкновенную... Напишите, что я по своей воле пришел к вам, и прочее... На Земле без такой бумажки мне будет крышка. Я слишком много бед натворил... Пишите, Фил, пишите. У нас, действительно, мало времени... Пополните, может быть, Маори тоже надо освободить? Пишите пока расписку, я сейчас.

Пит Алькатрос метнулся к двери, и его шаги загремели сначала по коридору, затем по трапу, ведущему в верхние каюты. Однако, уходя, он запер каюту снаружи.

Фил посмотрел на профессора:

— Возможно, это провокация?

— Не думаю, — сказал Стоун. — Алькатрос не дал бы нам оружие, если бы решил рассчитаться с нами... В конце концов, нам все равно, мой мальчик. Мы вооружены и вооружены исплохо. Пишите расписку.

— Пожалуй, вы правы. — согласился Фил.

Он достал из кармана блокнот, присел к столику, на котором стоял стакан с недопитым кофе.

Алькатрос возвратился чернее тучи.

— Маори исчез. Наверно, Дилингер простили его, — сообщил он. — Нам придется, судя по всему, туговато... Расписка готова?.. Пишите скорее... Профессор, вы смыслите что-нибудь в атомных штучках? Вам придется взять на себя камеру с бомбами. Иначе наша борьба окажется бессмыслицей. Дилингер может нажать соответствующую кнопку, и мы все взлетим вверх.

— Пожалуйста, мистер Алькатрос, — поднялся Фил.

Алькатрос прочел записку, сложил вдвое, спрятал во внутренний карман куртки.

— Ладно, сойдет!.. Теперь слушайте меня внимательно. Дилингер в капитанской каюте. С ним — Генри Шварц, Герхард Меркель и, очевидно, Ральф Маори. Все они умеют дырявить открытые лбы и животы. Поэтому советую вам не очень-то высываться. Можете воспользоваться той штучкой, которая так напугала Маори, если она у вас, конечно, есть... Идите к русским и не забывайте, что это я вас освободил... Впрочем, это пока неважно.

— Пойдемте, — двинулся вперед Фил.

— Тише, — зашипел Алькатрос. — Следуйте за мной... Кстати, профессор, вы не коммунист?

— Нет.

— Жаль, — почесал Алькатрос подбородок. — Красный?

Стоун пожал плечами.

— Сойдет!.. Итак, за мной!.. Только не гремите своими магнитами. Можете встревожить бульдогов.

Алькатрос выглянул в коридор, подождал немного, прислушиваясь, шагнул вперед. Стоун и Фил, взглянув друг на друга, пошли за своим необычным предводителем, веря и не веря ему, готовые на все.

Безумец у кнопки

Стоун и Фил неплохо освоили способ передвижения на астероиде. Правда, умение пришло не сразу. В первые дни происходили казусы. Прыгнет, бывало, кто-нибудь через трещину с привычным земным усилием, и внезапно взмывает вверх.

Постепенно за время долгих поисков следов фаэтонской цивилизации Стоун и Фил привыкли к отсутствию перспективы, вызванному ничтожными размерами астероида, научились соразмерять шаг и ориентироваться в резких переходах Света и Тьмы.

Их неожиданный спутник Пит Алькатрос, который предпочитал проводить время в корабле у бара, не был подготовлен к подобным прогулкам.

— Погодите, джентльмены, куда вы торопитесь? — послышался в наушниках голос Алькатроса. — А, черт!.. Ничего, ничего, сейчас пролезу... прохляпала дыра... Занесла меня сюда нелегкая...

— Мы вас ждем, — позвал Стоун.

Он и Фил сидели на дне расщелины, чтобы их не заметили с корабля Диллингера... Сюда они добрались по скрытому тоннелю, о котором известно было только Стоуну...

Алькатрос появился минут через десять.

— Благодарю, профессор, за любезность. Где уж мне, старику, угнаться за вами, — притворно обреченно сказал он. — Что-то мой друг Диллингер долго копается. Наверно, не может пустить ракеты. Командовать он, конечно, горазд. Однако без Билла Пренцлера ничего не может. Я не говорил вам, профессор, что Рокк прихлопнул Билла?

— Как?

— Очень просто. Выстрелил в парламентера красных, попал в Билла. Жаль парня. Ого, красные решили выбраться из своей консервной банки. Смотрите.

Стоун и Фил увидели в сером корпусе корабля ООН черное овальное пятно. Из него торопливо выпрыгнули трое в скафандрах.

— Идите к ним, профессор. Идите, Фил.

— Почему бы и вам не отправиться с нами? — сказал Стоун. — Вы уже сделали один шаг, идите до конца.

— Знаете ли, профессор, я рад бы в рай, только вот как относительно моих грешков?

— Не думаю, что прибывшим известны ваши грехи. Мы с Филом в этой ситуации не намерены заострять их внимание.

— Я стреляный воробей, Стоун, однако мне дьявольски хочется поверить вам.

Троица из корабля ООН укрылась за скалой, и Стоун успел увидеть металлический блеск цилиндра на треноге. Он прекрасно знал, что это был за цилиндр.

— Они с лазерной пушкой.

— Значит, нам крышка? — прохрипел Алькатрос.

— Молчите! — попросил Фил.

Стоун схватился за верньер приемника, отыскивая волну, на которой переговаривались трое, наконец поймал. Резкий голос произнес по-французски:

— Пьер, спокойно. Надо выяснить, кто они такие.

— Алло, алло, мы вас слышим. Не стреляйте, — попросил Стоун. — Мы ваши союзники.

— Союзники? — раздался тот же резкий голос. — Перебросьте свое оружие, потом подходите.

— Я не люблю находиться среди вооруженных без оружия, — проворчал Алькатрос.

Стоун перебросил свою гранату и заставил спутников сделать то же самое. Затем одним прыжком перепрыгнул через скалу. Фил и Алькатрос последовали за ним.

— Кто вы? — Стоун с любопытством смотрел на космонавтов.

— Мы — посланцы Земли, — ответил тот, что говорил по-французски.

— Я Рэндолф Стоун, — сказал профессор. — Я был техническим руководителем на Ивере до тех пор, пока не узнал о цели экспедиции. Я организовал отправку радиограммы и с радостью вижу, что она достигла цели. Мне помогал в этом мой молодой друг Фил Карриган.

— Карриган? — переспросил самый высокий. Стоун понял, что это командир. — Знакомая фамилия. По-моему, Эд именно ее называл при переговорах.

— Дело в том, что Фил — это младший сын...

— Профессор, не надо, — попросил Фил.

— Надо, малыш. Всем надо идти до конца. Отец Фила, миллиардер Мак Карриган, является главным организатором всей этой авантюры. Сын не был

посвящен в планы отца. Потом, когда узнал, присоединился ко мне и, пользуясь дружбой с радиостом, отправил сообщение на Землю. К сожалению, радиост погиб. Его казнили, нас заперли в каюте. Мистер Алькатрос, осознав преступность намерений своего босса, решил присоединиться к нам. Он освободил нас, и я могу поручиться...

— Мы готовы принять вас на своем корабле. Сейчас...

— Слушайте, — не дал договорить Алькатрос, — я думаю, что нам пора прекратить болтовню. Надо немедленно ворваться в коробку Мака и скрутить Роска Дилингера. Он хочет шлепнуть вас...

— Нам это известно.

— Каким образом?

— Нам также известно, что начальника экспедиции профессора Хэгстрома Дилингер намерен держать в качестве заложника.

— Однако вы свое дело знаете... Вот что, я чувствую, что Маку крышка. Хочу делом заработать отпущение грехов. Доверяете?

— Я — командир корабля Игорь Богатырев, — засмеялся высокий, — Рискну довериться вам. Берите свое оружие. Ну, а вас, мистер Стоун, и вас, молодой человек, я приглашаю отдохнуть на своем корабле.

— Я не хочу отдыхать, — возразил Фил. — Я хочу доказать этой скотине Дилингеру, что я не молокосос и не неженка.

— Весьма энергичный лексикон, мистер Карриган, — засмеялся снова Богатырев. — Что ж, у нас получается неплохая боевая группа.

— Сэр, кончайте болтовню, — с прежней грубостью бросил Алькатрос. — Ребята Дилингера не дремлют.

— Пошли.

Стоун тоже решительно поднял гранату и отправился вместе со всеми.

Они воспользовались стоуновским тоннелем и незаметно подобрались прямо к шлюзной камере «Стрелы». У Алькатроса был запасной комплект ключей, однако открыть камеру он не смог. Видимо, Дилингер включил внутреннюю блокировку.

— Ничего, мы его сейчас пушечкой, — сказал Пьер Рошаль.

Красный, тонкий, как игла, луч, вырезал отверстие. Плита обшивки медленно начала вываливаться.

— Пошли, — сказал Алькатрос.

У дверей боевой рубки Алькатрос остановился, проверил пистолет и достал из кармана коробку с круглым диском.

— Радиоключи? — догадался Фил.

— Именно.

— Что вы хотите делать?

— Как что? Сражаться, сэр. Если мы не продырявим животы Дилингеру и его шакалам, считайте, что нас уже нет на этом свете. Дилингер не любит предателей; стреляет без предупреждения.

— Надо взять его живым, — сказал Стоун.

Алькатрос тихо свистнул.

— Вы его плохо знаете, профессор.

— Постойте, Алькатрос, — остановил Стоун. — Вы не сразу стреляйте. Я не боюсь лайтингов и пойду первым.

— Мы тоже не боимся, — сказал Богатырев.

Стоун с недоверием посмотрел на командира «Востока».

— Дело в том, мистер Богатырев, что я создал прибор защитного поля и...

— Очень любопытно, однако наши физики тоже создали подобное устройство.

— Выходит, лишь я смертен, вы все бессмертные? Ладно, рискну, — пробормотал Алькатрос.

Он набрал несколько цифр, белевших в круглых отверстиях диска. Раздался тихий мелодичный звон, и дверь открылась.

Алькатрос тотчас метнулся в каюту, прохрипел:

— Руки вверх!

Дилингер, Шварц и Меркель посмотрели на Алькатроса с недоумением, потом с улыбкой, должно быть, решив, что он пьян.

— Идите, Алькатрос, выпитесь, — предложил Дилингер. — Сейчас есть дела проважнее. Генри, проводи его, — обратился он к Шварцу.

Шварц с прежней улыбкой шагнул к Алькатросу, однако дойти до него не смог — на полпути его остановила пуля. Меркель и Дилингер одновременно вскинули пистолеты.

— Стойте!

Дилингер ошеломленно смотрел на Стоуна, на Фила, на трех неизвестных, неожиданно появившихся в боевой рубке. Богатырев отстранил Алькатроса.

— Вы арестованы, Дилингер.

Дилингер выстрелил. Игорь продолжал спокойно стоять.

— Ваши штучки, Стоун, — захрипел Дилингер и начал стрелять в профессора.

Вперед метнулся Фил, и со всей злостью, которая созревала в нем за эти месяцы, ударил красавчика Дилингера. Алькатрос обезоружил Меркеля. Пьер Рощаль и Боб Скотт встали у пультов управления ракетами. Алькатрос подошел к Дилингеру.

— Видите, как все не прочно в этом мире, Роск... Вы слышали предупреждение профессора Хэгстрома? Не делайте глупостей. Это увеличит шансы на сохранение жизни. Смерть, как ни крути, это смерть. Героническая или заячья.

«Нравоучительная» речь Алькатроса привела в чувство Дилингера — он оглядел всех, усмехнулся криво, одним краем губ.

— Вы правы, Алькатрос: смерть — это смерть. Героническая или заячья. Я очень сожалею, что не выбросил вас из корабля в одних трусах... Скотина!

— Подбирайте выраже-

ния. Не забывайте, вы пока — капитан корабля. У вас — представители красных. Что они подумают, если вы будете вести себя так.

Дилингер посмотрел на ъбъя Скотта, выругался:

— Черномазый тут как тут! Жаль, что ты раньше не попался мне на крючок, грязный негр.

Боб стал серым, скжал кулаки.

— Мистер Скотт, не волнуйтесь, это — неисправимые мерзавцы, — сказал Богатырев. Заприте ваших друзей в какую-нибудь каюту, — обратился он к Алькатросу.

— Хорошо, сэр... Я вас пристрою в баре, Роск. Вы неплохо проведете там время... Герхард, вы чего уставились на меня? Слышали приказ? В изолятор!.. Захватите с собой своего дружка, — Алькатрос кивнул на Шварца.

Меркель взвалил труп Генри Шварца на плечи, шагнул к двери. За ним направился Роск Дилингер.

— Пьер и Боб, сходите с мистером Алькатросом. Дилингер может еще что-нибудь выкинуть, — приказал Богатырев.

Алькатрос усмехнулся.

— Не бойтесь, сэр. Но вообще-то предосторожность не помешает. Сейчас я как никогда хочу жить! Главное, по-моему, позади. Как вы думаете?

— Главное — впереди, Алькатрос. Идите.

Когда Алькатрос возвратился, Богатырев попросил его открыть каюту, в которой был заперт профессор Хэгстром.

Фил Карриган, увидев профессора, растерялся. Ему показалось, что знаменитый астроном смотрит на него с осуждением. Впрочем, может быть, Карригану-младшему это не показалось?

Разве не заслуживал он самого сурового осуждения? Разве у него не было возможности предотвратить те убийства, которые произошли здесь, на Ивере?

— Рад познакомиться с вами, мистер Карриган, — сказал Хэгстром.

Фил вскинул голову.

— Вы меня знаете?

— Немного. Я видел вас на съезде в прошлом году. Мне понравилось ваше выступление.

Фил долго тряс руку профессора. На его лице появилась виноватая мальчишеская улыбка.

За дверью раздались громкие возбужденные голоса. Алькатрос, который по поручению Богатырева изолировал других членов карригановской коалиции, ворвался в каюту.

— Что случилось? — встревожился Богатырев.

— Ральф Маори исчез!

— Ну и черт с ним! — сказал Боб Скотт.

Алькатрос взорвался:

— Как это, черт с ним? Это самый опасный психопат на астероиде.

— Мы сможем себя защитить, Алькатрос, не беспокойтесь,— заметил Хэгстром.

— Может быть... Но его надо найти. Он может наворотить немало бед.

— Каких?

Алькатрос не успел ответить Богатыреву. Из динамика, вмонтированного в стену, раздался голос Маори:

— Слушайте все! Слушайте все! Говорит Маори! Говорит Маори! Я нахожусь в камере с ядерным оружием! Я нахожусь в камере с ядерным оружием.

Космонавты замерли.

Фил Карриган крикнул:

— За мной! В камеру!

Алькатрос сорвался с места, прыгнул к выходу, загородил дверь:

— Надо немедленно улетать!

Ральф Маори облядел безумными глазами черные груды водородных бомб, лежавшие в глубине камеры, дико захочатал:

— Телерь я хозяин на Ивере! Я!

Он потрогал шершавый металл, подошел к нише, в которой стоял детонатор, затем, пригнувшись, побежал к двери, проверил засов.

— Порядок!

Сначала ему, разумеется, нужно обезоружить Роска Дилингера. Этот шакал возомнил себя чуть ли не самим дьяволом и оскорбил его в присутствии экипажа корабля. Ивер должен упасть на Москву. Никакая сила не остановит его на этом пути.

— Дилингер!.. Нет, ты пожалеешь, что родился на свет! Я оставлю тебя и твоих псов на этой глыбе и направлю ее на красную Россию. Коммунисты встретят тебя хлебом-солью... Ха-ха-ха-ха!

Маори прильнул к щели в скале, долго глядел на корабль, возвышавшийся над острыми глыбами планетонда. Потом возвратился к детонатору, опустился около него на камень и нажал на кнопку микрофона.

— Говорит Ральф Маори! Говорит Ральф Маори! Слушайте меня внимательно. Я нахожусь в камере с водородным оружием. От меня сейчас зависит ваша жизнь. Будьте благоразумны. Арестуйте Дилингера и красных и приведите ко мне. Даю вам на размышление пятнадцать минут.

Наушники тотчас загудели, словно в них влетел рой ос, затем Маори услышал голос Алькатроса.

— Послушай, Ральф, перестань валять дурака. Тебе все равно нас не победить. Бомбы не уничтожат корабль русских. Он защищен силовым полем. Ты прекрасно знаешь, что это такое.

— Врешь, Алькатрос! — заорал Маори.— Я уничтожу корабль русских. Разве ты позабыл, какая сила таится в бомбах? Скажи, сколько тебе дали красивых?

Снова загудели осы в наушниках. Маори вскочил, побежал к двери, потрогал засов.

— Ты почему молчишь, Алькатрос? Отвечай!

Алькатрос проговорил хрипло:

— Много.

— Сколько?

— Два миллиарда.

— Врешь!

— Два миллиарда.

— Врешь. Я знаю, что ты врешь!.. Осталось десять минут... Скажи своим новым хозяевам... Через десять минут я взорву Ивер.— Маори вдруг заорал.— Нет, через пять минут. Слышишь, Алькатрос!

Там, за дверями камеры с бомбами, что-то произошло. Раздались выстрелы, глухие удары, отчаянные крики. Затем наступила тишина.

Маори испугался. Заметался, изрыгая проклятия на весь мир.

— Эй, вы! — не узнал он своего голоса.— Почему молчите, черт вас поберя?! Это я, Ральф Маори! Если вы через минуту не откликнетесь, я взорву бомбы! Вы слышите меня? Я взорву бомбы!! Эй.. Э-э-эй!!.— У него перехватило дыхание.

«Неужели они перебили друг друга, — подумал он.— Куда летит Ивер? На Москву? К дьяволу? Я хочу жить! Жить!»

Рядом, в стене, что-то заблестело, словно внезапно толщу камня пробило солнце и осветило металл.

Вокруг по-прежнему царствовало безмолвие. Словно на астероиде не было ни одной живой души.

Собственно, может быть, на Ивере, действительно, никого, кроме него, Маори, уже не было? Может быть, они улетели и оставили его одного?

— Эй!.. Вы слышите меня или нет?!.. Черт бы вас всех побрал, что у вас стряслось?!

Блеск неизвестного предмета не затухал. Наоборот с каждой минутой становился все ярче и ярче.

Маори вскинул пистолет.

— Стой! Ты кто?

Тишина вздрогнула и отклинулась:

— Ты кто? Ты кто? Ты кто?

У Маори мороз пошел по коже. Эх? Откуда оно могло взяться в вакууме?

Кто-то заполнил камеру воздухом? Кто? Красные?

Это сделали красные. Значит, они живы? Почему же в таком случае они молчали? Хотели заманить его в ловушку?

Не выйдет. Ничего у них не выйдет.

Однако зачем красные заполнили камеру воздухом? Откуда они его взяли? Откуда?

Маори метнулся к выходу, однако не успел выйти из камеры — послышалась тихая высокая мелодия, и он обернулся, почувствовав неодолимое желание дослушать ее до конца.

— Кто здесь?

Эх?.. не откликнулось. Зато вспыхнул новым, еще более ослепительным пламенем неведомый предмет. Маори медленно пошел к нему, хотя у него и не было желания делать это, остановился в нескольких шагах и долго стоял, не шевелясь, охваченный непонятным чувством.

Блеск предмета неожиданно стал затухать, и вскоре полутьма снова охватила камеру. Однако того мрака, который был до появления неизвестного блеска, уже не ощущалось. Маори протянул руку к тому месту, где только что светился загадочный предмет. Стена камеры неожиданно исчезла, и впереди открылся ярко освещенный круглый зал, посреди которого стоял гигантский бледно-голубой шар.

— Нет!.. Нет-нет!.. Не-ет! — заорал Маори.

Он подумал, что сходит с ума: закрыл глаза, попятился назад, к выходу, сжимая в руке пистолет. У двери остановился, постоял немного, повторяя в уме пятизначные числа, потом открыл один глаз.

Шар, будто уменьшенная в тысячи раз Земля, крутился медленно, справа налево, меняя свет.

— Нет!.. Не-е-т!.. — снова заорал Маори.

Однако на этот раз в его крике почти не было страха. Шар казался мирным.

Маори спрятал оружие в карман и направился в зал. Словно пьяный, бродил он среди неведомых вещей, находящихся в зале. Его ум отказывался понимать то, что открывалось перед ним каждую секунду. Он не спрашивал себя, откуда это богатство взялось здесь, на каменной глыбе. У него просто не было никаких мыслей. Будто мозг неожиданно замер и не реагировал на окружающий мир.

Правда, это длилось недолго. Маори, наконец, понял, что означает его находка. Он выбежал из зала, из камеры, и помчался к кораблю. Замахал руками, закричал:

— Эй! Я нашел! Где вы, люди?

Молчал космос. Молчал Ивер. Молчали корабли.

Неужели никого не осталось в живых? Неужели только он, Ральф Маори, был на этом обломке? Значит все, что он нашел, теперь принадлежало ему. Он может купить себе жизнь. Земля не накажет его, если он вречт сей хотя бы часть того, что скрывает Ивер. Она простит ему все, что он сделал.

Собственно, что плохого он сделал? Он лишь выполнял задание Карригана. К черту Мака Карригана! К черту всех! Темерь у него есть то, что сделает его одним из величайших людей Земли.

— Я самый могучий! Я!.. Люди, вы слышите меня?

Маори побежал назад.

Вдруг замер: около входа в камеру стояли Алькатрос, Фил, Стоун и двое неизвестных. Он понял, что путь к бомбам и неведомому шару закрыт.

— Стой! — поднял руку Алькатрос.

— Ты? — слова застряли в горле Маори. — Ты жив, вы живы? — Он посмотрел сначала на неизвестных, потом на Фила. — Живы? А-а-а! Живы!

— Успокойтесь, Ральф, — сказал Стоун.

Алькатрос и Фил подскочили к нему, взяли с двух сторон под руки.

— Пойдем на корабль, — предложил Алькатрос.

— Нет! Нет!.. Там!.. — Маори повернулся к камере.

— Не беспокойтесь, Ральф, — усмехнулся Алькатрос. — Бомбы не взорвутся. Мы уже приняли меры.

— Нет-нет, не бомбы, нет,— закрутил головой Маори.— Там шар. Там зал. Не бомбы... Там шар и зал...
— Пойдем, дружок,— усмехнулся Алькатрос.

Маори огляделся. Каюта, в которую его привели, напоминала холл большого земного дома. Она была обставлена легкой голубой мебелью. На экранах обзора, похожих на окна, висели зеленоватые шторы. Потолок каюты казался недостижаемым — на нем виднелись знакомые созвездия и туманности. На полу лежал плотный ярко-зеленый ковер.

— Землю взяли с собой.— презрительно усмехнулся Маори.
— Взяли,— ответил Эдварт Хэгстром.
Он стоял у письменного стола, справа и слева от него сидели космонавты: Хейнц Вильковски, Мацуумото Томоясу, Боб Скотт, Пьер Рошаль, Том Перкинс, Фил Карриган, Рэндолф Стоун, Игорь Богатырев, Алькатрос.
— Все собрались? — с прежней усмешкой поинтересовался Маори.
— Все,— ответил Хэгстром.
— Судить?
— Судить вас будет Земля.
— Земля далеко. Кто у вас старший? Вы? — посмотрел Маори на Хэгстрома.

— Я — начальник экспедиции.
— Мне нужен капитан.
— Я — капитан,— сказал Богатырев.
— Я хочу с вами поговорить.
— Говорите.
— Мне свидетели не нужны.
— У нас нет секретов друг от друга.
— Вы — капитан корабля?
— Да.
— Значит, вы — хозяин Ивера?

— Вы заблуждаетесь,— нахмурился Богатырев.— Хозяин Ивера не я. Он принадлежит всем... Говорите, что вам нужно.

Маори оглядел космонавтов тяжелым взглядом, скривил губы, когда увидел Алькатроса.

— Ему тоже принадлежит Ивер?
Богатырев помедлил секунду.
— Да.
— Нет, Алькатрос такой же, как я. Его место рядом со мной. Рядом с ними,— указал Маори на Рэндолфа Стоуна и Фила Карригана.— Рядом с теми, кто послал нас сюда...

— Алькатрос помог нам разоружить команду Дилингера. Рэндолф Стоун и Фил Карриган — наши друзья по борьбе.

— Мое место тоже с вами,— закричал Маори.— Я не взорвал бомбы. Я всех вас спас от смерти. Вы должны простить меня и принять к себе. К тому же, я обнаружил в камере сооружение фаэтонцев.

— Кого-кого? — спросил Хейнц Вильковски.
— Фаэтонцев. Жителей планеты, из осколков которой когда-то произошел Ивер,— ответил Маори.— Я нашел шар фаэтонцев. Он стоит в огромном зале, освещенный белым светом... Шар принадлежит мне. Я отдам его вам, если вы простите меня.

— Вы совершили преступление против Земли, и Земля будет решать вашу судьбу,— сказал Хэгстром.— Я вынужден буду вас изолировать.

— Вы — убийца Дени Гладова, — с испугом бросил Фил.
— Я? Убийца? Это твой отец убийца! Значит, ты тоже убийца! Будь ты проклят! — Маори с молниеносной быстротой выхватил из кармана портативный лазер иолоснул струй ослепительного света по груди Фила.— Получай! — Он резко повернулся к Богатыреву, луч еще большей силы осветил каюту.— Это ты, русская сволочь? Получай!

Космонавты слишком поздно поняли, что произошло. Когда Боб Скотт выбил из рук Ральфа Маори лазер, на полу лежали двое: Фил Карриган и Игорь Богатырев... Игорь Богатырев поспешил: рано выключил силовое поле, думал, что у Маори не было оружия... Маори, к сожалению, не обыскали...

— Господин Богатырев! Игорь!
— Он мертв, мистер Хэгстром! — поднялся Пьер Рошаль.
— Не может быть.— Хэгстром припал к груди Богатырева.— Нет... Что я скажу его стране? Господин Богатырев!
— Не надо, профессор.— Хейнц Вильковски взял Хэгстрома за руку.
— Он не мог умереть, Хейнц... Доктор Томоясу!

— Я здесь.

Мацумото Томоясу склонился над Филом Карриганом. Фил лежал на спине с перекошенным от боли лицом, с глубокой раной на груди.

Хэгстром закрыл лицо руками, не в силах видеть страдания юноши, потом резко повернулся к Ральфу Маори.

— Что ты наделал?

Маори замычал, на его лице блуждала тихая улыбка.

— Я не верю вам. Вы обманываете меня! Все вы — мертвые! Есть шар! Есть!

— Что ты наделал?

К Маори потянулись руки космонавтов.

— Нет! — завопил он.— Нет!

— Дайте, я вышвырну эту скотину из корабля,— протиснулся к Маори Том Перкинс.

— Правильно, малыш,— сказал Алькатрос.— Пусть он постоит на открытом воздухе, как Деки Гладов. Клянусь, в следующий раз ему не захочетсяноситься с собой лазер.

Маори пятился к стене.

— Нет! Нет!

Боб Скотт сжал его плечи так, что у него от боли позеленело лицо. Эдвард Хэгстром внезапно вскинул руки.

— Остановитесь!

— В чем дело, профессор? — шагнул к начальнику экспедиции Рошаль.— Вы собираетесь взять на поруки эту падаль?

Хэгстром понял, что Пьер Рошаль бросится на него, если он смалодушничает. В таком же состоянии были и остальные. Остановить, остановить во что бы то ни стало, иначе произойдет непоправимое!

— Я ненавижу эту тварь так же, как и вы! Однако я не позволю его линчевать. Мы отдадим его на суд Земли.

— Почему мы не вправе решать судьбу этого негодяя? — не утихал француз.— Он пошел против нас, и судить должны его мы, мистер Хэгстром!

— Уподобляться этим скотам и чинить самосуд я не позволю. Его будет судить Земля.

Наступившую тишину нарушил стон Фила. Космонавты разом вздрогнули, вопросительно посмотрели на Мацумото Томоясу.

— Что? — едва выдохнул Хэгстром.

Японец прикусил губу, обреченно покачал головой.

Рэндольф Стоун, все время хлопотавший около Фила, неожиданно метнулся к японцу:

— Это мой сын! Прошу вас!

Мацумото Томоясу с трудом выдержал взгляд старого профессора, затем виновато опустил голову.

Стоун в отчаянии пошатнулся, снова склонился над Филом, вытер платком искиневшие мальчишеские губы.

— Фил!

Фил медленно открыл глаза.

— Отец!

Может быть, старый профессор показался Карригану-младшему отцом? Или он назвал профессора так, потому что разделил с ним свою судьбу?

Рэндольф Стоун опустился на колени. На его бледных впалых щеках дрожали слезы.

— Мой мальчик! — заторопился Стоун.— Я рад, что ты пришел в себя. Ты только не волнуйся. Скоро тебе будет лучше. Доктор Томоясу говорит, что ты поправишься и проживешь еще сто лет. Мы с тобой побываем в районе астероидов.

Фил протянул руку — в ладони сверкнул яркий желтый камень. Фил смыслил что-то сказать, и Стоун понял: «Салли».

— Что ты, Фил, успокойся. Я уверен, что ты сам встретишься с Салли.

Увидев камень, Эдвард Хэгстром торопливо зашарил по карманам и извлеч голубой кристаллический куб. Подал его Стоуну.

— Я это тоже здесь нашел.

— Фил! Мальчик мой! Фил! — зашептал Стоун своему юному другу.— Погляди. Этот кристалл нашел на Ивере мистер Хэгстром. Видишь, он — искусственный. Его сделал разум... Ты не зря летел сюда.

В каюту влетел Пьер Рошаль. Он решил проверить слова Маори и сходил к камере с бомбами.

— Мистер Хэгстром, Маори сказал правду: там стоит неизвестное сооружение.

Ральф Маори, стоявший до того с поникшей головой, вдруг рванулся из рук Боба Скотта:

— Это мой шар! Мой!

Маори выпрямился и стал медленно оседать на пол.

— Встань! — приказал африканец.

Мацумото Томоясу прошел ладонью по лицу Маори.

— Он мертв.

Люди в скафандрах стояли около двух каменных гробов. Лица умерших были открыты и словно взглядывались в бездонную пропасть космоса, черневшего над ними.

Позади людей замерли три корабля с красными точками иллюминаторов. За кораблями, в выступе скалы, светился вход в пещеру, в которой стоял шар неведомых жителей погибшего мира. Временами казалось, что над скалой вздыпалось багровое зарево и на его фоне появлялись темные, похожие на человеческие фигуры. Скала словно ожидала.

— Прощайте, друзья, — наконец заговорил один из землян. — Вы отдали свои жизни, чтобы жила Земля, и Земля никогда не забудет вас. Мы клянемся сделать все, чтобы на ней больше никогда не было убийств.

— Клянемся! — вскинули руки вверх стоявшие рядом с говорившим.

— Игорь, ты утверждал, что человек бессмертен. Ты убеждал нас, что Разум непобедим. Ты был уверен, что во Вселенной существует Разум, прошедший через Вечность. Мы клянемся сделать все, чтобы Разум Земли слился с Вечным Разумом.

— Клянемся! — подтвердили остальные.

— Фил! Ты мечтал найти следы Разума на этом обломке погибшей жизни. Мы доведем твои поиски до конца.

— Клянемся!

— Прощайте, друзья! Мы оставляем вас здесь, на Ивере. Земля решила похоронить вас здесь. Вы будете вечным напоминанием о том, что Разум Земли никогда не мирится с несправедливостью и злом!..

Михаил Гребенюк

Чародокс Времени

Рисунки В. Будаева

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Тетрадь первая

Загадочный силуэт

Костя смотрел на небо: четверть часа назад по нему проплыли четыре яркие звезды. Они скрылись на западе в рваных тучах, опаленных багровым пламенем.

Люди, живущие сейчас на Земле, уже не увидят эти четыре звезды даже в самые мощные телескопы. От них будут поступать только радиосигналы, которые станут рассказывать о необычном полете Разума к Миру, затерявшемуся в безграничных просторах вселенной.

Возможно, через несколько столетий на Земле перестанут повторять имена тех, кто решился на этот дерзновенный полет. Возможно, это произойдет значительно раньше...

Только родные и близкие, пока будут живы, не перестанут вспоминать об ушедших за горизонт.

Не забудет и Костя: четыре звезды навсегда отняли у него... Надю. Она не возвратится на Землю, потому что решила возродить Мир, который находится далеко за пределами Галактики. Не возвратятся и ее друзья.

Когда Мертвый Мир охватит Пламя Жизни, возможно, кто-нибудь из них решит возвратиться в Систему Солнца, но он не узнает Землю. Не узнает и тех, кто будет жить на ней. С ним произойдет то, что произошло с Хау.

Когда Хау возвратился со звезд, Земля уже получила корабли, работающие на энергии времени. Они побывали на всех планетах Системы.

Теперь точно известно, что спутники Марса, Фобос и Деймос,— это осколки погибшей планеты Фаэтон. Изучен и сам Марс. Прояснились загадки Сатурна, Юпитера, Нептуна. Плутон, судя по всему, появился в другой системе: Солнце миллионы лет назад, проходя около одной из звезд Галактики, «подхватило» его и превратило в своего пленника...

Костя невольно поежился: как летит время! Давно ли он видел здесь Надю? Кажется, минуту назад. Она сидела в этом кресле. На ней было легкое сиреневое платье. С экрана телевизора смотрел Виктор, он читал стихи:

Я оттуда,
Я оттуда,
Где живой родник — не чудо,
Из уезда тихих красок,
Стороны лесов и сказок...
Я оттуда,
Я оттуда,
Где и весело, и трудно,
Где родник — живое чудо —
Бьется сильно, сильно, сильно...

Костя привалился к стене, устало закрыл глаза...

— Что привело тебя в мои апартаменты? Между прочим, знакомясь,— Виктор повернулся к невысокому юноше, выходившему из Большой Лаборатории.— Мой помощник, Аскад Азимович! Прошу, как говорится, любить и жаловать. Кстати, прежде чем начинать очередную дискуссию о йогах или пришельцах, хорошенко подумай о своем будущем: Аскад Азимович — чемпион Средней Азии по боксу...

Костя представился.

— Слышал, слышал о вас,— Аскад протянул руку.— Вы пользуетесь уважением у начальства. Буду рад, если подружимся.

Они находились в Малой Лаборатории. Это было «преддверие» в Большую, где царствовал Главный Мозг Фабрики Времени.

— Итак, что привело тебя в мои апартаменты?

Костя не успел ответить — у потолка заискрились слабые зигзагообразные молнии, тревожно загудели невидимые моторы. Виктор метнулся к пульту связи, у входа в Большую Лабораторию, переключил два рычага.

Мгновенно воцарилась тишина, правда, ненадолго. Едва Виктор отошел от пульта связи, как Малая Лаборатория вздрогнула от еще более сильного гула невидимых моторов.

— Аскад Азимович, идите сюда!

Виктор уже стоял у другой стены, на которой, будто маленькие звезды, горели шесть точек. Около точек чернели римские цифры, от единицы до шести. Аскад уставился на них, слегка наклоняясь вперед, словно приготовился к защите.

— Следите за цифрами,— не поворачиваясь, приказал Виктор.—

Как только одна засветится, немедленно нажмите кнопку справа. Не отвлекайтесь, пожалуйста!

— Хорошо, Виктор Сергеевич,— приглушенno проговорил Аскад.

Виктор быстро направился к открытой двери Большой Лаборатории.

Костя не знал, что делать, выйти или оставаться. Происходило что-то невероятное...

Неужели на Фабрику Времени проникли диверсанты? Нечего греха таить, еще кое-кто спал и видел себя властелином Земли. Или, наконец, Фабрика Времени выдала первые порции энергии?

Костя не помнил, каким образом очутился у двери Большой Лаборатории, помнил только, как неожиданно перешагнул порог этого храма и замер растерянно у невысокого столика, на котором чернели шесть пластинок, напоминающих клавиши рояля. Виктор стоял около, спиной к двери, поэтому не заметил Костю. Он был поглощен делом.

В Малой Лаборатории раздался резкий высокий звук. Виктор вскинул голову, нажал на крайнюю пластинку. Тотчас засветилась зеленоватым светом стена у двери, и на ней, как из тумана, стали появляться высокие ребристые столбы. Они излучали белое, едва различимое сияние. Над столбами чернела бездна, усыпанная яркими точками. Костя так и подался вперед, узнав знакомое созвездие, но не успел рассмотреть, что находилось внизу. Виктор положил руку на вторую пластинку...

Костя снова замер — теперь засветилась другая стена, на ней появились такие же ребристые столбы, та же бездна, усыпанная яркими точками. Правда, сейчас не было знакомого созвездия. Это было другое «небо».

Резкий звук в Малой Лаборатории усилился — Виктор нажал на третью пластинку и, подождав немного, перенес руку на четвертую. Костя с трудом сдержал крик: на четвертой стене среди ребристых столбов неожиданно мелькнул силуэт человека.

Стены Малой Лаборатории вновь содрогнулись отibriрующего воя.

— Черт! — выругался Виктор и включил пятую стену.

Тишина наступила, едва на ней показался знакомый силуэт. Костя пригляделся, сердце его дрогнуло: силуэт только внешне напоминал человека. Гость из космоса?

Виктор тоже не спускал глаз с фигуры человека, ходившего между ребристыми столбами.

— Куда, куда? — внезапно закричал Виктор.

Костя вздрогнул, однако Виктор обращался не к нему, а к незнакомцу, подходившему к стене, от которой к столбам тянулись яркие желтые нити. Незнакомец, очевидно, услышал Виктора или почувствовал, что дальше идти опасно. Он повернулся в другую сторону и, подойдя к столбу, исчез в нем.

Виктор быстро нажал на последнюю пластинку. Шестая стена засветилась. Незнакомец на этот раз появился откуда-то сверху, плавно опустился на площадку между двумя столбами.

«Это же робот», — подумал Костя. Неожиданное открытие обрадовало его. Он был горд за ученых, создавших машину, так похожую на человека. К тому же, отпадала сама по себе версия о диверсантах, проникнувших на Фабрику Времени...

Костя уже не сомневался, что эти шесть стен, на которых появлялись ребристые столбы, были телеприемниками, связанными с шестью залами Фабрики Времени.

Постепенно стена начала гаснуть, по Большой Лаборатории разлился мягкий дневной свет. Костя стоял, глядя на столик с пластинками-клавишами, боясь шевельнуться.

Виктор поднялся минут через десять. Он усмехнулся, когда Костя сказал, что робот поразительно похож на человека.

Малая Лаборатория снова была погружена в темноту. Машины молчали, поблескивая металлическими и стеклянными частями. Аскад выжидающе смотрел на Виктора.

Затянувшееся молчание нарушил негромкий сухой бас:

— На участке С-2-С все в порядке!

— Помолчи,— устало попросил Виктор. Встал, прошелся по Малой Лаборатории, взглянул на Аскада, на Костю.— Ну?

— Здорово! Клянусь, Виктор! Робот, наверно, заметил что-то? Несправность или недоделку? Он так внимательно разглядывал все.

— Робот?— встрепенулся Аскад.

— Да,— отозвался Виктор.— Мы направили на Фабрику робота. Он будет вести наблюдение. Думаю, что его расчеты помогут нам.

— Позвольте, почему же я ничего не знаю об этом?— заволновался Аскад.— Неужели не доверяете? Мне сказали, что вы объективный человек! Я не нахожу слов...

— Не можете же вы за два дня узнать все, что происходит у нас,— сказал Виктор. Он снова перевел взгляд на Костю:— Ты, оказывается, наблюдательный. Признаться, я тоже сначала принял робота за человека. Придется поздравить кибернетиков с победой.

— Да-да,— кивнул Аскад.

Костя не сразу успокоился, выйдя из Малой Лаборатории. Что-то в словах и в жестах Виктора настораживало его. Ему показалось, что Виктор пытался что-то скрыть.

— Что, Иванушка, невесел, что головушку повесил?

Костя поднял голову — на аллее стоял журналист Чарли Теклтон.

— Гуляешь?

— Гуляю, мистер Сибирцев!

— Около моей палатки?

— Разве нельзя?

— Да нет, с чего ты взял! Гуляй, сколько хочешь! Закуришь?

— Не курю. Вредно. Звезды... Какие недосягаемые и близкие,— Чарли посмотрел на небо, перерезанное яркой млечной полосой.— Ты, конечно, слышал об энергии времени? Она поддерживает костер звезд Галактик, Метагалактик. Виктор считает, что создатели тектитов владели секретом времени. Ты не в курсе, он еще ничего не добился?

— Добился, как же! Вчера сказал: «Ну, Костя, теперь мы обуздаем ядерщиков! Я такое открыл — ахнешь! Само время будет работать на нас!»

— Шутишь, мистер Сибирцев,— миролюбиво отозвался Чарли и, подмигнув Косте, бодро протянул руку.— Человек! Это звучит гордо! Помнишь, у Горького? До свидания!

Костя пошел к Наде. Разговор с Чарли разбудил еще больший интерес к вопросам, которые беспокоили его.

Надя была занята. Поступила новая партия тектитов, надо было установить, когда они произошли.

— Это много времени займет?

— Не знаю. Во всяком случае, до вечера не освобожусь...

Однако и вечером Костя не успел расспросить Надю. Подошла секретарша начальника экспедиции Ибодат Джалилова и затараторила:

— Здравствуйте, Костя, Надя! Ой, что я знаю! Умрете, если расскажу! Молчать умеете? Клянитесь!

Костя поднял обе руки:

— Клянусь небом и землей!

— Ты? — Ибодат схватила Надю и потянула к себе: — Ну?

— Клянусь!

— Ой, Костя, ты был сегодня в Большой Лаборатории?

— Был.

— Ну вот, я так и думала! Ты ошибся, понимаешь? Это был пришелец! Не робот!.. Ты какой-то ненормальный! Надя, посмотри на него. Никакой реакции!

— А-а-а! — равнодушно протянул Костя, между тем, в нем все так и напряглось. Значит, Землю кто-то заметил, кому-то удалось проложить к ней дорогу.

Ибодат возмутилась:

— Ты что? Недоволен? Скажи, какой он? Как мы? Нет? Ой, я, наверно, сойду с ума! Почекуешь ты молчишь? Надя, что же это получается?

— Подожди, Ибодат. Не понимаю, о каком пришельце ты говоришь?

Ибодат удивленно отступила от Нади:

— Ты серьезно? Я говорю о пришельце из космоса на Фабрике Времени!

— Откуда ты взяла это?

— Как откуда? Разве я не сказала? — вскинула брови Ибодат. — Костя видел его на Фабрике Времени.

Надя повернулась к Косте:

— Что скажешь?

Костя пожал плечами. Наверно, кто-то сошел с ума. Виктор заверял, что на Фабрике Времени был робот. Ибодат считает, что это был пришелец. Кто прав? Ибодат или Виктор? В Большой Лаборатории Ибодат не была... Откуда она все знает?

— Я не могу, Надя, понимаешь, это... — Костя нерешительно затоптался на месте.

— Ну?

— Ты что, Костя? — упрекнула Ибодат. — Боишься? Виктор уже раскрыл тайну. Он только что был у Павла Михайловича.

— Костя! — на этот раз в голосе Нади послышался упрек. Костя помедлил еще немного и рассказал, что было в Большой Лаборатории. Ибодат снова затараторила:

— Вот видишь! Ой, что будет! Ты узнал бы его снова?

— Конечно.

— Я уверена, что он появится в лагере. Сегодня или завтра! Виктор считает, что у него база где-то недалеко. Правда, Павел Михайлович не согласен. Говорит, что все это несерьезно!

— Подожди, Ибодат,—снова попросила Надя.—Успокойся. Ты была у Павла Михайловича в кабинете?

— Не-ет... Я была у себя в приемной... Виктор не закрыл дверь, когда зашел к нему, я все и слышала. Костя, пожалуйста, не делай таких осуждающих глаз... Ой, что теперь будет!

— Подожди,—еще раз попросила Надя.—О чем они говорили?

— Я же сказала: о пришельце, который проник на Фабрику Времени. Виктор хочет срочно сообщить в институт. Павел Михайлович считает, что нужно повременить. Они завтра собираются на Фабрику Времени. Костя, готовь вездеход... Слушай, ты не отставай от них! Может, встретишь пришельца.

— Ты думаешь, он до сих пор на Фабрике Времени?

... Костя снова увидел себя в одном из огромных залов Фабрики Времени.

Было бы здорово, если бы снова появился пришелец. Если б вступить в контакт! Где все-таки его база? Где его товарищи? Тоже знакомятся с Землей или остались на корабле?

Костя переступил с ноги на ногу. Как это он так быстро согласился увидеть в пришельце робота? Нет, Надя права, он бывает непоследовательным. Порой кидается от одного предположения к другому, даже не задумываясь, что это нехорошо. Вообще-то, может, Виктор правильно сделал, что не сказал правду? Какой смысл заранее поднимать шум?

— Слушай, Ибодат, ты никому еще не говорила об этом?

— Костя! — обиделась Ибодат.

— Не сердись, — сказал Костя. — Может случиться так, что мы больше не увидим пришельца. Представляешь, какая будет реакция? К Чарли до сих пор относятся с недоверием, а ведь он не обманул своих читателей. Написал правду.

— Ты уверен в этом?

— Я сам позавчера видел «летающую тарелку». Надя тоже видела.

Черные брови Ибодат сошлись у переносицы:

— Почему же ты ничего не сказала мне?

— Не успела.

— Это же важно, Надя! — воскликнула Ибодат.— Все коятся на

Чарли. Он ходит как в воду опущенный. Конечно, там,— кивнула Ибодат в сторону гор, синеющих вдали,— многие захлебываются от восторга, читая его статью, однако, он живет здесь, у нас...

Костя сказал осторожно, чтобы не обидеть Ибодат: она любила Чарли:

— Он молод, вот и увлекся. Я, например, тоже не верю, что его пыталась заманить в «летающую тарелку» энлонавтка. Нужно было продать статью, он и выдумал этот эпизод. Вообще-то здорово получилось!

Ибодат фыркнула:

— Выдумали! Почему? Чарли не такой! Павел Михайлович сказал сегодня утром: «Я бы ни одного дня не держал здесь этого человека, если бы заподозрил его в неискренности». Понял? Это раньше журналисты, побывавшие у нас, писали разную чепуху. Сейчас другое время. Помнишь супругов Хилли, которых заманили в «летающую тарелку»? Они пробыли в ней несколько дней и запомнили карту неведомого звездного неба. Впоследствии астрономы установили, что это небо видно с планеты, находящейся в созвездии Сетки. Вот!

Костя не успел что-либо сказать — опередила Надя:

— Откуда у тебя эти сведения?

— Чарли давал мне книги Берже и Олдрина об НЛО.

— Ясно,— сказала Надя.— Ты сообщила ему о пришельце?

— Нет.

— Я прошу тебя: ничего пока не говори. Если опишет это в новой статье, представляешь, какой шум поднимется!

— Ты не знаешь Чарли!

— Костя уже сказал: он журналист. Сейчас внимание многих людей приковано к нашей экспедиции. Сможет ли он удержаться и не сообщить обо всем в газету?

— Я попрошу его!— упрямо проговорила Ибодат.

— Ладно, как хочешь,— рассердилась Надя.— Ты взрослый человек, тебе и ответ держать. Я считаю, что мы пока не имеем права говорить об этом.

— Подумаешь!— фыркнула Ибодат.

Костя не вмешивался в разговор. Он считал, что права Надя, Виктор тоже...

Вообще-то, этот пришелец походил на робота. Неужели в далеком будущем люди Земли тоже станут такими? На его лице не отражались ни мысли, ни чувства. Оно было непроницаемо, как маска.

Тетрадь вторая

Космическая станция

Начальник участка Расул Гафуров подошел к вездеходу, как только из него вышли Виктор и Павел. Это был высокий, сухощавый мужчина. Он по-восточному приложил руки к груди, слегка склонив круглую бритую голову.

— Здравствуйте! Я звонил вам. Ответили: никого нет. Думал, что не приедете. До сих пор не могу прийти в себя... Пойдемте, пожалуйста!

— Случилось что-нибудь?

— Случилось, дорогой Павел Михайлович, ой, случилось!— воскликнул Расул.— Виктор Сергеевич, у вас все в порядке? Время летит-бежит? Намаетесь вы с ним, клянусь аллахом... Константин Алексеев-

вич, с Шивой-Буддой встречаешься? Тебе обязательно нужно посмотреть это!

— Спасибо, Расул Хашимович! — Костя заглушил мотор и, закрыв дверцы вездехода, направился за Расулом.

Павел и Виктор задержались. Они смотрели на белую продолговатую полусферу, висевшую над развалинами.

— НЛО? — спросил Виктор.

— Перестаньте, Виктор Сергеевич. Откуда у вас это мальчишество? Честное слово, я не понимаю вас!

— Что же это?

— Обыкновенное облако!

— Такое правильное? Вы присмотритесь: оно не движется!

Павел не успел ответить — позвал Расул.

— Что вы там потеряли? Идите скорее сюда!

— Идем, — сказал Виктор. Он еще раз взглянул на полусферу и, взяв Павла под руку, направился к карьеру. — А... это что?

В центре карьера возвышался гигантский ребристый столб.

— Взрывали скалу, помните, здесь стояла? Вот, из-под нее! — Круглое лицо Расула так и расплылось в счастливой улыбке. — Это... Нет, не решаюсь сказать, Виктор Сергеевич! Скажите вы!

Виктор приблизился к столбу, потрогал рукой, оглядел снизу доверху, отошел в сторону и замер. Загадочный столб, судя по всему, озадачил его.

— Что? — насторожился Павел.

— Не знаю. Возможно, это осколок породы. Видите? Ни одного шва.

— Такой правильный? — Павел смущенно улыбнулся. — Нет, Виктор Сергеевич, здесь что-то другое.

Расул удивленно произнес:

— Разве вы не знаете, что это? — Он посмотрел на небо. — Не надо быть пророком. Все ясно, а, Костя? Это посланец звезд.

Костя промолчал.

Павел неуверенно проговорил:

— Пожалуй, вы правы, Расул Хашимович.

— Прав, Павел Михайлович, ой, как прав!

— Чем взрывали скалу?

— Динамитом.

— Ни одной царапины! — Павел еще раз оглядел столб. — Вы считаете, что это корабль?

Расул ответил так, словно присутствовал при постройке этого гиганта и знал о нем абсолютно все:

— Да!

— Гм... Ну, что ж, посмотрим. Очистите его от земли и попытайтесь вытащить на поверхность, — распорядился Павел. — Только, пожалуйста, будьте осторожны.

— Хорошо, Павел Михайлович.

— Виктор Сергеевич, вы что-нибудь скажете?

— Нет, Павел Михайлович, пока воздержусь. Вы начальник экспедиции, вам, как говорится, и карты в руки. Дерзайте!

— Однако и вы не рядовой член экспедиции, директор Фабрики Времени! — сказал Павел. На его губах дрожала улыбка, в глазах же стыли холодноватые огоньки. — Итак?

— Я все-таки воздержусь, Павел Михайлович.

— Константин Алексеевич, возможно, ты что-нибудь скажешь?

Костя пожал плечами.

— По-моему, Расул Хашимович прав: этот столб оттуда. — Он посмотрел на небо и, задержав взгляд на легких перистых облаках, снова пожал плечами. — Откуда же еще он может быть?

В эту ночь Костя лег в первом часу, однако не уснул. Вскоре начало светать, и вокруг разлилось мягкое сумрачное свечение.

Костя быстро оделся и выскочил из палатки. На главной аллее несколько человек разговаривали, с недоумением поглядывая по сторонам. Среди них уже были и Павел, и Виктор. Чарли то и дело крутил головой.

— Костя, иди к нам! — позвала Надя. — Ты понимаешь что-нибудь?

Того, что происходило сейчас, люди еще не видели. Об этом не рассказывали летописцы древности...

Свет был повсюду. Его источник будто бы висел над землей, причем, за ним была... тьма. Все, как ни странно, видели звезды и Луну. Луну, казалось, можно было потрогать руками. На ней четко проступали «горы» и «моря». Звезды тоже, казалось, стали ближе.

— Павел Михайлович, вас вызывает к видеотелефону Расул Хашимович! — нарушила тишину Ибодат.

Она, по-видимому, только что проснулась: была в темном халатике, с тапочками в руках. Ее черные длинные волосы были распущены и лились на плечи и спину тугими волнами.

Павел возвратился через несколько минут с Аскадом, который возглавлял Малую Лабораторию, контролирующую режим Фабрики Времени.

— Заводи, голубчик, машину, поедем, — обратился Павел к Косте.

— Слушаюсь, — по-военному козырнул Костя, направляясь к гаражу.

— Только побыстрее, пожалуйста!

— Хорошо, Павел Михайлович!

За городком Костя невольно сбавил скорость. Нет, он ничего не боялся. Его поразило то, что нигде не было видно тени. Словно свет лился со всех сторон. Костя огляделся, надеясь найти его источник, однако ничего не увидел.

— Странно! — растерянно проговорил Павел.

— Неужели прилетели? — почему-то шепотом спросил Аскад.

— Прилетели, Аскад Азимович. Сейчас встретимся. Приготовьте видеотелефон, — насмешливо бросил Виктор.

— Вам что-нибудь известно? — серьезно спросил Аскад.

— Ну, а как же! Только что получил светограмму. «Встречайте в четыре ноль-ноль местного времени. Командир Го. Марс».

— Удивительно, как вы можете шутить сейчас, — вздохнул Аскад.

— Не волнуйтесь, товарищи, все узнаете на месте, — сказал Павел.

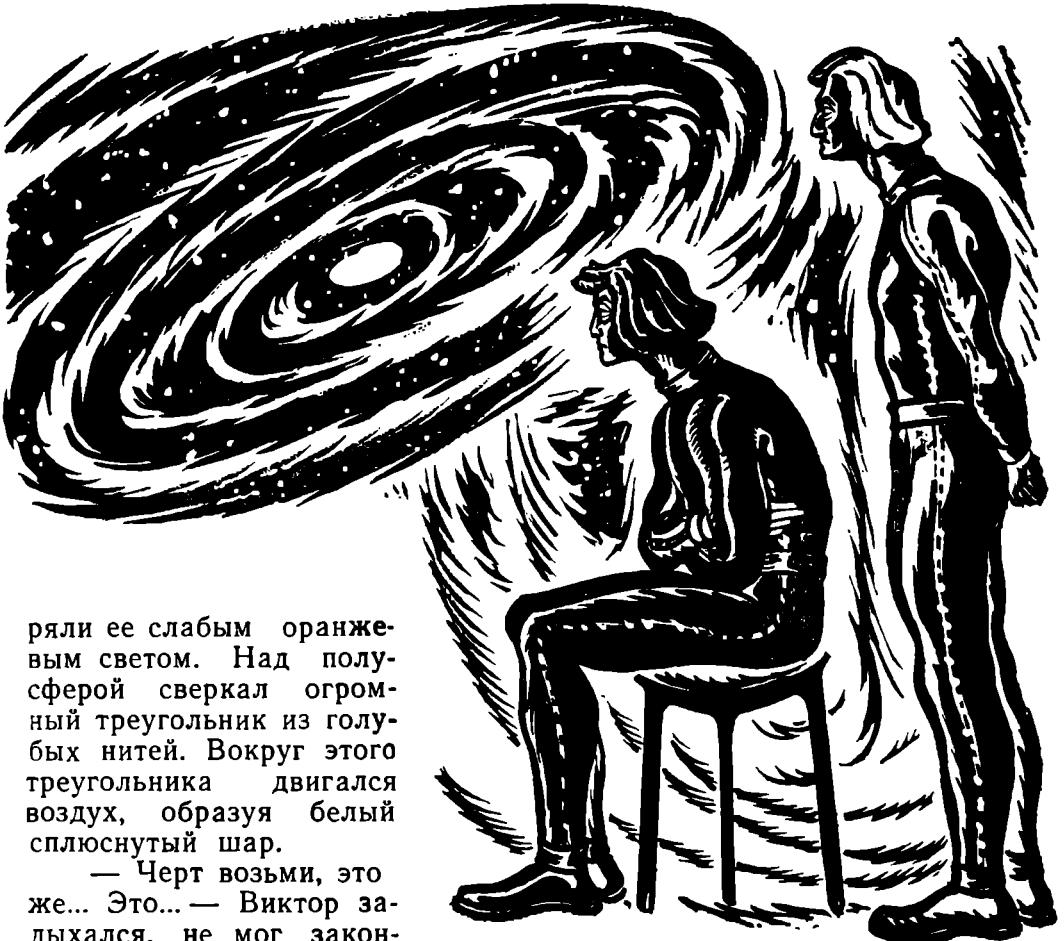
Чем ближе подъезжал вездеход к району, где был найден «столб», тем светлее становилось вокруг. При этом были видны корни растений и живые организмы, прячущиеся в песке. Возвышенности и впадины, казалось, исчезли. Кругом расстилалась такая гладкая равнина, что Костя неоднократно пытался включить высшую скорость.

Наконец, все увидели то, что подняло лагерь на ноги, — электростанцию, которая излучала вокруг спокойный непрерывный свет. Костя сразу узнал ее — это был «столб». Он стоял на небольшой возвышенности. На эту возвышенность его перенесли три дня назад мощные вертолеты.

— Вот вам и корабль, — тихо произнес Виктор.

— Видите, какая свеча! — подошел Расул. — Здравствуйте! Я до сих пор глазам не верю. Пойдемте, пойдемте, мы проверяли: вредных излучений нет. Напротив, всякая тварь так и норовит прилизаться сюда, словно ее тянет неведомая приманка.

Это была сложно устроенная станция. От нее, как лучи, отходили в стороны три длинных желоба с массивными перекрытиями на концах. Ее основание переплетали тонкие желтоватые трубы. Они, казалось, двигались снизу вверх и, упираясь в серебристую полусферу, оза-

ряли ее слабым оранжевым светом. Над полу-
сферой сверкал огромный треугольник из голубых нитей. Вокруг этого треугольника двигался воздух, образуя белый сплюснутый шар.

— Черт возьми, это же... Это... — Виктор задыхался, не мог закончить мысль.

— Я ошибся... Хорошо,— снова заволновался Расул.— Зачем нам корабль? Сами построим. Тут совершенство. Павел Михайлович, скажите. Я боюсь еще раз ошибиться.

— Я тоже не могу сразу определить, что это такое,— задумался Павел. Он побледнел, стоял, вытянувшись, тиская в руках тюбетейку.— По-моему, тут и радиотелескоп, и еще что-то... Астротелепередатчик! Видите, в боковых зеркалах еле уловимые косые трещины?

— Да...— прошептал Аскад.

Виктор уже оправился от удивления и ходил вокруг «столба». Судя по всему, его сейчас ничем нельзя было отвлечь от неведомого пришельца.

Впрочем, все были в плену у этого феномена. Даже те, кого вообще не интересовал космос. Костя чувствовал себя так, словно открыл новый всемирный закон, который дарил людям неограниченные возможности во всех концах вселенной.

— Как вам удалось распеленать этого красавца?— обратился Виктор к Расулу.

— Это не мы. Наверно, оттуда кто-то,— взглянул Расул на небо.— Я проснулся, думал, что рассвело...

— Оттуда? Может быть. Впрочем...— Виктор снова заходил вокруг «столба».

— Что — впрочем?— нетерпеливо спросил Расул.

Виктор не ответил Расулу, напротив, сам задал ему вопрос:

— Расул Хашимович, когда вы закончили работы около этого... радиотелескопа?— Виктор помедлил секунду-другую, прежде чем назвать «столб» этим новым именем.

— Вечером. Часов в шесть,— торопливо ответил Расул.

— В это же время вы прекратили работу в карьере?

— Да.

— Больше вы не заводили машин?

— Н-нет.

Виктор повернулся к Павлу:

— Разрешите — один небольшой эксперимент?

Павел молча кивнул головой.

— Костя, пойдем!

Они сели в ведомый, Виктор сказал:

— Жми на «столб». Остановишься у подножия возвышенности.

Рядом с желобами. Только без фокусов, пожалуйста! Можем оказаться в капкане. Понял?

— Ясно!

Эксперимент дал нулевой результат. «Столб» не подавал признаков жизни.

— Так, так. Великолепно.— Виктор вышел из ведомого, взял лопату, лежащую неподалеку, бросил на «столб» песок.

Все так и ахнули: ни одна песчинка не коснулась «столба». Песок был отброшен неизвестной силой.

— Отлично! Павел Михайлович, разрешите еще один опыт... Костя, — позвал Виктор, едва начальник экспедиции снова кивнул,— залезай в экскаватор. Подожди, голову свернешь! Выслушай сначала. Нет, не нужно. Расул Хашимович, где экскаваторщик?

Вокруг уже собирались рабочие. Экскаваторщик, молодой приземистый парень, подошел сразу, как только Расул позвал его.

— Это ты, Цай? — Виктор пожал его руку. — Послушай, сможешь высыпать ковш породы на «голову» этого небесного великана?

Экскаваторщик оглядел неземное «чудо», затем перевел взгляд на стрелу экскаватора.

— Смогу.

— Действуй! Не спеши: сыпь породу равномерно, не всю сразу. Договорились? Стой, стой! — закричал Виктор, едва ковш, наполненный землей, начал подниматься вверх.— Посмотрите, посмотрите!

Свет, идущий от «столба», начал гаснуть. Через некоторое время из-за горизонта показалось солнце. Люди невольно потянулись к нему, почувствовав неожиданно связь между ним и «столбом».

— Удивительно! — восхищенно произнес Цай.

— Да, — согласился Виктор.

Свет погас, как только лучи солнца коснулись «желобов». Все снова притихли, пораженные новым видом «столба». Он стал светло-желтым и почти сливался с местностью.

— Энергия. Энергия... Что, если... Может быть... Конечно! Трубки. Генераторы?.. Цай! — позвал Виктор. — Действуй!

Экскаваторщик поднял ковш, установил над «столбом» и начал сыпать землю. Произошло то же, что и с песком: земля словно попадала под струю невидимого вентилятора, разлетаясь далеко в стороны.

— Превосходно! — засиял Виктор.— Теперь подними ковш выше и опусти на чашу...

— Виктор Сергеевич, что вы! — проговорил Расул.

— Ничего... Цай, ты понял меня? Только смотри: рассчитай так, чтобы ковш остановился у самой чаши!

— Постойте... Товарищ Цай, идите сюда! — Павел подождал, пока экскаваторщик оставит машину.— Не спешите, Виктор Сергеевич. Я понял. Думаете, что на этот раз пришелец станет таким же, каким мы видели его неделю назад, наденет свою одежду? — он указал на «желоба». — Со временем, пожалуй, проведем такой эксперимент, сейчас же не имеем права рисковать. Кто знает, какая сила заключена в этой уст-

новке? Возможно, она и ковш отбросит так же свободно! Понимаете, к чему это приведет?

— Кажется, я увлекся,— сознался Виктор.

— Сделаем так: вы поедете со мной в лагерь. Ваша работа необходима Земле сегодня. Аскад Азимович, вы останетесь здесь.— Павел посмотрел на начальника Малой Лаборатории.— Попробуйте раскусить этот орешек. От рискованных экспериментов воздержитесь. Кстати, посоветуйте биохимикам работать в ночное время. Свет этого «столба» поможет им увидеть то, о чём они, вероятно, и не догадываются.

— Хорошо, Павел Михайлович,— голос у Аскада дрогнул. Он, очевидно, гордился таким доверием.

— Расул Хашимович, вы отвечаете за порядок. Оградите Аскада Азимовича от праздного любопытства.

— Огражу, Павел Михайлович!— отозвался Расул.

— Желаю успеха,— Павел приложил руку к головному убору и, задержав взгляд на Космической Станции, обратился к Косте:— Вы можете управлять своим конем, голубчик? Поедемте!

На следующее утро вездеход снова мчался к Космической Станции, как теперь стали называть «столб». Расул сообщил, что астротелевизор заработал.

— Мистер Горский, что это такое?— неожиданно всполошился Чарли.

— Да?— поднял голову Павел. Он сидел в машине, задумавшись, не обращая внимания на примелькавшийся пейзаж.

— Понимаете, сейчас... Вот-вот, прямо! Смотрите, смотрите! Что это такое? Видите?— указал вперед Чарли.

За стеклом вездехода справа и слева засверкали звезды. Костя подумал, что началось солнечное затмение, стал искать Большую Медведицу...

Это было не земное небо.

Внезапно стало темно. Все оказались в какой-то конусообразной кабине, сделанной из прозрачного материала. Костя почувствовал, что поднимается и летит. Звезды были повсюду, словно он очутился внутри неведомого скопления. Откуда-то издалека донеслась успокаивающая мелодичная музыка.

Удивительно было то, что видения и музыка, казалось, сливались с земной жизнью,— с пейзажем пустыни, с голосами птиц и животных, словно вокруг был прозрачный занавес, сотканный из длинных светлых полос, который разделял два непохожих друг на друга мира.

— Мистер Горский, что же это?— прозвучал со всех сторон сразу хриплый голос Чарли.

— Паника никогда не делала чести ни людям, ни... другим обитателям Земли,— резко бросил Виктор.

Это вывело всех из оцепенения. Костя огляделся, не находя уже ничего сверхъестественного в том, что видел.

Теперь снова небо было земное, вокруг — знакомая пустыня. Костя сидел за рулем вездехода. Так же, змейкой, вилась лента дороги. Лишь вокруг, на небольшом расстоянии от вездехода, по-прежнему искрились чужие звезды. Они уже не дрожали в воздухе, как казалось до этого. Они виднелись на занавесе, ставшем более четким и не таким прозрачным.

— Это же!.. Павел Михайлович?!

— Ты хотел что-то сказать?— повернулся Виктор к Чарли.

— Не решаюсь. Нет-нет, молчу,— прошептал Чарли.

— Я, пожалуй, тоже помолчу,— хрипло проговорил Павел.

— Костя, вперед!— скомандовал Виктор.

У Кости хватило мужества довести вездеход до следующего бархана, когда снова стало темно. Вместо салона вездехода была конусообразная кабина, снова со всех сторон его окружали звезды, он, казалось, летел в пустоте...

— Костя, вперед!

Виктору пришлось повторить команду. Костя не на шутку перетрусили, представив на миг, что произойдет с машиной и людьми, если он включит скорость,—ощущение полета и необъятного простора было таким сильным, что разум отказывался верить в действительность.

— Возможно, подождем?— не узнал Костя свой голос.

— Не трусь, старик! Видишь, дорога?

Костя присмотрелся. В самом деле, была дорога, была и пустыня, только все это казалось призрачным, далеким. Костя снова повел вездеход. Ощущение полета исчезло. Отступили куда-то и звезды. Слева побежала тень вездехода.

Около Космической Станции Костя вышел из машины и неожиданно почувствовал, что в него входит житель неведомого мира, познавший сущность пространства и времени, заглянувший в неведомые дали микромира и мегамира.

Вот как это началось.

Тетрадь третья

Идущие сквозь время

Олт прильнул к иллюминатору галактелета. Взгляд утонул в бездонной пропасти с несколькими яркими точками. Где-то далеко-далеко слабо светилось расплывчатое пятно, похожее на спираль.

...Неужели мы долетим туда? Какие миры предстанут перед нами в этой невообразимой дали? Найдем ли мы себе подобных? Рорел верит: найдем! Собственно, верю и я, верят и мои товарищи. Что, все-таки, пугает меня? Эта даль?

Олт зябко поежился. Не следовало отправляться в этот рейс. Разве плохо было на родной Кирче? Сколько света и тепла дарила она своим сынам и дочерям! Он сейчас отдал бы все, если бы снова попал туда.

Позади послышались шаги. Олт оглянулся. Вошел капитан галактелета Рорел, заметил:

— В иллюминаторе плохо виден космос, Олт. Убери цвет.

Олт выполнил просьбу. Передняя часть галактелета начала постепенно терять цвет и слилась с космосом. В корабль, казалось, вошла вечность. Олт снова зябко поежился. Ему чудилось, что с исчезновением цвета исчез и сам корабль, и предметы повисли в пустоте.

— Какое удивительное зрелище!— восхищенно произнес Рорел.

— Да,—тихо отозвался Олт.

На этот раз он не кривил душой. Открывшийся космос действительно был великолепен. Особенno привлекала спираль, застывшая впереди. Казалось, что она хотела поспорить с самим Мацлроем!

Люди Кирчи называли спираль Олриазиром. Они летели к ней, надеясь найти на ее мириах Разум. Это был Великий Путь, проходивший через пустынные пропасти пространства. Он должен связать два Звездных Колосса.

— Через три круга мы войдем в Олриазир,— сказал Рорел.

Олт закрыл глаза—он понимал, что скрывалось под словом «войдем». Когда галактелет окажется внутри Олриазира, потребуется еще

много времени, прежде чем они отыщут звезду, такую, как Мацлрой, с планетами, похожими на Кирчу. Возможно, на это уйдет даже больше времени, чем на перелет из Большого Мира в Олриазир. Сейчас они летели с субсветовой скоростью, там же, внутри Олриазира, все изменится — скорость придется уменьшить. Это значит, что время снова станет полновластным хозяином экипажа.

— Ты согласишься, Рорел, лечь в анабиоз, когда мы окажемся внутри Олриазира? — Олт подошел к пульту управления, опустился в кресло, которое постепенно превратилось в легкую ажурную качалку.

— Мы еще не знаем, каков этот мир, — задумчиво отозвался Рорел.

— Материя едина. Я уверен: Олриазир похож на Большой Мир. В каюту вошли врач Ора, палеонтолог Ри, астрофизик Мира.

— Любуетесь? — весело поинтересовалась Ора. Она повторила вопрос, который только что задал Олту Рорел, однако в ее голосе было столько бодрости, что Олт позабыл о всех треволнениях.

— Мечтаем, Ора, — сказал он, глядя в ее зеленоватые глаза.

— Мы не помешаем?

— Что ты, Ора!

— Рорел, я только что был в квантовой лаборатории, — сказал Ри. — Люди Рода добились огромных успехов.

— Нет, Ри, они еще мало сделали. Я ожидал большего.

— Ты всегда недоволен чем-нибудь, Рорел, — Мира встала на защиту работников квантовой лаборатории. — Они научились превращать материю в фотоны. Это великое открытие. Ты должен отметить это.

— Это лишь путь к великому открытию, — поправил Рорел. — Надо научиться превращать фотоны в материю, то есть восстанавливать разложившийся на фотоны предмет.

— Догадываетесь, что будет, если мы сделаем это? — восхищенно воскликнул Олт. — Мы сможем попасть на любую планету, не прибегая к помощи ракет!

— Разве это интересно? — прищурилась Ора.

— Конечно. Не придется гадать, сбьют мою ракетуaborигены или нет. Я смогу сразу, как говорится, без пересадки, оказаться во дворце какого-нибудь местного правителя, к которому вход смертным категорически запрещается. Догадываешься, какой шум поднимется? Меня примут за бога!

— Чудак, — Рорел потрогал виски, слегка скривил губы.

— Почему — чудак? — раздался позади громкий бас.

Это сказал начальник квантовой лаборатории Род. Он стоял у входа с начальником лаборатории роботов. Разговаривая, астронавты не заметили, как они вошли в каюту.

— Ты согласен с Олтом? — обратился к Роду капитан.

— Согласен... Только на планету, которая нам встретится, мы пошлем одного из выпускников Парта. Олт останется с нами, — Род прошел вперед. — Мне жаль Ору: она может умереть без него. Вдруг он не возвратится к нам, очутившись в окружении красавиц планеты!

— Род, как тебе не стыдно! — вспыхнула Ора.

— Не сердись, пожалуйста, — улыбнулся Род.

Олт был недоволен тем, что Род собирался послать на чужую планету выпускников Парта: так называли роботов, создаваемых в лаборатории Парта. Олт считал, что открывать неизвестное должен человек!

— Мы не можем рисковать, — сказал Парта. — Разве ты позабыл, Олт, зачем послала нас Кирча к Олриазиру? Мы должны найти себе подобных и установить с ними контакт.

В голосе Рорела прозвучала гордость. Это почувствовали все, и никто больше не проронил ни слова.

Астронавты смотрели на раскрывшуюся впереди бездну, любуясь немыслимо далекими мирами.

В такой же бездне позади затерялась планета, на которой они родились. Никто из свидетелей старта их галактелеата к Олриазиру не встретит астронавтов, когда они возвратятся домой. Это путешествие будет продолжаться двести тысяч кругов.

Какие тайны откроет вселенная? Сильно ли изменится за это время Кирча? Куда еще устремятся ее беспокойные преобразователи? Полетят к другим Звездным Островам, разбросанным вокруг Большого Мира?

Астронавты знали: они возвратятся на Кирчу почти такими же, хотя на ней сменится не одно поколение. Это пугало их и радовало — хотелось победить Время, взглянуть в невероятно далекое будущее планеты...

— Восстанови цвет, Олт,— попросил Рорел.

Олт нажал кнопку, что краснела слева, на продолговатом щите. Тотчас позади вспыхнул ровный голубой свет, впереди появилась стена.

— Ора, проследи, чтобы завтра свободные от вахты астронавты легли в анабиоз,— сказал Рорел.

— Хорошо,— приподнялась Ора.

— Мира, проверь, пожалуйста, световые пушки,— перевел взгляд Рорел на астрофизика. Он помедлил немного, прежде чем дать это задание.— Обрати особое внимание на пушки Альфа-Один и Вега-Два. Можешь вступить в контакт с Кибом.

— Спасибо.— Мира слегка склонила голову, не зная, как отнеслись к разрешению капитана. Обычно он сам разговаривал с кибермозгом галактелеата, владеющим обширнейшей информацией о жизни звезд.

Рорел вступил в зону связи:

— Олт! Ора! Парт! Род! Примите вахту!

— Есть, капитан!— ответил за всех Род.

Мира посоветовала:

— Тебе бы тоже отдохнуть, Рорел.

Рорел вышел из зоны связи:

— Я сын космоса, Мира.

Астронавты, находящиеся в каюте, не упрекнули Рорела. Они знали — он не согласился лечь в анабиоз. Люди Кирчи доверили ему великое дело. Он поклялся проложить Путь к Звездному Острову, прымкавшему к Большому Миру, если даже на этом Пути встанут все силы вселенной.

Мира, по-видимому, хотела еще что-то сказать, однако не решилась, постояла посередине каюты и неторопливо пошла к выходу...

Они снова были перед невидимой стеной галактелеата.

Только теперь впереди, словно водопад, лился широкий звездный поток, окруженный крупными немигающими точками.

Особенно бросалась в глаза одна точка — яркая, почти белая, она, казалось, летела навстречу кораблю.

— Вот мы и в Олриазире,— сказал Рорел.

— Виден ли отсюда Большой Мир?— поинтересовалась Ора.

— Посмотри.

Рорел нажал кнопку, темневшую под пультом управления,— тотчас исчезли три другие стены каюты и космос открылся со всех сторон: по-прежнему безмолвный и таинственный.

— Во-он там наша Кирча,— указал Рорел на полукруглое свечение, застывшее позади корабля.— Отсюда до нее свет идет сто тысяч кругов.

— Кирча,— прошептала Ора. На ее глаза навернулись слезы.— Увидим ли мы тебя снова? Какая ты теперь?

— Красивая,— сказал Ри.

— Только бы ничего не случилось с ней!

Рорел строго посмотрел на Ору:

— Ора, печаль не к лицу Покорителям Космоса. Ты прилетела в Олриазир, чтобы найти себе подобных и установить с ними контакт. Это великая миссия, Ора!

Рорел сам скучал по Кирче, однако не хотел, чтобы экипаж знал об этом. Он старался выглядеть таким, каким его видели в момент старта.

Основания для печали были — космос велик и не познан до конца, он в любое время мог поставить перед галактетом какую-нибудь ловушку, вроде черной дыры. Попробуй, выйди из нее!

— Мира, у тебя готовы данные об этой олриазирской красавице? — желая избавиться от навязчивых мыслей, Рорел указал на плывущую впереди яркую звезду.

— Готовы, капитан!

— Сколько у нее планет?

— Четыре.

— Обследуем все? — Рорел посмотрел на астронавтов.

— Что там? — улыбнулся Ри. Ему, как и другим астронавтам, хотелось скорее окунуться в мир чужой звезды.

Экраны Сближения показали, что жизнь была на всех четырех планетах. На внутренних, расположенных ближе к звезде, обнаруживались следы Разума.

Решили сначала побывать на второй от звезды планете, которая по величине и массе походила на Кирчу.

— Что там? — опять спросил Ри.

— Там? О, Ри! — не нашел слов Олт.

Корабль летел к звезде, ослепительно сверкавшей на внешнем рукаве Олриазира. Астронавты не могли оторвать глаз от Экранов Сближения, светящихся слабым голубоватым светом.

— Входим в сферу влияния звезды, — доложил диспетчер. — Включаю тормозные двигатели.

Олт вскочил с кресла и забегал по каюте.

— Планеты! — воскликнул Ри.

— Спутники! Спутники! — захлопала в ладоши Ора.

Олт подбежал к Оре.

— Спутники? Искусственные? Где?

— Смотри!

Система была великолепна. Каким стройным казался мир планет и спутников! Не верилось, что природа создала это сама. Впрочем, возможно, в Олриазире подобные системы были закономерным явлением.

— Если там есть Разум, то похож ли он на нас? — задумчиво спросил Олт.

— Нет, — ответил Ри.

— Откуда у тебя эта уверенность? — спросил Рорел.

— Не знаю...

Капитан прошелся по каюте. Он тоже не знал, что ответить на вопросы, которые задавала Система. Ему казалось, что кто-то осторожно завладевал кораблем. Неясные видения то и дело появлялись перед ним...

— Мы стоим? — голос Олта прозвучал резко, словно он чего-то испугался. Ора и Мира разом повернулись к нему.

— Сядь! — улыбнулся Ри.

— Ты не понял меня! — вскрикнул Олт. — Мы не приближаемся к Системе. Смотри!

Ри не успел ответить на этот раз Олту — опередил диспетчер:

— Сфера влияния звезды исчезла.

— То есть? — Олт так и застыл с раскрытым ртом. Как может исчезнуть сфера влияния звезды?

Рорел подошел к пульту управления. Постояв некоторое время около него, вступил в зону Киба.

— Проверь, прав ли диспетчер?

Мгновение в каюте было тихо. Киб сверял полученные данные.

— Прав.

— Что ты думаешь?

— Это первый случай в моей практике.

Рорел разговаривал с Кибом, как с живым существом, не задумываясь над тем, что сам принимал участие в его создании.

Впрочем, не только Рорел был на «ты» с Кибом — все астронавты считали его членом экипажа галактелеета и при случае вступали с ним в разговор. Правда, проблемы, возникающие в пути, разрешал с ним только Рорел.

— Подумай.

— Хорошо, капитан.

Тишину, наступившую после разговора Рорела с Кибом, нарушила Ора. Она проговорила печальным голосом, глядя на Систему, застывшую на Экране Сближения.

— Наверно, нас не хотят принять.

— Почему? — быстро повернулся к ней Олт. Он хотел спросить: «Кто?», однако не спросил, словно неожиданно понял, что нет смысла задавать вопрос, и так было ясно, кто не хотел принять.

Ора пожала плечами:

— Не знаю, Олт. Может, нас боятся? Или считают, что нам нечего делать здесь? Или еще что-нибудь?

Олт промолчал.

— Система уходит! — заметил Ри.

— Естественно, мы же стоим, — сказал Рорел. Он оглядел астронавтов так, словно спросил: «Что будем делать дальше?», — снова послал вызов Кибу: — Ты определил скорость Системы?

— Тысячу единиц в секунду, — ответил Киб.

— Значит, Система покидает Олриазир?

— Да.

— Это воля Разума?

— Да.

Астронавтам показалось, что Киб вздохнул. Рорел помедлил немного и включил двигатели. Галактелеет пошел за Системой и, поравнявшись с ней, казалось, снова повис над ее мирами.

— Ты хочешь войти в нее?

— Разве вы не хотите этого?

Рорел задержал взгляд на Олте, снова помедлил немного и направил галактелеет в центр Системы. Корабль начал медленно приближаться к ней. Однако это продолжалось недолго...

— Может, под нами гравитационный барьер? — сказала Мира.

— Род, отправь в Систему зонд, — попросил Рорел.

От галактелеета отделилась конусообразная ракета. Она быстро набрала скорость и устремилась к Системе.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул Парт.

Олт тихо пропел:

— Только сильных грозный космос признает!

— Не рано ли ты радуешься, Олт? — прищурилась Ора.

Она произнесла эту фразу легко, не придавая ей особого значения, между тем, фраза стала пророческой — с ракетой что-то произошло. Она внезапно замерла и, продержавшись немного на одном месте, повернулась к галактелеету.

— Что же это? — снова не выдержал Олт.

На этот раз никто не ответил. В каюте воцарилась долгая тишина. Правда, теперь она была какой-то иной — чудилось, что в ней таились неведомые звуки...

— Капитан, разреши послать в Систему выпускника, — попросил Парт.

— Ты уверен в нем? — Рорел тяжело поднял голову. Он знал, что Парт со своими людьми добился нового успеха: сделал установку, которая восстанавливала предмет, расщепленный на фотоны.

— Уверен, капитан.

— Где он?

— Сейчас позову.

Выпускник появился, едва Парт прикоснулся к пластинке небольшого параллелепипеда, висевшего у него на плече.

— Тото, мы решили послать тебя в Систему, — сказал Парт.

— Я готов! — вытянулся выпускник. В нем ничто не выдавало робота. Он был точной копией Парта.

— Узнай все, что можешь. В контакт с Разумом не вступай. Действуй так, чтобы тебя не обнаружили. Не забывай: ты представитель Кирчи!

— Я понял.

... Через некоторое время из квантовой лаборатории вырвался яркий луч. Тотчас около планеты, на которую был направлен выпускник, вспыхнуло ослепительно желтое пламя. Астронавты невольно подались к Рорелу, застывшему у Экрана Сближения.

— Что случилось? — спросил Олт.

Рорел пожал плечами.

Ясно было пока одно — выпускник погиб, не долетев до планеты. По-видимому, установка Парта еще имела дефекты, или на пути выпускника встали какие-то защитные силы Системы.

— Что нового?

Киб снова помедлил с ответом.

— Связываюсь с Разумом.

— Почему погиб выпускник?

— У него не было защиты от этого мира.

— Это враждебный мир?

— Нет.

— Антимир?

— Не уверен.

Рорел снова прошелся по каюте, остановился у Экрана Сближения, глядываясь в Систему, таинственно переливающуюся в бездонной глубине.

— Мы должны сами связаться с Разумом, — сказал Ри.

— Каким образом? — повернулась к палеонтологу Мира.

— Ты не знаешь? — Ри перевел взгляд на капитана, посмотрел на друзей, шагнул в зону Киба. — Я пойду в Систему!

Он обращался ко всем сразу — когда дело было связано с риском для жизни кого-нибудь из членов экипажа, единогласие теряло силу: так было решено перед отлетом с Кирчи.

В каюте снова воцарилась тишина, которая, казалось, длилась дольше, чем весь перелет с Большого Мира в Олриазир.

— Я против кандидатуры Ри, — сказал Род. — В Систему пойду я! Мне необходимо узнать причину гибели выпускника.

Теперь было две кандидатуры. Каждый должен был назвать одно имя.

Ора и Олт назвали имя Ри. Начальник квантовой лаборатории назвал Рода.

... Мире не хотелось отпускать Ри. Он был для нее не только това-

рищем по галактелету. Она не представляла, как будет жить, если с ним что-нибудь случится. Все же у нее не повернулся язык назвать имя Рода: он на галактелете был нужнее. Вздохнув, Мира сказала:

— Ри...

Таким было мнение большинства.

Астронавты не прощались — верили, что Ри возвратится. Никто не хотел думать, что Разум Системы был против этой встречи. Очевидно, что-то другое, может быть, неизвестное для самого Разума, отталкивало от Системы все, что прилетало из космоса. Ри должен был приоткрыть занавес, скрывающий от астронавтов тайну этого явления.

Не сумела на этот раз сдержаться Мира — когда палеонтолог направился к выходу, она бросилась к нему и долго стояла неподвижно, прислушиваясь к ровному стаку его сердца.

— Не беспокойся, Мира. Я вернусь!

— Да, Ри, — у нее не было сил сказать еще что-нибудь.

— До скорой встречи!

За ракетой, уносившей палеонтолога к притаившейся Системе, следил весь экипаж галактелета.

Сначала ракета стремительно полетела к Системе, легко преодолевая отталкивающие силы, затем стала терять скорость, прошла еще несколько единиц и внезапно исчезла.

Астронавты замерли. Неужели Ри, тот самый Ри, с которым они только что сидели рядом, навсегда ушел от них, ничего не сказав перед смертью? Да была ли это смерть? Может, что-то другое? Присущее только Олриазиру? Или только этой Системе?

— Что это было?

— Смерть.

Киб, как всегда, был сух и короток. Его не трогала смерть. Она была для него обычным явлением, распространенным в живом мире...

Смерть пришла неожиданно, пришла таинственно, из того мира, в котором люди пытались найти себе подобных, дарящих тепло и любовь фортостам Разума вселенной.

— Как это произошло, Киб?

— Это антимир.

Все-таки антимир!

Ученые Кирчи догадывались о существовании антимиров по элементарным частицам. Эти вечные путники вселенной предупреждали астронавтов перед уходом с Кирчи о возможности встречи с антимиром. Трудно было понять это, еще труднее стало теперь...

— Рорел, — позвал Олт. — Возможно, в Олриазире нет обычной материи?

— Если бы это было так, наш корабль давно бы аннигилировал. — Рорел внимательно оглядел притихших товарищей. — Световые пушки не смогли бы уничтожить антитело, попавшееся на его пути. Ты прекрасно знаешь это, Олт... Парт, что там?

Парт отошел от астробиолога, смущенно пожал плечами:

— Эта Система не принадлежит к Олриазиру. Боюсь, что она обречена. К этой мысли я пришел, сопоставив ее необыкновенную скорость с теми скоростями, которые присущи системам ближайших галактик.

— Не будь пессимистом, Парт. В ней есть Разум.

— Не знаю.

— Парт, что с тобой? — Брови Рорела сошлись у переносицы, под скулами напряглись тугие желваки. — Подтянись, Парт!

— Хорошо, капитан!

— Не можем ли мы помочь этому Разуму? — обратился к Рорелу Олт.

— Судя по всему, он не нуждается в нашей помощи,— не сразу ответил Рорел.— Парт, куда направляется Система?

— К Спиральному Миру CXIII—22222.

— Этот мир задал немало загадок ученым Кирчи. Его звезды в одно время потухали. К сожалению, никто так и не сказал, что это было. Нет ли чего-нибудь общего между ним и этой Системой?

Парт не успел ответить. Что-то помешало ему сделать это. Он повернулся к главному иллюминатору и замер, не в состоянии избавиться от рождавшейся в нем неясной муки.

Это чувство появилось и у его товарищей. Они тоже повернулись к главному иллюминатору и не спускали настороженных глаз с бездны.

Между тем в каюте начало темнеть. Бездна, казалось, прильнула к галактесету и, охватив его, устремилась в каюту, заглушая звуки, заполнившие ее. Это продолжалось долго. Наконец, привычный мир исчез, появилось что-то чужое, необъятное, как вселенная. Это был зов Разума.

— Вы слышите нас, люди Кирчи?

— Да!

Ответил Рорел. Он стоял посреди каюты, скрестив руки на груди, словно прикрыл сердце. Около него колыхались бледные световые блики, сгущаясь и рассеиваясь возле его головы, высвечивая порой то глаза, то губы.

— Не пытайтесь больше проникнуть в Систему. Это может погубить всех. Летите дальше. Если хотите встретить себе подобных, то измените курс на два градуса к центру галактики. Вас примут с радостью.

— Спасибо. Вы не хотите принять нас?

— Ваша суть слишком проста. Она не представляет для нас интереса. Мы принимаем равных.

— Почему вы убили нашего товарища?

— Мы не убиваем.

— Вы уходите из этой галактики? Что это? Неизбежность? Необходимость? Зов предков?

— Мы разведчики Мегапространства.

— Где ваш дом?

— В другой вселенной.

— Это далеко?

— Рядом.

— Вы имеете в виду параллельную вселенную?

— Да.

— Как вы попали к нам?

— Через белую дыру.

— Вы говорите о черной дыре? Разве через нее можно пройти? Это сколлапсованная звезда!

— Это брешь, позволяющая проникнуть к нам... Со временем вы овладеете ее тайной и побываете у нас. Мы думаем, вам не нужно напоминать, что наши вселенные имеют разные заряды?

— Нет... Вы летите к галактике CXIII—22222. Чем она привлекла вас?

— Это антигалактика. Вселенные периодически меняют заряды. Вы, наверно, заметили, галактика CXIII—22222 однажды стала невидима.

— Да.

— Она изменила заряд. Ваши астрономы, видимо, удивились, установив, что в ней исчезло красное смещение?

— Они решили, что эта галактика стала двигаться к центру вселенной.

— Так и случилось в действительности. Мы живем с вами в пульсирующих вселенных. Они временами превращаются в плотные замкнутые тела. Это уничтожает слабые цивилизации.

— О каких цивилизациях вы говорите?

— О цивилизациях, не познавших сущность пространства и времени. Вы относитесь к подобным цивилизациям.

— Значит, есть цивилизации, которые живут вечно?

— Да.

— Среди них и вы?

— Нет. Мы живем третий цикл. То есть третье сжатие. Около двухсот миллиардов кругов. Я имею в виду ваш счет.

— Встречались ли вы с цивилизациями, живущими вечно?

— Мы поддерживаем с ними постоянный контакт.

— Они знают о нашем существовании?

— Да.

— Они не хотят помочь нам?

— Вы должны сами обрести бессмертие. Иначе не сможете управлять пространством и временем. Мы думаем, что вы на правильном пути. Если сумеете до сжатия пройти этот путь, то окажетесь в кругу цивилизаций, обретших вечность.

— На что вы похожи?

— Мы не имеем постоянной формы.

- Какой элемент доминирует в вашей сути?
- Водород.
- Вас можно увидеть?
- Вы видите нас с первого мгновения своего существования.
- Значит, вы можете жить и в нашей вселенной?
- Вам этого не понять.

В каюте стало светлеть. Однако бездна еще ощущалась рядом. Она пристально вглядывалась в астронавтов, застывших у главного иллюминатора, манила к себе таинственным смешением красок.

Галактелец между тем набирал скорость. Антисистема уходила к размытому пятну, видневшемуся у Большого Мира. От нее, казалось, летели во все стороны зеленоватые искры, озаряя космос бледным колеблющимся светом.

У Инфры было две планеты. Они так же, как и звезды, сливались с Олриазиром. Их обнаружила Поисковая Станция, обеспеченная электронным преобразователем.

Сначала приблизились к внутренней планете. Отсюда Инфра казалась огромным красно-черным шаром.

— Когда-то она была такой же, как и Мацлрой,— глядя на Инфру, сказал Олт. — Может быть, на планетах в то время был Разум? Ты как думаешь, капитан?

За Рорела ответила Мира:

— Может быть, Олт.

— Род, приготовь к полету Тобола,— распорядился Рорел.

Это был второй выпускник Парта.

Следов Разума на планете не было. Она выглядела мертвой, хотя жизнь на ней существовала. Это была белая липкая растительность, которая покрывала большую часть поверхности, пряча в своих зарослях бедный животный мир.

— Я все-таки уверен, что на планете был Разум,— повторил Олт.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Парт.

Внешняя планета сразу настораживала: ее спутник оказался искусственным. Правда, признаков жизни на нем не было видно. Он плыл в космосе, мрачный, как Инфра, слегка поблескивая темно-красным светом. По бокам у него, на небольшом расстоянии друг от друга, виднелись четыре небольших шара.

— Смотрите, смотрите!— закричал Олт.

От спутника отделились два шара — один направился к звездолету, другой взял курс к планете.

— Вот тебе и Инфра!— ахнул от удивления Род. Он считал, что спутник с шарами был памятником давно погибшей цивилизации.

— Мира, объяви всем: к галактелецу приближается Разум,— дрогнувшим голосом попросил Рорел.

Однако астронавты сами покидали лаборатории, комнаты и направлялись в каюту к капитану.

Олриазир уже задал им загадку — не готовил ли загадку и этот Разум? Возможно, он был так же могуч, как и Разум Антисистемы? Возможно, для него так же не было преград в этом бесконечном мире?

Шар летел медленно. На него со спутника то и дело падал яркий свет. В такие периоды он вспыхивал ослепительным пламенем и гасил далеко вокруг себя звезды. Это было удивительное зрелище.

— Что несет нам неведомый посол? — не выдержал Олт.

— Помолчи,— попросила Мира.

Наконец шар остановился. Некоторое время он, как и спутник, светился темно-красным светом, затем стал голубым, как небо Кирчи. В нем появился четкий параллелепипед, который постепенно потерял

цвет. Перед астронавтами из тьмы появились жители Инфры, вызвав возгласы восхищения во всех помещениях галактелета.

Это были люди, самые обыкновенные люди, такие же, как и люди Кирчи, с хорошим крепким загаром на продолговатых лицах. Они стояли внутри шара и, взявшись за руки, приветливо и радостно улыбались.

— Мира, Мира, погляди вон на ту олриазирку, справа,— зашептал Олт, позабыв, что Мира только что просила его помолчать.— Она похожа на тебя, нет, честное слово, погляди!

Шепот Олта услышали все — по каюте, как ветер, пронесся гул удивления.

В шаре заметили это поразительное сходство и так же восхищенно заговорили о чем-то.

С этого мгновения и до конца встречи установился дружеский контакт жителей двух звездных миров.

Люди Кирчи были рады, что люди Инфры отнеслись к ним как к равным. Они подумали, что в будущем удастся объединить силы, чтобы пойти в вечность, утверждая на мирах вселенной равенство и единство.

— Друзья, просим вас посетить Илзу,— сказал по-кирчиански в следующее мгновение высокий сухощавый олриазирец, стоявший рядом с девушкой, похожей на Миру.

Астронавты заволновались. Откуда эти неведомые люди знали их язык? Может, бывали на Кирче? То, что Разум Антисистемы знал кирчианский язык, не удивило астронавтов, ибо это был Разум, понявший сущность Мегавселенной.

Люди Кирчи еще не бывали в Олриазире, это астронавты знали хорошо. Наверно, все-таки люди Инфры побывали в Большом Мире. Древние книги рассказывали об отважных людях Олриазира, прибывших некогда на Кирчу и построивших цивилизацию, которая существовала теперь.

— Мы не были у вас,— сказал олриазирец.— Я говорю с вами на языке своей планеты. Переводит лингвистическая биослужба.

— Вы умеете читать мысли?— слегка склонил голову Рорел.

— Разве вы не умеете?

— Относительно.

Олриазирец улыбнулся:

— Все в этом мире относительно. Позвольте представиться: Росс. Это мои коллеги: Ийя,— он указал на девушку, похожую на Миру, затем повернулся к мужчине и женщине.— Моор, Ильва.

Рорел представил астронавтов.

Тотчас между шаром и галактелетом возник узкий тоннель.

— Пожалуйста,— Росс склонил большую голову. Он, по всей вероятности, был старшим на шаре.— Проходите.

Рорел посмотрел на начальника лаборатории роботов, который не спускал глаз с шара, и сказал как можно спокойнее:

— Парт, ты ничего не будешь иметь против, если Тобол и Лира первыми отправятся в гости к олриазирцам?

Он не хотел посыпать на незнакомую планету астронавтов, не убедившись окончательно в дружеском расположении илзян.

Парт понял:

— Хорошо.

Однако олриазирцы разоблачили Рорела. Росс, по-прежнему тепло улыбаясь, сказал капитану:

— Ты напрасно беспокоишься за своих людей. Если бы мы хотели уничтожить вас, то сделали бы это, не покидая планеты.

Рорел смущенно ответил:

— Прости, Росс. Я не мог поступить иначе.

— Я понимаю тебя... Ийя,— обратился Росс к девушке,— прини-

май гостей. Я надеюсь, что это не затруднит тебя?— В глазах Росса появились веселые огоньки.

— Что ты, Росс! Прошу вас!

Ийя приложила руки к груди и отступила в глубь шара. За ней — Ильва, Моор, Росс.

В шар направились Олт, Парт, Ора, Род. Для них была подготовлена отдельная каюта, в которой они могли находиться без скафандров.

— Ты не хочешь посмотреть, как мы живем?— обратился Росс к Рорелу.

— Я не имею права покидать корабль,— ответил Рорел.— Так решили на моей планете.

— В таком случае, разреши прийти к тебе двум моим друзьям? — Росс указал на Моора и Ильву.

— Мы будем рады встретить всех, кто пожелает побывать у нас.

Ильва и Моор перешли в галакteleт по другому тоннелю, появившемуся рядом с первым. Для них так же, как и для кирчан в шаре, была отведена отдельная каюта, наполненная воздухом Илзы.

Через некоторое время шар дрогнул и стремительно полетел к планете.

Илзяне и кирчане обменялись взглядами. Они хорошо видели друг друга — стена, разделявшая обе каюты, была обесцвечена. У илзян на головах розовели небольшие полусферические передатчики. Они то и дело вспыхивали желтоватым светом, который, казалось, материализовался в неведомый узор.

Молчание прервали кирчане.

Мира спросила, почему у Ильвы и Моора такие загорелые лица, ведь умирающая Инфра почти не излучала ультрафиолетовые лучи.

Ответил Моор:

— Звезда давно перестала обогревать планету. Своей жизнью мы обязаны прошедшим поколениям. Они научили нас бороться с силами природы. Сегодня мы можем сделать почти все, что захотим.

— Только не звезду?— взглянула на него Мира.

— К сожалению, да... Однако это не пугает нас,— продолжал Моор.— Скоро мы навсегда покинем Инфру. Полетим к молодой звезде. Мы уже были около нее. Она имеет одиннадцать планет.

— Вы уже облюбовали для себя одну из них?— спросил Рорел.

— Нет. Мы полетим на своей.

— То есть?— удивленно привстал Рорел.

Моор указал рукой на планету, которая в это время очутилась в тени Инфры и превратилась в голубой шар с огненными полусферами на полюсах.

— Вон там, где горят эти два костра, мы устанавливаем фотонные двигатели. Они оторвут планету от Инфры и направят ее по новому пути.

— Может быть, легче омолодить Инфру?— осторожно заметил Рорел, не желая выдавать своего восхищения перед грандиозным замыслом илзян.— Мне кажется, вы обладаете достаточной мощью, чтобы осуществить это.

— У Инфры мало планет,— ответила Ильва.— Звезду, которую мы выбрали, окружают одиннадцать планет. Мы соединим наши усилия и создадим Колонию Братства Планет. Это будет единая всесистемная семья, объединенная общими мыслями и делами.

— У нас тоже одиннадцать планет,— заметил Рорел.

— По-видимому, наша Система — странное исключение,— сказал Моор.— Мы исследовали несколько систем. Они, как правило, имеют по десять-одиннадцать планет. Причем, на двух или трех рождается

Разум. Я говорю о Разуме, который начинает познавать окружающий мир.

— Как мы?

Рорел задал этот вопрос, имея в виду илзян и кирчан.

— Как мы? Нет! Мы уже кое-чего достигли. Существа, утверждающиеся в Системе звезды, к которой мы полетим, только лишь приступают к познанию окружающего мира.

— Они доставят вам немало хлопот,— сказал Рорел.

— Ну что ты!— воскликнула Ильва.

— Я не прав?

— Ты забыл одно — мы прилетим к ним через сто тысяч ваших кругов. Они к этому времени оставят пещеры, возможно даже, выйдут в космос.

— Ильва, не увлекайся,— улыбнулся Моор.— Разве ты не знаешь, сколько времени отделяет нас от пещер? За сто тысяч кругов существа Зиры уйдут недалеко. Мир сложен и многогранен, он не откроет свои тайны, пока не проникнешь в его сущность.

— Зира — это звезда, к которой вы полетите?

— Да.

Ильва указала на звезду, едва различимую около млечной полосы, прищурилась так, словно неожиданно увидела тех, кто жил теперь в этой чудовищной дали, упорно продвигаясь вперед по бесчисленным лабиринтам пространства и времени.

Рорел сказал:

— Долгие века мы не имели сведений о другом Разуме, живущем в нашем мире. Ученые пришли к выводу, что в нашем мире нет цивилизации, которая опередила бы нас. После, когда мы вышли в космос, этот вывод был подтвержден. Не в таком ли положении находитесь и вы?

— Пожалуй,— не сразу отозвался Моор.

— Чем ты объяснишь это?

— Молодостью наших миров.

Рорел кивнул. Вообще-то он мог не задавать этот вопрос, потому что предвидел ответ. Возможно, где-нибудь в глубинах вселенной и были цивилизации, давно перешагнувшие высшую ступень, однако о них ничего не было известно — они находились слишком далеко.

Моор понял, что волновало Рорела, он подался вперед, взглянул в его глаза.

— Мы считаем, что радиогалактики — это острова Разума. К сожалению, у нас нет прямых подтверждений, есть только косвенные улики. Думаю, что они вам известны.

— Вы опережаете мои мысли, Моор,— улыбнулся Рорел.

— Со временем и вы будете делать это,— Моор тоже улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво посмотрел перед собой.

Косвенные признаки того, что радиогалактики — гигантские очаги Разума, были давно известны ученым Кирчи. Они исходили из наблюдений, проведенных несколькими поколениями.

До изобретения радио Кирча посыпала в космос естественные радиоволны — они были настолько слабы, что с трудом улавливались самыми чувствительными приборами. Потом, когда Кирча покрылась радиосетью, в космос полетели искусственные радиоволны, которые пронизывали Систему и рассеивались по Большому Миру. Цивилизации, наблюдавшие за Системой, заметили это и послали в нее своих разведчиков. После так делала и Кирча, правда, она никогда не пыталась связаться с галактикой, излучающей в космос радиоволны. Слишком уж невероятной казалась мысль о Разуме, владевшем целой галактикой.

— Вы не пытались связаться с такой галактикой?

— Нет,— помедлил с ответом Моор. По-видимому, вопрос Рорела застал его врасплох.

Рорел не успокоился:

— Вы решили, что это не сулит успеха?

— В некотором смысле, да,— Моор снова помолчал.— Ты можешь представить Разум, который управляет миллиардами звезд? Наверно, не можешь? И я не могу, и мои коллеги. Значит, связь с подобной галактикой практически ничего не даст. Впрочем, мы, вероятно, попытались бы связаться, если бы галактика находилась поближе, так, как ваша, например.

— Ты прав.

— Возможно, в будущем, когда мы преодолеем барьер скорости света, контакт с цивилизациями, действующими в общегалактических масштабах, приобретет смысл. Хочется верить, что эти цивилизации обратят на нас внимание, если даже мы и не будем представлять для них интереса.

— Не знаю.

— Ты подумал о Разуме Антисистемы?

— Да.

Рорел не удивился на этот раз: Моор по-прежнему угадывал мысли и задавал вопросы, не видя в таком общении ничего необычного.

— Не осуждай этот Разум, капитан, хотя бы потому, что он все же не прошел мимо вас — вступил с вами в контакт и ответил на ваши вопросы. Я уверен, что вы представляли для него определенный интерес и ему хорошо известно, что ожидает вас в будущем.

— Не знаю,— повторил Рорел.

— Знаешь.

Мира спросила, посмотрев на Ильву и Моора, сидевших рядом:

— Существа Зирры похожи на нас с вами?

— Похожи.

— Значит, эволюция во вселенной единообразна?

Мира задала вопрос, не думая о Разуме Антисистемы. Он, по-видимому, являлся исключением или был обычным явлением — но в антивселенной. Она ревниво защищала гипотезу, утверждавшую, что Разум в конце концов приобретает формы, присущие Кирче.

Ильва сказала:

— Нет.

— У вас имеются доказательства?

— Существа, похожие на нас, были обнаружены не сразу. Это был трудный поиск, длившийся несколько тысяч кругов. Мы находили стеляющиеся существа, едва отличные от растений, находили и существа, напоминающие корни деревьев... Жизнь разнообразна. Мы думали, что и вы непохожи на нас.

— Был ли Разум на вашей второй планете?

— Был.

— Где он теперь?

— Умер.

Инфра была когда-то пылающим костром. Она давала много света и тепла. На планетах бурно расцветала жизнь. В огромных водоемах плавали рыбы. На суше развивались животные. В небе летали птицы.

Когда появились первые проблески Разума, звезда уже растеряла больше половины своей энергии: из голубой превратилась в желтую, из желтой — в красную. Она уже мало давала тепла, однако, еще достаточно, чтобы жизнь развивалась дальше.

Постепенно на обеих планетах властелином становился Разум. Он все глубже проникал в тайны природы, открывая неисчерпаемые возможности эксплуатации окружающего мира.

Особенно быстро находили пути к всеобщему изобилию жители

внутренней планеты Винчи. Они раньше жителей Илзы научились управлять энергией света и пространства.

К сожалению, жители Винчи не смогли по-настоящему воспользоваться благами, созданными в беспрерывной борьбе с природой. Полностью доверившись кибернетическим машинам, которые выполняли все работы как на планете, так и в космосе, они потеряли способность к творчеству, стали вырождаться. Это трагическое изменение не обесокоило никого даже тогда, когда звезда начала гаснуть.

Жители Илзы оказались сильнее своих соседей. Создав необходимые машины, которые освободили их от тяжкого труда, они с еще большей настойчивостью раскрывали тайны природы. Поэтому постарение звезды не убило жизни на Илзе, напротив, планета расцвела еще сильнее. Ее жители начали искать пути спасения планеты и сокровищ, которые они создали за миллион кругов.

Вообще-то, жить на Илзе можно еще бесконечно долго. Температура поверхности Инфры была сравнительно сносной — восемьсот градусов. Этого тепла хватало для планеты.

Беда была в том, что людям Илзы теперь приходилось пользоваться искусственным светом. Это могло привести к нежелательным результатам.

Инфра могла снова загореться ярким костром. Ученые планеты установили, что она быстро и сильно сожмется, когда истратит запас ядерной энергии. Это омолодит ее, в небе Илзы засверкает новая звезда. Она осветит поверхность планеты, но, к сожалению, не нагреет ее, потому что станет испускать в пространство значительно меньше тепла.

Впрочем, люди Илзы не останутся рядом с Инфрай даже в том случае, если она станет яркой звездой. Они твердо решили улететь к другой звезде, богатой планетами, чтобы создать вокруг нее форпост разума и справедливости.

Моор умолк, глядя перед собой в космос, горевший негасимыми огнями звезд и галактик.

— Когда вы думаете лететь? — поинтересовался Рорел.

— Через два круга, — сказал Моор.

— Это далеко?

— Свет идет туда пятьсот двадцать кругов.

«Далеко, — подумал Рорел. — Планете не придашь субсветовую скорость. Она будет находиться в пути невероятно долго. Хватит ли у людей Илзы сил для такого перелета? Не погибнут ли они, оказавшись в космосе без Инфры?»

— Мы понимаем, на что идем, — сказала Ильва. — Просторы космоса не пугают нас. Над Илзой будет пылать костер Новой Звезды. Его увидят наши потомки.

— Мы дадим вам координаты нашего будущего дома, — взглянул на кирchan Моор. — Если у вас будет желание, сможете слетать туда. Я уверен, что вы не пожалеете. Кстати, когда будете возвращаться, расскажете нам, далеко ли шагнул Разум за время нашего отсутствия. Научился ли он бороться с природой? Удастся ли ему без посторонней помощи построить высокую цивилизацию? Что преобладает в мире этого Разума: добро или зло, любовь или ненависть? Не уничтожит ли он себя и свой мир?

— Мы с удовольствием сделаем это, — склонил голову Рорел.

Неожиданно на Экранах Сближения показались лица Олта, Парта, Рода, Оры, Иии, Росса.

Росс сказал:

— Внимание. Начинаем путешествие по планете.

Тетрадь четвертая

Открытие Виктора

Передача из космоса прекратилась.

Странная картина предсталась перед Костей. Люди, казалось, только что проснулись. Одни сидели, обхватив колени руками. Другие стояли — то прямо, то полусогнувшись, по подавшись вперед. Третьи лежали.

Ибодат и Чарли смотрели на подъемный кран. Аскад сидел на корточках. Павел стоял в стороне, устремив взгляд на Космическую станцию, принявшую снова прежний вид. Виктор находился в будке подъемного крана.

— Каррамба, дьявол меня побери! — крикнул экскаваторщик Ахмади. Он увлекался морской литературой и при случае любил ввернуть редкие слова. — Что же было со мной, каррамба? Я никак не могу опомниться.

Голос Ахмади вывел людей из оцепенения. Все зашевелились, заговорили разом.

— Тысяча и одна ночь! Будешь придумывать, лучше не придумаешь! — не унимался Ахмади. — Что же все-таки было? Может, я спал? Или был в нирване? Клянусь киблой¹, ничего не понимаю!

— Жаль, что передача кончилась, — сказал Цай. — Мы не узнали, как живут люди на Черной Планете. Чего они достигли? Где находится звезда, к которой они собирались лететь? Где теперь Антисистема?

— Меня не волнует это. Я никак не могу понять, кем я был? Рорелом? Родом? Партом? Мне кажется, что они все входили в меня и вбивали в мою голову свои знания! К сожалению, я уже все позабыл, — огорченно признался Ахмади.

Действительно, что происходило с людьми, очутившимися в зоне действия Космической Станции? Костя, как и Ахмади, не был самим собой. То был Рорелом, то Родом... Ему казалось, что это он, а не Ри, летел на ракете к антимиру. Только вот приближения смерти не почувствовал. Возможно, сознание Ри не успело это отметить? Или, может быть, организаторы передачи не хотели заострять внимание на смерти?

Ибодат говорила:

— Я была Мирой. Нет, Орой. Ой, Наденька, какие же это замечательные люди! Увидимся ли мы с ними? Ты почему молчишь?

— Я бы хотела увидеться, — задумчиво отозвалась Надя.

— Увидимся! Обязательно! — насмешливо проговорил Чарли. — Ты подумай, Ибодат, родная! Все, что мы сейчас пережили, произошло давно, возможно, десятки тысячелетий назад, — принялся объяснять Чарли, видя, что Ибодат обиделась. — Теперь никого из космонавтов уже нет в живых...

К Косте подошел Виктор.

— Машина на ходу. Поедем! — Он повернулся к Павлу и Аскаду, стоявшим в стороне, и, открыв дверцы вездехода, предложил торжественным голосом: — Прошу, многоуважаемые земляне!

Надя села рядом с Костей. Он от радости сразу выжал из вездехода все, что мог.

— Стоп! — почти тут же попросил Виктор. — Видишь, этот знак на песке? — В стороне за кюветом была прочерчена жирная черта. — Сколько у тебя на счетчике? Ого, я и не знал, что ты миллионер! По-

¹ Кибла — сторона, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

здравляю от всей души! Запомни, пожалуйста, последнюю цифру.
Вперед!

Дорога круто повернула влево.

Виктор снова попросил:

— Стоп! Как я упустил из виду этот серпантин?— Он на ходу вы-
прыгнул из вездехода.— Подождите меня у следующего знака. Только,
смотрите, не проглядите!

Черта на песке появилась, как только вездеход обогнул глубокую
впадину, должно быть, некогда бывшую дном реки. Костя открыл двер-
цы и оглянулся. Виктор стоял на небольшом пригорке метрах в шести-
десяти-семидесяти от вездехода.

— Есть?

— Знак?— спросил Костя.— Есть!

Виктор нагнулся, что-то начертил на земле, посмотрел вокруг и
неторопливо зашагал к вездеходу. Все с затаенным дыханием следили
за ним.

— Восемьдесят шагов... Вы представляете, что это такое?

— Кажется,— сказал Павел.

— Сидите, сидите, куда же вы! Я прекрасно справлюсь сам!

— У меня равномернее шаг, Виктор Сергеевич,— улыбнулся Па-
вел. Он вышел из вездехода и помолодевшим голосом сказал Косте:—
Поезжай, голубчик, не задерживайся.

На этот раз Косте не пришлось петлять: дорога оказалась удиви-
тельно прямой, будто этот ее участок был построен специально для
подобных экспериментов.

Павел и Виктор подошли одновременно и объявили вместе:

— Семьдесят восемь!

Костя взглянул на счетчик:

— Семьдесят пять!

— Семьдесят пять? Размах! Техника!— воскликнул Виктор.

Вездеход сделал еще несколько остановок. Цифры снова меня-
лись: 77, 80, 50, 65. На последнем участке, так же как и на первом, не
было ни холмов, ни впадин, ни поворотов, поэтому цифра «75» повтор-
илась.

— Догадываетесь, что это? Нет? Понимаете,— начал объяснять
Виктор,— во время передачи образуется несколько панорамных био-
сфер. Они окружают Космическую Станцию широкими разнородными
поясами. Чем ближе такой пояс к Станции, тем яснее ощущается ре-
альность передачи. Чем дальше, тем, естественно, слабее. Ты не забыл,
Костя, как растерянно вцепился в управление, летя меж звезд? Пере-
ход в новый пояс почти незаметен. Во всяком случае, так кажется мне.
Кстати, меня еще никогда не подводила интуиция. Костя, придержи
своего скакуна на минутку.

Костя подрулил к обочине и выключил газ. Виктор выскочил из
салона, схватил саксаулину, валявшуюся на дороге, перепрыгнул через
кувет и стал что-то чертить на песке. Все подошли к нему и стояли,
не шевелясь, пока он не кончил чертить.

— Это биозалы,— указал Виктор на многогранные ячейки, соз-
дающие единый круг.— В центральном стоит астротелепередатчик...
«столб»,— Виктор оглядел каждого сияющими глазами.— Догадываетесь?
«Столб» создает биозалы! Все, все! Никаких вопросов! Думаю,
что мы узнаем, как это происходит, когда встретимся с кирchanами.
Впрочем, возможно, и сами разберемся во всем.

— Ты считаешь, что мы увидим кирchan?— Костя так и подался к
Виктору.

— Увидим!

— Когда?

Надя засмеялась:

— Завтра, Костя!

— Не смейся, Надя,— серьезно сказал Виктор.— Собственно, дело не в этом.— Он поднял голову, окинув взглядом небосвод, тонувший в ослепительных лучах солнца.— Я рад, что гипотеза о существовании Разума в других мирах вселенной подтвердилась.

— Кирчане, наверно, давно построили коммунизм,— сказал Аскад.

— Безусловно. Создать технику, которую мы видели, может только коллектив мыслящих существ, скрепленный узами братства и дружбы.— Виктор перевел глаза на Костя, посоветовал с улыбкой:— Готовься к встрече!

— Подготовлюсь!— воскликнул Костя.

— Однако нам пора ехать,— спохватился Павел.— Необходимо немедленно связаться с Центром Космонавтики. Об этой передаче должен знать мир...

В вездеходе Виктор снова поразил своей дальновидностью:

— Илзяне говорили о нашей Системе.

— Как ты догадался?— удивился Костя.

— Если пораскинешь мозгами, то и ты догадаешься,— таинственно проговорил Виктор.

Аскад заметил осторожно:

— Виктор Сергеевич, илзяне говорили о Системе, состоящей из одиннадцати планет, в нашей же десять. Я не понимаю вас.

— Аскад Азимович! В то время, когда илзяне были у нас, вокруг Солнца вращалось одиннадцать планет!

— Вы имеете в виду Фаэтон,— вмешался Павел.— Я разочарую вас, Виктор Сергеевич. Последние исследования доказали, что такой планеты не существовало. Тела, которые врашаются между Марсом и Юпитером, образовались не от распада Фаэтона, они возникли во время формирования Системы.

— Я не верю в эту гипотезу. Фаэтон существовал! Впрочем, Павел Михайлович, я имел в виду другую планету.

— Вы считаете, что есть планета за Трансплутоном?

— Она может существовать. Очевидно, со временем мы обнаружим ее.— Виктор помолчал немного и неторопливо произнес:— Вы забыли о нашейочной красавице.

— О Луне?

— Почему это удивило вас? Когда-то она была полноправной планетой. Читали книгу Генри Беллами «Миф об Атлантиде»?

— Голубчик, чего вы хотите от популяризаторов? Это же несерьезные люди!

— Значит, илзяне летят к нам?— спросил Костя.

— Совершенно верно,— Виктор хлопнул Костю по плечу.— Готовься к встрече. Надеюсь, ты еще не разучился колдовать у котла? Друзья, рекомендую: отличнейший кулинар!

Аскад заерзal на сиденье.

— Подождите, подождите, как же это? Виктор Сергеевич, вы гений, клянусь! Илзяне в самом деле летят к нам! Я рад, что судьба свела меня с вами! Позвольте вашу руку!

— Ну что вы, Аскад Азимович,— растерялся Виктор.

Павел безнадежно махнул рукой:

— Фантазеры!

Костя сжал руль вездехода так, что посинели пальцы.

— Виктор! Аскад! Что же вы молчите? Вы же видели Тобола! Нужели не помните? Виктор, ты еще сказал, что это робот? Еще хотел поздравить с победой кибернетиков?.. Аскад?

— Ну, что ты кричишь?

Виктор тоже вспомнил визит незнакомца на Фабрику Времени и узнал в нем выпускника Парта.

— Я не кричу, Виктор, я говорю, что мы видели Тобола!

— Разве я отрицаю это? Ты удивительный путник, Константин Алексеевич. Интересно, где этот кирчанин может быть сейчас? — Виктор повернулся к Павлу. — Вы ничего не хотите сказать?

— Пожалуйста, увольте меня, — скривил губы Павел.

Чарли осторожно спросил:

— Значит, кирчане уже у нас?

— Не думаю, — ответил Виктор. — У нас только Тобол.

— Может, ты сообщишь, как он попал к нам?

В голосе Чарли прозвучало недоверие. Костя понял, что Ибодат ничего не рассказывала ему о появлении пришельца на Фабрике Времени. Это обрадовало его.

— Ты не знаешь, как попал к нам Тобол? Превратился в пучок фотонов и... Чарли, Чарли, ты же бог печати!

Тетрадь пятая

Сын Земли подружился с сынами Неба

Этого мгновения ждали долго, гораздо дольше, чем предполагали. Оно словно вынырнуло из океана остановившегося времени, поразив галактелет великолепием открывшегося созвездия одиннадцати планет.

— Илзяне не зря решили прилететь сюда, — сказал Рорел, глядя на самую большую планету с кольцом вокруг экватора. — Этот уголок вселенной создан для великих дел.

— Не думаешь ли ты найти здесь планету лучше Кирчи? — ревниво поинтересовался Олт.

— Родные места всегда лучше, если даже они на самом деле хуже, — ответил Рорел.

— Лучше Кирчи нет планеты в Мегамире! — воскликнул Олт.

Они снова сидели в каюте у бесцветной стены все вместе. Перед ними расстилалась безбрежная ширь космоса, усеянная звездами. Особенно много звезд было в огромной полосе, пересекающей Олриазир. Полоса, казалось, разбрасывала вокруг ослепительные брызги, голубые, желтые, красные... Среди этих брызг выделялась одна — самая крупная. Она, как драгоценный камень, горела на бархате бездны. Это была звезда, к которой, должно быть, уже летела Илза, уйдя от мрака Инфры.

— Рорел, откуда появилось это облако? — спросил Олт.

Это было гигантское дискообразное облако, светящееся слабым рассеянным светом. Оно окутывало Систему и уходило далеко вправо от звезды. Между двух планет, четвертой и пятой, чуть ниже планеты с кольцом, разгоралось желтоватое пламя.

— Очевидно, на этом месте была когда-то еще одна планета, — Рорел направил на облако Экраны Сближения. — Видишь, оно состоит из каменных глыб и пыли. Катастрофа, по всей вероятности, произошла несколько миллиардов кругов назад.

Олт промолчал: галактелет влетел в облако и начал гасить скорость. Астронавты прильнули к Экранам Сближения, на которых появилась голубая комета. Она быстро росла и на глазах превращалась в планету.

— Земля! — торжественно объявил Рорел.

¹ Астронавты называли Землю, планеты Системы, Солнца, животных и зверей Земли своими именами, я же, здесь и дальше, для удобства употреблял слова, известные в нашей стране [прим. автора].

Теперь все увидели, что это была планета, о которой рассказывали люди Илзы. Она так походила на Кирчу, что от нее трудно было оторвать глаза. Такая же голубая, с кружевом легких и тяжелых облачков, с огромными водоемами и материками, покрытыми растительностью.

Что происходит на ней? Каким стал Разум? Чего достиг, борясь с неведомыми силами природы?

Перед астронавтами, как в калейдоскопе, за считанные мгновения прошла история Кирчи: каменный век, железный, атомный, век элементарных частиц, век гравитации, век времени.

Какой век теперь на Кирче? Со дня отлета прошло сто тысяч кругов. Это шестьдесят восемь тысяч поколений. Десятки новых эпох. Миллионы невиданных открытий и достижений. Тысячи встреч с иным Разумом.

У Олта закружила голова. Он не мог представить огромную пропасть, которая разделяла его и Кирчу. Его сейчас на родной планете, наверно, приняли бы за дикаря.

— Мне жалко Землю,— как во сне услышал Олт голос Оры.

— Почему?— поинтересовался Род.— Она в расцвете сил.

— Вот поэтому и жалко. В этот период нужно иметь хотя бы одного спутника, она же совсем-совсем одна!

Неожиданно умолкли двигатели. На пульте управления загорелась яркая звездочка: корабль превратился в спутника Земли.

— Теперь ей веселей,— заулыбался Олт. Он посмотрел на Ору такими влюбленными глазами, что она даже смущилась.

От корабля одна за другой отделились две ракеты. Первая, войдя в атмосферу, стала медленно вращаться вокруг планеты, вторая, достигнув экватора, круто повернула на север и опустилась на равнину, граничащую с высокими горами.

— Внимание, передаю состав атмосферы!— сообщил автомат первой ракеты.

Атмосфера почти ничем не отличалась от атмосферы Кирчи — только углекислого газа в ней было больше.

Рорел посмотрел на Парта:

— Тобол готов?

— Да... Род!— позвал Парт начальника квантовой лаборатории.

Род подошел к блоку, связывающему лаборатории галактелеата с каютою капитана, набрал шифр квантовой лаборатории и, выждав мгновение, приказал:

— Отправьте на планету Тобола!

Не успел исчезнуть след от яркого луча, сверкнувшего под звездолетом, как в каюте послышался резковатый голос:

— Я на Земле. Она совсем как Кирча. Даю координаты.

Рорел какое-то время стоял неподвижно у пульта управления, затем легонько дотронулся до узкой пластинки, сверкающей голубым пламенем.

Где-то далеко внизу, под полом каюты, едва слышно заработали двигатели, галактелеат дрогнул, слегка наклонился в сторону и медленно полетел к планете.

Они стояли на ровной необозримой низменности. Мира и Ора, подняв головы, глядели на безоблачное небо, одетое легкой голубой дымкой. Рорел приложил к глазам ладони — он щурился радостно, еще до конца не осознав всего, что произошло. Род и Парт оживленно разговаривали. Олт, присев на карточки, рассматривал почву, черневшую на его огромной ладони.

— Солнце, Солнце, ты такое же щедрое, как и Мацлой!— тихо

прошелтала Мира.— Ты освещаешь Землю горячими лучами, ты да-ришь жизни! Спасибо тебе, Солнце!

Мира славила звезду Земли, думая о звезде Кирчи. Она была по-настоящему счастлива. Ей казалось, что вокруг расстился простор, знакомый с незапамятных времен.

— Глядите, глядите! — крикнул Олт.

Астронавты повернулись туда, куда указывал Олт, и увидели на небольшой возвышенности в густых зарослях человека...

Все замерли, боясь дышать. Кто он, сын незнакомого Разума?

Человек походил на них. Это бросалось в глаза сразу. Правда, они были совершеннее его. Он напоминал ископаемое существо, жившее на Кирче миллионы кругов назад. У него были такие же длинные руки и ноги, так же сильно был склонен лоб и так же далеко вперед выдвинута челюсть.

— Олт, познакомь нас с хозяином Земли, — попросил Рорел.

Он сказал это с улыбкой, однако голос его дрогнул. Позади лежали пропасти пространства и времени. В них вместились миллионы миров с самыми различными формами жизни. Два мира — Кирча и Илза — родили Разум. Так же, по-видимому, был щедр и третий мир — Земля. На каких перекрестках вселенной лежали другие подобные миры?

— Что же ты, Олт?

— Сейчас, капитан!

Олт тоже был взволнован — он не сразу нажал на кнопку гравитационного пояса.

Между тем человек ждал — судя по всему, его не пугало приближение незнакомца.

Олт с замиранием сердца вглядывался в землянина. Ведь это было прошлое Кирчи!

Человек неожиданно отпрыгнул, схватил обеими руками огромный камень и бросил в Олта.

Олт усмехнулся, не спеша нажал крючок гравитационного излучателя: камень потерял вес и повис в воздухе.

Человек минуту-другую с удивлением и страхом смотрел на камень, потом прокричал что-то и упал ниц.

Олт был поражен. Он думал, что землянин не успокоится, потерпев неудачу. Илзяне говорили о жителях планеты как о сильных и крепких существах.

Приблизился Род:

— Он принял нас за богов! Подними его.

Он подошел к распростертыму землянину, взял под руки и помог подняться, улыбаясь и всячески выражая дружелюбие.

— Мы твои друзья,— Род приложил руки к груди.

Человек помотал головой и снова повалился на землю.

— Ладно, в любви будешь объясняться после, — сказал Олт. — Полетим к кораблю. Капитан зовет.

Астронавты взяли землянина под руки и легко взмыли вверх.

— Ора, займись этим молодым человеком, — попросил Рорел врача. — Судя по всему, обитатель планеты еще ничего не понимает.

Землянин не сопротивлялся. Ора надела на его голову блестящую полусферу с тупыми выступами с внутренней стороны.

— Познакомь его с самыми элементарными сведениями о строении вселенной,— посоветовала Мира.— Все равно он не сможет понять все, что мы знаем.

— Ты, я вижу, уже неравнодушна к нему,— с лукавой улыбкой сказала Ора. Она хотела рассеять грустные мысли подруги.

Землянин сперва со страхом прислушивался к легкому гудению,

исходящему из полусфера, потом склонил голову к плечу и не шевельнулся больше, пока Ора не выключила полусферу.

— Здравствуй, человек! — протянул Рорел руку. — Принимай гостей!

Кирчане, хотя и знали, на что способна Ора, однако так и ахнули от изумления, когда землянин, пожав Рорелу руку, сказал дружелюбно:

— Здравствуй и ты, человек!

Была тишина.

Кирчанин и землянин глядели друг на друга, охваченные единым порывом. Казалось, сама вселенная залюбовалась торжественностью минуты и прервала на мгновение свой нескончаемый бег по бездорожью пространства и времени.

— Здравствуй, человек!

Кирчане словно очнулись от сна, когда эти слова произнесла Мира. Она вложила в них другой смысл: будто соединила навсегда сердца кирчан и землянина, в котором угадывались неизмеримые силы будущих жителей планеты.

Рорел улыбнулся, подойдя к землянину:

— Как твое имя?

Землянин потер лоб грубыми толстыми пальцами.

— Хау.

— У тебя замечательное имя, — сказала Ора.

Из-за возвышенности, на которой был найден Хау, появилось несколько землян. Они покорно, как малые дети, подошли к кирчанам и упали на колени, воздевая к небу жилистые руки.

— Мы такие же, как вы! Поднимитесь! — сказал Рорел, позабыв, что его никто не поймет.

— Они думают, что ты бог, — Хау посмотрел на него. — Разреши мне поговорить с ними!

Он опять обратился к сородичам, не встававшим с земли. Они выслушали молча, затем неторопливо поднялись и покорно побрали за ним.

Олт, не находя места от волнения, сжимал в руках свой гравитационный пояс, шагая взад и вперед.

— Почему илзяне называли сильными людей Земли? Они же слабые, как дети! Мне больно смотреть на них!

— Не забывай, на Илзе ты был таким же! — гневно сверкнул глазами Парт. — Когда Росс включил всепланетную гравитационную систему и все, что было на Илзе, в том числе и мы, полетело в небо, ты от страха не мог произнести слова! Между тем мы владеем секретом гравитации...

— Я не испугался, — угрюмо произнес Олт.

— Ты думаешь, земляне испугались? — продолжал Парт. — Ты слышал, что сказал Хау? Нас приняли за богов! То есть за тех, кто создал все: и небо, и звезды, и растения, и человека... Можно ли вступать в единоборство со всемогущими творцами? Кстати, Хау все же попробовал сразиться с тобой. Ты поспешил отбить его нападение — сделал камень невесомым. Стоило ли после этого браться за второй камень?

— Я бы взялся!

— Ты бы взялся, так как знаешь, почему случаются такие чудеса, — сказал Парт. — Я уверен: Хау не сдался бы, если бы понял, что ты такой же смертный, как и он. Он бился бы с тобой, пока был бы в силах.

Олт отошел в сторону, поняв, что чересчур поспешил обвинить землян в слабости.

Откуда-то, как из-под земли, появился Тобол. Он подошел к Роду

и протянул руку. Род помедлил немного, словно решал, стоит ли вести себя с Тоболом, как с человеком. Выпускник Парта заговорил первым:

— Спасибо, Род. Ты отлично справился! Я даже не почувствовал, как ты превратил меня в пучок фотонов и как снова сделал человеком. К сожалению, я еще испытываю боль, когда делаю это сам...

— Да-да,— поспешил произнести Рорел.

Хау подошел к стоящим на коленях сородичам, произнес несколько гортанных звуков, напоминающих рычание зверей и вой ветра.

Земляне подняли головы, уставились вытаращенными глазами на Хау и вдруг все как один распластались перед ним.

— Теперь и я бог,— печально улыбнулся Хау.— Прости их, Рорел, они сейчас ничего не поймут. Разреши мне уйти с ними в пещеру.

— Ты не возвратишься к нам?

— Возвращусь.

Хау свободно говорил по-кирчански, словно родился и вырос на Кирче. Он даже перенял привычки астронавтов и повторял их жесты с поразительной точностью. Лишь когда появились сородичи, в его глазах снова загорелся дикий блеск. Это заметила Ора и опасливо покосилась на Рорела. Она не знала защитных свойств организма Хау и боялась, что действие искусственных биотоков, введенных в мозг с помощью полусферы, может оказаться непродолжительным.

— Мы ждем тебя,— сказал Рорел.

— Я приду,— глухо отозвался Хау.

— Разве ты можешь чувствовать?— удивился Род.

— Тебе кто-нибудь говорил, что я не человек?— спросил Тобол.

Род пожал плечами. Тобол повернулся к Парте и уставился на него зелеными глазами.

— Ты такой же парень, Тобол, как и все мы!— улыбнулся Парта.

— Вот видишь!— торжествующе сказал Тобол Роду.

... Нет, Парта, конечно, перестарался, создавая Тобола. Выпускник, пожалуй, мог кое в чем дать сто очков вперед таким, как Олт. Род почувствовал, как от этих мыслей его затопила теплая волна радости. Парта — настоящий кудесник!

— Что тебе удалось узнать, Тобол?— спросила Мира.

— Мира!— отозвался Тобол.— Я видел зверей, каких нет у нас на Кирче. Я видел птиц необычной красоты. Я был у землян. Ты бы посмотрела, как они сражаются с дикими зверями!

— Кто же побеждает?

— Земляне!

— Ты помогал?— прищурился Парта.

— У меня есть приказ: не вмешиваться в дела людей Земли,— тяжело вздохнул Тобол. Ему, очевидно, хотелось встать на сторону землян.

— Ладно, Тобол, не печалься,— подбодрил Парта.— Тебе еще представится возможность помочь людям планеты. Я разрешу тебе сделать это, если увижу, что ты действительно достоин имени кирчанина.

— Может, ему будет позволено сейчас познакомить нас с землей?— Мира обратилась к Парте.

Тобол тотчас вытянулся:

— Я к вашим услугам!

Рорел дал знак — из открывшегося люка галактетета появились три двухместных биоплана. Они пролетели несколько метров над астронавтами и опустились на ровную площадку.

Олт схватил Ору за руку и, смеясь, потащил к среднему биоплану, похожему на огромную стрекозу. За ними поспешили Парта и Род. Два биоплана плавно взмыли вверх и, сделав над кораблем несколько кругов, полетели на запад.

Мира и Рорел остались — капитан ждал Хау. Мира спросила:

- Ты счастлив, Рорел?
- Да!
- Кирча лучше этой планеты.
- Кирча — наша Родина!
- Нет, не поэтому.

Рорел знал, почему Мира считала, что Кирча лучше Земли. Она думала о Ри... Он любил ее. Теперь его не было...

Хау возвратился, когда биопланы исчезли за горизонтом. Он был явно встревожен, хотя и старался скрыть это. Рорел не стал спрашивать — подвел его к третьему биоплану, открыл дверцы и указал на сиденье позади.

- Садись!

Хау затоптался возле диковинной птицы, словно решал, сесть или нет, затем неуклюже полез внутрь. Рорел сел у биопульта, Мира — около Хау, чем страшно смущила друга Богов Неба.

Биоплан плавно поднялся, отлетел на некоторое расстояние от галактетета и повис над низменностью, перерезанной извилистой лентой реки.

Рорел специально сделал так — он боялся за Хау. Мозг землянина, несмотря на стимулирование, мог не выдержать этой новой нагрузки.

Хау взглянул вниз и заметил недалеко от корабля своих сородичей. Они стояли на коленях, вздымали руки и что-то кричали ему. Это, вопреки всему, вселило в него уверенность.

Биоплан, незаметно прибавляя скорость, быстро набрал высоту и стремительно полетел на запад, в том же направлении, что и первые два биоплана.

Земля то и дело дарила новые картины. Ровные, необозримые низменности сменяли крутые горы, тянувшиеся в небо, или густые нескончаемые леса, или выжженные бесплодные пустыни.

Повсюду была жизнь. Над огромным стадом слонов биоплан висел больше часа. Мира, позабыв обо всем, что ее тревожило, как девочка, захлопала в ладоши, глядя на резвящихся слонят. Не меньше восторга вызвали и длинноногие страусы. Она даже попросила Рорела приземлиться, чтобы поближе рассмотреть причудливых птиц.

Рорел не смог сразу выполнить просьбу Миры: непонятная, все усиливающаяся тревога, охватившая его, держала биоплан в воздухе помимо его воли. Потребовалось сильное напряжение воли, чтобы приказать машине опуститься.

— Здесь не надо сходить, — предупредил Хау. Он не знал этих мест и тоже чего-то опасался.

Мира только улыбнулась в ответ. Она привыкла к ручным кирчанским птицам и животным и потому, ничего не опасаясь, спрыгнула с биоплана и направилась к страусам.

Из зарослей, темнеющих вокруг поляны, выскочил тигр и с громким рыком устремился к ней.

Хау будто ветром сдуло с сиденья. В нем проснулась искусственно усыпленная сила дикаря. Он в несколько прыжков догнал Миру, бормоча:

- На место! Хор-ро!

Когда Мира поняла, было уже поздно — тигр преградил дорогу к отступлению.

Рорел заметался в биоплане. Он не собирался приземляться и не взял с собой оружие — ни гравитационный излучатель, ни волновой пистолет. Идти на земного хищника с пустыми руками было рискованно...

Между тем Хау не раздумывал. Едва тигр припал к траве, готов-

вясь к прыжку, он оттолкнул Мири и прыгнул на тигра сам. Тигр рванул одежду, которую надели на Хау кирchanе, закрутился с ним в смертельном танце, сотрясая громовым рычанием окрестность. Рорел спрыгнул на землю, Мири кричала:

— Скорее! Рорел, скорее!

Хау, увидев Рорела рядом, скривил большой рот в бессильном отчаянии:

— Назад! Мири! Хор-ро!

Рорелу показалось, что Хау крикнул: «Спасай Мири!». Он возвратился к дрожавшей от испуга девушке, схватил ее за руки и понес к биоплану. Она пришла в себя, когда они снова повисли в воздухе.

А там, внизу, борьба человека и зверя продолжалась. Тигр был гораздо сильнее, однако не мог одолеть Хау. Человек беспрерывно ускользал, чтобы снова напасть. Он незаметно вел зверя к обрыву над рекой.

Мира теребила Рорела за рукав:

— Что же ты сидишь? Придумай что-нибудь!

Рорел опустил биоплан и, поколебавшись немного, снова выпрыгнул и побежал к месту схватки.

В это время над пультом биоуправления загорелась красная лампочка — послышался взволнованный голос Парта:

— Рорел, почему молчите?

Мира рванулась к радиофону:

— Парт, Парт, помогите! На нас напал хищник! Жизнь Рорела и Хау в опасности!

— Высылаем Тобола!

Выпускник появился почти немедленно.

Однако помочь уже не требовалась. Хау прижал тигра к обрыву. Когда Тобол подбежал к месту битвы, человек уже держал хищника над головой. Через минуту извивающееся тело царя зверей скрылось в бушующем разливе реки.

Тобол вздохнул:

— Жаль, что мне не пришлось помочь тебе, человек!

Мира подлетела на биоплане:

— Скорее садитесь! Тобол, что ты топчешься? Подсади Хау. Он же еле держится на ногах! Рорел, скорее!

Капитан грустно улыбнулся и подошел к биоплану. Хау отказался от услуг Тобола — поднялся в машину сам, хотя, действительно, с трудом держался на ногах.

Если Рорел, отправляясь в биоплане в полет над Землей, позабыл о возможной опасности, то Ора помнила об этом каждую минуту. Не случайно у нее под рукой оказались необходимые лекарства. Она сделала все, чтобы спасти Хау. Раны, нанесенные тигром, были бы смертельны — если бы не могущество врача с Кирчи. Хау уже через полчаса чувствовал себя так, словно и не было этой непредвиденной встречи с царем джунглей.

Рорел сокрушался:

— Что же было со мной? Не понимаю. Может, постарел? Объясните, пожалуйста. Я же не впервые на незнакомой планете. Не околоводила ли меня Земля?

Парт чувствовал себя изменником. Он то и дело подталкивал Олта и говорил восхищенно:

— Видали? Вот тебе и трус! Нет, илзяне не зря называли людей Земли сильными!

Три биоплана летели теперь рядом, управляемые Родом, Партом

и Мирой. Рорел сидел рядом с Хау. Он счел, что после всего случившегося не имеет права управлять машиной...

Полет продолжался недолго. Биопланы пошли на посадку к подножию невысоких гор, от которых на юг уходила безводная пустыня.

— Смотрите, какое чудо! — Олт первый соскочил на землю. — Мы обнаружили это совсем случайно.

— Обнаружил Тобол, — поправил Парт.

— Разве Тобол не член нашего экипажа?

Рорел подошел к астронавтам и застыл, позабыв обо всем.

Перед ними возвышалось колоссальное сооружение из гигантских каменных блоков. Оно высоко поднималось в небо, заслоняя собой окоем... Блоки были так отшлифованы, что казались издали зеркальными. У подножия гор в широкой расщелине лежал еще один блок. Строители почему-то не установили его.

— Значит, на Земле, кроме вас, живут другие существа? Более могучие и знающие? — спросил Рорел у Хау.

Землянин пожал плечами: ни о чем подобном он не слышал. Слишком большие расстояния лежали между его родными местами и этой пустыней.

— Нужно немедленно обследовать местность! — распорядился Рорел. Он снова был полон энергии.

— Я уже послал в разведку Тобола, — доложил Парт. — Лично мне кажется, что других следов цивилизации ему не удастся обнаружить.

— Почему?

— Это сооружение построили пришельцы с других планет.

— У тебя есть доказательства?

— Пока нет. Разреши мне поработать здесь?

— Хорошо.

Подошел Род, протянул Рорелу небольшие комочки легкого ноздреватого вещества:

— Узнаешь?

Рорел скользнул по комочкам безразличным взглядом — его еще занимала гипотеза Парта.

— Глина!

— Посмотри лучше!

Через минуту они оба бежали к невысоким холмам, разбросанным недалеко от расщелины с каменным блоком. За ними спешили Мира и Парт.

— Здесь, — Род остановился около самого высокого холма.

Рорел трясущимися руками разгреб землю. Вот они, знакомые комочки!

— Ты установил время их происхождения? — после продолжительной паузы Рорел поднял на Рода повлажневшие глаза.

— Около миллиона кругов назад.

— Земных?

— Да.

— Около миллиона, — повторил Рорел: — Неужели отец был прав? — Он опустился на колени и принялся перебирать маленькие шарики из стекловидного вещества.

Мира тронула за плечо Рода:

— Что случилось?

— Мы нашли виты.

— Что? Что-о-о?

Парт тоже раскрыл рот, не в силах осмыслить все, что было связано с коротким словом «виты».

Кирчане обнаружили частицы этого вещества на своей планете перед отлетом галактелета к Олриазибу. Вещество сразу привлекло

внимание видных ученых. Они установили, что виты являются остатками шаров-зондов неведомых существ, прилетевших на Кирчу миллион сто тысяч кругов назад.

Это открытие потрясло кирчан сильнее, чем первые полеты в космос. Тотчас взбудоражила всех давно забытая легенда о том, что кирчане произошли от жителей мира, расположенного на окраине Олриазира.

Перед экипажем галактета, отправлявшегося в это время к Олриазиру, не ставилась задача разыскать тех, кто прилетал на Кирчу, однако каждый астронавт лелеял надежду напасть на следы далеких предков, не побоявшихся бросить вызов космосу более миллиона кругов назад.

Неужели теперь астронавты стояли перед остатками ракет, созданных Разумом, побывавшим на Кирче?

— Мне нужно точнее знать время образования этих витов, Род,— с трудом выговорил Рорел.

— Это можно установить только в корабле,— ответил Род, волнуясь не меньше капитана.

— Ора, проверь генетический код живых существ Земли, в первую очередь, займитесь людьми, возможно, это прояснит что-нибудь. Только, пожалуйста, будь внимательна.

— Хорошо, Рорел,— сказала Ора.

— Род, садись в биоплан.— Рорел посмотрел на остальных:— Вы можете продолжать осмотр Земли.

— Мы с вами!— раздались возгласы.

Всем хотелось знать, когда на Земле появились виты: это сейчас было главным.

Безразличен остался только Хау. Окружающий мир, который он увидел во время полета, был для него достаточно известен. Знания, переданные ему биостимулятором Оры, нет-нет да вытеснялись силами, бродившими в нем с детских лет. Он по-прежнему оставался сыном Земли, только что вступившим на путь, который в далеком будущем распахнет перед его потомками ворота в космос.

Род закончил исследование витов поздним вечером и поспешил к капитану. Рорел был в обсерватории вместе с Мирой, Партом и астрономом Эддом.

— Вы понимаете, какие потрясения переживает Земля, если это случится?— говорил Рорел астронавтам, сидевшим около телескопа.

Увидев Рода, он прервал разговор.

— Что тебе удалось узнать?

— Виты Земли моложе витов Кирчи,— доложил Род.

— На сто тысяч кругов?

— Да-а... Значит, ты считаешь, что они прилетели отсюда?— Род шагнул к Рорелу.— У меня это в голове не укладывается. Извини.

— Что же укладывается в твоей голове?

Капитан не спросил, кого имел в виду Род, произнося «они». Он прекрасно понял начальника квантовой лаборатории, так же поняли его и другие.

Всех снова охватило волнение, как днем, когда были обнаружены виты. Существа, побывавшие на Кирче больше миллиона кругов назад, пытались, вероятно, сначала найти приют здесь, на Земле.

«Неужели в легенде, которую рассказывал отец, было больше правды, чем вымысла?— подумал Рорел.— Неужели родина наших предков находится рядом с Землей?».

Вошли Олт и Ора, тоже взволнованные. Рорел подался к ним.

— Ну?

— Я не знаю, что подумать... У нас один и тот же генетический код... Может, я ошиблась?

— О чём ты говоришь, Ора? — воскликнул Олт. — Ты не могла ошибиться!.. Рорел, это страшно!

— Подождите, подождите! — Рорел приблизился, потрогал переносицу дрожащими пальцами. — Вы можете объяснить подробнее?

Ора виновато улыбнулась:

— У нас и у Хау тот же генетический код.

— Этого не может быть! — глухо произнес Эдд.

Мира быстро повернулась к нему:

— Почему?

— Во-первых, мы живем на планетах, расположенных в разных звездных системах, во-вторых, мы находимся на противоположных полюсах развития. Впрочем, тебе это известно самой, — закончил Эдд.

Рорел посмотрел на Парта:

— Ты?

— Я воздержусь.

— Ты?

Род выдержал взгляд Рорела:

— Не знаю. Наверно, Эдд прав.

Мира покала плечами:

— Не понимаю, к чему этот диспут? Ора сказала: у нас один и тот же генетический код. Это значит, что мы и земляне — ветви одного дерева.

— Позволь, позволь, — снова вступил в разговор Эдд. — Послушай, это несерьезно. Я считаю, что в открытии Оры ничего удивительного нет. Есть теория случайности, которая неоднократно подтверждалась.

Рорел повернулся к Оре:

— Какой элемент доминирует в биохимических процессах?

— Молибден.

— Как и у нас? — Рорел молча прошелся по обсерватории. — Понимаю, дело не в случайности... Ты не интересовалась генетическим кодом илзян?

— Не-ет. — Ора отступила к стене, не спуская с Рорела широко раскрытых глаз. Другие тоже боялись даже подумать о том, что он имел в виду.

— Жаль... Проверь генетический код других существ Земли... Может, Голт прав?

Эволюционист Голт задолго до ухода галактета в космос высказал предположение, что жизнь на Кирче была посеяна неведомой вселенской цивилизацией. Ученый ссылался на открытие биолога Гелла, который установил, что все живые существа Кирчи имеют единый генетический код. Голт рассуждал так: если бы жизнь на Кирче возникла произвольно, то она появилась бы в нескольких местах и в разное время. И тогда генетические коды разных организмов отличались бы друг от друга. Единый же генетический код может быть совместим с представлением о гипотетическом едином предке. Таким предком мог быть Разум, приславший на Кирчу колонию микроорганизмов.

Еще один довод подтверждал гипотезу Голта: во всех биохимических процессах на Кирче главенствовал молибден. Этот элемент редко встречался на планете, поэтому было удивительно, что именно он играл доминантную роль в поддержании жизни. Было бы понятнее, если бы жизнь Кирчи родилась в системе звезды, где молибден был в избытке.

Гипотеза Голта, получившая поддержку в Академии Наук Планеты, поставила перед учеными Кирчи целый ряд вопросов: жив ли Разум, посевший жизнь на Кирче? Использовал ли он для этого другие планеты? Какая цель стояла перед ним? Что побудило его сделать этот вселенский шаг? Может быть, он решил утвердить в мегамире расу

себе подобных? Или увидел, что кругом пустуют планеты и посеял на них жизнь, после же по каким-то причинам не сумел проверить, чем окончился этот эксперимент?

Ученые Кирчи не могли ответить на эти вопросы. Не помогли им и старые капитаны звездных кораблей, избороздившие Большой Мир вдоль и поперек.

Трудно сказать, что произошло дальше. Астронавты потеряли связь с Кирчей, как только вышли за пределы Большого Мира и развили собственную скорость. Возможно, гипотеза Голта подтвердилась, возможно, о ней забыли, найдя другое объяснение странному феномену, взбудоражившему Кирчу.

— Рорел! Мы должны найти эту цивилизацию!

— О чём ты, Мира?

Рорел растерянно огляделся. Разве ему не хотелось ответить на вопросы, которые когда-то поставил перед Кирчей эволюционист Голт? Может, цивилизация, колонизирующая планеты, находится в Олриазире?

Мира удивилась:

— Что с тобой?

— Извини, пожалуйста.— Рорел отошел от Миры, остановился у открытого иллюминатора, посмотрел на астронавтов, окруживших его.— Итак?

— Мира права: мы должны найти эту цивилизацию,— сказал Парт.

Только Эдд был не согласен — он считал, что этот поиск заранее обречен на неудачу, потому что гипотеза Голта построена на песке...

— Ее одобрила Академия Наук Планеты! — восхликала Ора.

Рорел попросил:

— Не спорьте. Кирча сказала, провожая нас в этот рейс: «Найдите себе подобных!» Вы знаете, мы нашли илзян и землян. Они, как и мы, с таким же упорством познают окружающий мир. У нас одни и те же цели. Один и тот же генетический код. Пожалуйста, Эдд, помолчи,— попросил Рорел, видя, что астроном собирается возразить.— Я уверен, что у илзян такой же генетический код. Скажи, почему они решили прилететь сюда?

Эдд усмехнулся:

— У них же умирает звезда!

— В этом регионе есть системы, находящиеся ближе к Инфре. Илзяне летят сюда по своей воле. Я думаю, что их позвал инстинкт. Собственно, мы тоже оказались здесь поэтому. Я совершенно уверен в этом!

Эдд снова усмехнулся:

— Мы оказались здесь потому, что встретили Разум Антисистемы. Он дал нам координаты Инфры.

— Я помню это, Эдд. Я помню и то, что мы могли не встретить Разум Антисистемы.

— Ты хочешь сказать, что эта встреча была организована? — Эдд так и подался к Рорелу, не в силах совладеть с собой.

Рорел выдержал небольшую паузу.

— Вспомни, Эдд! Мы скорректировали полет, как только очутились в Олриазире. Причем, сделали это, еще не зная, какая звезда интересует нас.

— Не думаю, что мы попали под влияние Разума Антисистемы,— с прежним упорством возразил Эдд.

Олт подошел к Рорелу:

— Послушай, возможно, Разум Антисистемы знает, как мы пришли в этот мир, поэтому и направил нас к Инфре?

— Возможно, Олт.

Стало тихо. Казалось, к иллюминаторам прильнула тьма, наполнив обсерваторию неуловимым призрачным движением. Астронавты замерли, стараясь понять, что происходит. Такое же напряжение царило в галактелете, когда Разум Антисистемы решил вступить в контакт с капитаном.

— Рорел!

— Я слушаю, Олт.

— Разум Антисистемы говорил, что он всегда рядом с нами, помнишь? Мы только не замечаем его. Может, мы ему обязаны всем, что имеем?

— Не знаю, Олт.

Тьма, казалась, отступила, в обсерватории снова воцарился прежний ритм.

Ора сказала:

— Рорел, мы должны обследовать все планеты Солнца. Я убеждена, что мы найдем на них следы тех, кто разбрасывал по вселенной зонды. Может, это делали наши братья и сестры?

— Чудаки! — улыбнулся Рорел. — Конечно, мы изучим всю систему Солнца. Это обогатит наши знания, даже если мы не найдем следов тех, кто некогда побывал на Кирче и на Земле.

Олт сказал:

— Можно завтра же отправиться на Марс или Венеру. Эти планеты во многом напоминают Землю. Возможно, на них тоже есть жизнь...

— Не спеши, Олт, у нас еще немало дел на Земле. — Рорел приблизился к астроному. — Эдд, покажи Луну.

Эдд включил Экраны Сближения. Тотчас открылось небо с характерной молочной полосой. Там, где ярко горели семь звезд, напоминающих ковш, пылал шар, сплюснутый с двух сторон.

— Ты думаешь, что именно эта планета была обителью тех, кто разбрасывал по вселенной зонды? — спросил Олт.

— Нет... Я решил показать ее по другой причине. — Рорел подошел к ближнему Экрану, протянул руку, будто хотел притронуться к Луне. — Она в будущем станет спутником Земли.

— Почему ты решил так? — спросила Ора.

— Эдд, мы слушаем тебя, — заметил Рорел.

Астроном начал издалека. Его слушали, не перебивая: все, что было связано с Землей, уже волновало астронавтов.

... Межпланетное пространство наполнено космической пылью, состоящей из ионов атомов и молекул. Планеты, вращаясь вокруг звезды, постоянно ощущают на себе влияние этой среды. Они движутся по спирали, неуклонно приближаясь к звезде.

Чем больше масса планеты и чем выше скорость, тем дольше она будет оставаться самостоятельным телом.

Иначе обстоит дело с такой планетой, как Луна, которая обладает малой массой и имеет небольшую скорость. Она быстрее станет сопротивляться среде — попадет под влияние гравитационных сил звезды и в конце концов упадет на ее раскаленную поверхность.

Это произойдет, однако, лишь в том случае, если рядом с такой планетой не окажется соседней, обладающей гораздо большей массой. Эта соседка постепенно «переманит» к себе малую планету и не выпустит ее из сферы своего притяжения.

У Луны подобной соседкой является Земля. Через определенный промежуток времени они встречаются: Луна — в перигелии, Земля — в афелии. Каждая такая встреча искажает орбиту Луны — она начинает приближаться к Земле. Ее будущее — стать спутником могучей соседки...

— Когда это произойдет? — спросил Олт.

— Через тридцать тысяч местных кругов.

— Мы в это время будем лететь домой,— сказала Ора.

— Подожди, Ора... Капитан, ты понимаешь, что случится с Землей?— Олт приподнялся с места.— Захват Луны может привести к гибели всех людей. Надо что-то предпринять! Нам не простят Илза и Кирча, если мы ничего не сделаем. Не забывай: теперь у нас есть родители. Они отвернутся от нас, узнав, что мы не помогли своим братьям и сестрам!

— Я и не знал, что ты еще и философ,— улыбнулся Рорел. Его забавляло то, что астробиолог с такой серьезностью говорил о гипотетических родителях Кирчи, Илзы и Земли.— Ладно, побереги нервы. Может, предложишь что-нибудь?

Олт видел только один выход из создавшегося положения.

— Мы должны взорвать Луну!

Рорел промолчал, Парт заметил:

— Здесь уже погибла одна планета.

— Ты против моего предложения? Возможно, что-нибудь сделают твои выпускники?

— Выпускники? Я подумаю об этом. Кстати, они могут предупредить людей о надвигающейся опасности.

— Разве этого мало?— подхватил Рорел.— Вспомни нашу попытку проникнуть в Антисистему. Если бы кто-нибудь сообщил нам, что это антимир, мы не действовали бы так опрометчиво.

— Может, к тому времени, когда начнется захват Луны, мы сумеем принять какие-нибудь меры,— заговорил Эдд.— Нам будут известны события, происходящие на Земле: космическая Станция справится с этим. Между прочим, мы думаем поставить ее на Холме Хау.

Холмом Хау астронавты назвали возвышенность, на которой был обнаружен первый землянин.

— Я считаю, что ни один из этих проектов не принесет пользы,— вступила в разговор Мира.— Мы должны сделать так, чтобы Луна не столкнулась с Землей. Вселенная устала от бессмысленных катастроф.

— Мы пока не умеем бороться с силами вселенной,— заметил Олт.

— Почему не умеем?— возразила Мира.— Мы можем установить на полюсах Луны реактивные двигатели. Необходимые материалы найдем на Земле.

— Это похоже на проект илзян,— задумался Парт.

— Замечательный проект,— одобрил Рорел. Он положил руки на плечи Миры.— Займись этим немедленно. Потомки Хау поставят тебе памятник. Кстати, где он?

— Хау? Спит. Ему сегодня пришлось столько пережить! Я бы, наверно, не вынесла... Вы знаете, он чем-то похож на брата Олта,— сказала Мира.— Олт, ты не заметил? Правда, твой брат не рискнул бы с голыми руками броситься на хищника.

— Ты плохо знаешь его,— сказал Олт.

— Нет, честное слово, у него не хватило бы смелости! Я восхищаюсь мужеством землянина!

Восторженность Миры почему-то неприятно задела Рорела. Чтобы астронавты не заметили этого, он встал и зашагал по обсерватории, повторяя: «Выпускники, Парт, могут оказать людям добрую услугу!»

Парт, должно быть, все-таки понял его состояние.

— Мы позабыли об илзянах,— свел разговор в сторону начальник лаборатории роботов.— Они, по всей вероятности, к моменту захвата Луны будут находиться в Системе. Я уверен, что никто из них не останется равнодушным, узнав о надвигающейся катастрофе.

— Нет, Парт,— замедлил шаги Рорел.— Илзяне в это время будут далеко. Планете не придашь собственную скорость. Они станут членами этой Системы, когда Луна превратится в спутник Земли. О

том грандиозном катаклизме, который изменит облик обеих планет, на Земле к прилету илзян позабудут. Останутся только легенды... Давайте положимся на гений Кирчи. Сделаем все, чтобы в этой Системе больше не было разрушительных катастроф.

Он подошел к телескопу и посмотрел на Луну, которая уже остановила позади Звездный Ковш и приближалась к размытому пятну Большого Мира. Она плыла по извечному кругу, подчиняясь великому закону Мироздания, равнодушная к судьбам Жизни.

Одетая в прочные гиперонные желоба, Космическая Станция, как гигантский столб, высоко поднималась в небо. На ее острых боках ярко пылали лучи вставшего над горизонтом Солнца. Астронавты, собравшиеся у подножия Холма Хау, с гордостью смотрели на это удивительное творение, мысленно переносясь на далекую Кирчу, которая ничего не пожалела для них, собирая в дорогу к Олриазиру.

— Убери желоба, Эдд,— приказал капитан.

— Хорошо, Рорел.

Астроном вызвал по радиофону помощника, передал приказ.

Почти тотчас желоба начали плавно расходиться в стороны, обнажая светло-желтый корпус Станции. Когда они коснулись грунта, послышалась тихая музыка. Астронавты невольно вытянулись, обнажив головы и опустив руки: над Землей зазвучал всепланетный гимн Кирчи.

Эдд принялся объяснять, как только замер последний звук:

— Работа Станции запрограммирована на миллион кругов. Она будет автоматически передавать информацию с Земли на Кирчу через каждые две тысячи кругов. Через такой же промежуток времени она будет принимать информацию с Кирчи. При желании эту программу можно изменить, что мы, очевидно, и сделаем, уйдя в глубокий космос.

Олт понимал, почему Эдд принялся объяснять то, что каждому астронавту было давно известно. Эдд пытался как-то унять волнение, охватившее его с утра, когда капитан объявил о полете к другим планетам Системы.

— Откровенно говоря, мне жаль расставаться с Землей,— признался Эдд, наконец.— Я бы с удовольствием еще побывал на ней. Она похожа на Кирчу!

— Если бы Земля находилась в Большом Мире!— вздохнул Олт.

— Что бы ты сделал тогда?— быстро обернулась к нему Ора.

— Разве ты не знаешь? Я бы переселился на нее вместе с тобой и подружился бы с ее жителями. Хау, ты не прогнал бы нас?

Хау улыбнулся. Нет, он не прогнал бы этих красивых людей. Они многому научили его и научили бы других, если бы не улетели.

— Ты можешь остаться у нас сейчас,— еще шире улыбнулся Хау.— Мы дадим тебе лучшую пещеру. Сделаем своим вожаком.

— Заманчивая перспектива,— задумался Олт.— Ора, что скажешь?

— Я с тобой!— не задумываясь, ответила Ора. С Олтом она готова была остаться на любой планете вселенной.

Мире не понравился этот разговор. Они вдохнули разум в человека Земли, чтобы понять его и оказать помощь. Такими же, как Хау, когда-то были предки Кирчи. Может быть, над ними тоже вот так потешались космические пришельцы?

— Хау, ты прости нас,— Мира положила ладони на руки землянина.

Он не мог понять ее и поэтому ничего не ответил.

— Рорел,— Род подошел к капитану.— Пригласи Хау на Кирчу. Так для него будет лучше!

У Рорела, как и тогда, в обсерватории, тревожно забилось сердце. Он неуверенно попросил:

— Сделай это ты, Род. У тебя лучше получится. Я плохой дипломат.

— Хорошо.

Хау не пришлось уговаривать — он согласился лететь сразу. Его уже манили неведомые дали мира.

Через некоторое время Рорел поднялся на Холм Хау, встал рядом с Космической Станцией, обвел всех взыванным взглядом.

— Друзья, сегодня мы покидаем Землю,— сказал он, когда все умолкли.— Мы полюбили ее, как Кирчу, и, улетая, оставляем на ней частицу наших сердец. Я твердо убежден в том, что через несколько тысяч кругов ее жители познают тайны вещества и так же, как мы, проложат дорогу в космос. Они посетят когда-нибудь Кирчу и оставят на ней память о своем пребывании...

— Увидеть бы это! — вздохнула Мира.

Она говорила тихо, однако ее услышали. Многих привлекала эта мысль прилететь на Землю еще раз.

Кирча за эти двести пятьдесят тысяч кругов, которые они проведут в пути, уйдет далеко вперед. Ее жители достигнут таких грандиозных вершин в науке и в технике, что никто из возвратившихся не сможет найти с ними общий язык. Так не лучше ли будет, отдохнув несколько кругов, снова отправиться к Земле?

Рорел продолжал:

— Впереди у нас — новые планеты Солнца. Илзяне сообщили, что на них нет следов Разума. Наш же уважаемый Эдд заверяет, что Разум существует еще на двух планетах...

— Возможно, на одной из этих планет жили наши предки? — подал голос Олт. Он упрямо возвращался к древней легенде.

— Родина наших предков — Кирча, — недовольно отозвался Парт. Ора пожала плечами:

— Мы запутались в своей родословной: то считаем, что нас кто-то создал, то считаем, что мы сами пришли в этот мир, что сначала мы появились здесь, в этой Системе. Скажите, что случилось, откуда такая непоследовательность? Мы устали? Одряхлели?

— Ты не права, Ора, — поднял руку Рорел. — Мы придерживаемся одной гипотезы. Разве не могло произойти так? Некая цивилизация, действительно, посеяла жизнь на планетах Солнца. В связи с тем, что условия на планетах разные, жизнь развивалась то слишком бурно, то слишком медленно. Значит, на одной планете люди появились раньше, на другой позже, и наши предки, судя по всему, родились на планете, где жизнь развивалась бурно. К сожалению, потом что-то произошло: может, планета оскудела, может, ее поразил какой-нибудь мор! Поняв, что жить на ней дальше невозможно, люди построили корабли и ушли в космос. Одни, по-видимому, ушли к звездам, другие расселились на планетах Солнца.

— Если наши предки пришли отсюда, то чем объяснить то, что все живые существа Кирчи имеют единый генетический код? — спросил Парт. — Возможно, они прибыли на Кирчу вместе с нашими предками?

— Не думаю, что дело было так. Скорее всего, жизнь на Кирче посеяла та же гипотетическая цивилизация. Если же наши предки взяли с собой некоторых представителей фауны, то они слились с существами Кирчи, не нарушив эволюции.

— Не знаю, — сказал Парт.

Рорел окинул взглядом громаду Станции, посмотрел на астронавтов, сгрудившихся около нее, решительно тряхнул головой.

— Друзья, впереди еще немало времени. Думаю, что мы сумеем

ответить на все вопросы, которые волнуют нас. Сейчас же прошу всех подняться в галактелет. Нас ожидает Венера.

Астронавты расходились постепенно, то задерживаясь возле какого-нибудь цветка, то, подняв головы к небу, любовались его бездонным голубым куполом.

Хау прощался со своими родичами, которые пришли, как только узнали, что его забирают с собой Сыны Неба. Они стояли перед ним на коленях и не спускали с него покорных глаз.

Парт давал последние указания выпускникам. С ними было легче, чем с живыми существами. Парт наделил их любовью к Земле, и они уже жили ее делами и заботами.

— Мы не хотим, чтобы произошел захват Луны, если же все-таки это случится, организуйте хорошую передачу. Это очень важно, понимаете? Мы должны знать все, что произойдет на Земле в этот период. Попробуйте сделать также снимки в космосе. Не забывайте о деталях. Следите все время за небом. Олриазир велик. В него входит двести миллиардов звезд. Могут появиться пришельцы. Ведите себя так, чтобы они не заметили вас. Сами же сделайте все, чтобы узнать, где находится их система.

Парт пожал руки выпускникам и, не оглядываясь, поднялся в галактелет.

Мира посмотрела на землян, по-прежнему стоявших на коленях перед Хау. В ее миндалевидных глазах сверкали слезы. Губы кривились в жалкой улыбке. Ей хотелось подойти к Хау и избавить его от унизительного зрелища.

— Видишь? — сказала она капитану. — У меня сердце разрывается... Хватит ли сил у Хау вынести разлуку с родиной? Сумеют ли земляне когда-нибудь оценить его поступок? Будут ли они вообще знать, что он существовал? Космическая Станция не может работать вечно.

— Не беспокойся, Мира, — сказал Рорел. — Хау теперь стал для землян таким же божеством, как я или ты. Значит, легенды сохранят память о нем.

— Я вспоминаю наши проводы в космос, — Мира вытерла слезы. — Какой это был триумф! Вся планета ликовала! Мне казалось, что я умру от счастья.

— Земля тоже будет ликовать, когда возвратится Хау.

— Ты думаешь, что мы еще вернемся сюда? — вскинула голову Мира. — Нет, не шути! Я говорю серьезно. Это может случиться, да?

— Разве тебе не хочется увидеть, какими станут потомки Хау?

— Ах, Рорел, Рорел, ты такой удивительный! Скажи, — Мира неожиданно прикоснулась к капитану. — Почему ты не женишься? Сколько тебе? Сорок? Пятьдесят?

— Пятьсот тысяч.

— Я говорю о времени Кирчи. Без жены, наверно, скучно. Если бы Ри был жив, мы сыграли бы с ним свадьбу здесь, на Земле, около Космической Станции. Пусть бы на Кирче увидели, что мы не пали духом, совершив этот грандиозный перелет. Ты почему молчишь? Смотри, смотри, какая большая птица! Она парит, как биоплан. Земля, я не хочу покидать тебя, слышишь?

Подошел Хау.

— Вы меня ждете? Я готов!

Мира протянула руку:

— Пошли!

Рорел не спускал с них глаз, пока они не поднялись в галактелет. У него опять отчего-то больно защемило сердце, усталость сковала все тело. Казалось, что кто-то самый дорогой навсегда уходил от него, уносился с собой часть жизни. Такое же чувство испытывал он, когда потерял жену на Ледяной Планете двух звезд, в центре Большого Мира.

Она погибла неожиданно, нелепо... С того времени ему не встречалась женщина, которую он мог бы полюбить...

— Рорел! — позвал Олт.

— Иду!.. Кирча, ты слышишь? Мы снова уходим в космос! Пожелай нам новых удач! Мы сделаем все, чтобы оправдать твоё доверие! Жди нас с человеком Земли!

Рорел помахал рукой Космической Станции, словно она была живым существом, повернулся и неторопливо направился к галактелету.

Через некоторое время галактелет плавно поднялся над низменностью и, задержавшись на мгновение на небольшой высоте, стремительно рванулся вверх, в небо, залитое желтыми лучами полдневного солнца.

Земляне смотрели на корабль, пока он не превратился в ослепительную искру и не исчез за горизонтом. Они беспрерывно повторяли имя Хау и, припадая к земле, целовали ее сухими обветренными губами.

Особенно страстно и долго выполняли этот однообразный ритуал двое коленопреклоненных соплеменников.

Тетрадь шестая

Захват Луны

Передача из космоса ненадолго прекратилась. Очевидно, ее организаторы хотели подчеркнуть, что огромнейший период времени разделял отлет кирчан с Земли и репортаж Тобола о захвате Луны.

О самой Луне в репортаже говорилось мало, больше показывались картины великого бедствия, обрушившегося на Землю.

Астронавты снова находились в капитанской каюте и смотрели на Большой Экран. Они почти не изменились, были такими же молодыми и сильными. Только у Рорела волосы стали совершенно белыми. На щеке появился глубокий шрам.

Экран вспыхнул ровным светом, и на нем возник Тобол.

— Здравствуйте, друзья! Я не жду от вас ответа, вы сейчас далеко за пределами Олриазира. То, что вас тревожило, когда вы покидали Землю, — захват Луны, — все-таки состоялось... Мира, твоей вины в этом нет. Дело в том, что незадолго до начала работы двигателей времени Луна столкнулась с огромным метеоритом, который вывел из строя главную установку. Наши усилия ничего не дали.

Тобол секунду-другую молчал, словно хотел, чтобы астронавты за это время осознали то, что произошло на одном из миров бесконечного Олриазира.

По каюте прошел тяжелый вздох — астронавты не ожидали такого поворота событий. Они были уверены, что двигатели выведут Луну на другую орбиту, избавив людей Земли от страшных испытаний...

В каюте снова раздался скрипучий голос Тобола:

— Люди Земли по-прежнему суеверны и во всем видят проявления сверхъестественных сил. Картины, которые мы показываем сейчас, относятся к периоду захвата Луны. Кстати, недавно сюда прилетели илзяне. Мы обращались к ним, однако они ничем не могли помочь, так как потерпели в пути катастрофу и потеряли больше

половины астронавтов. Илза еще в дороге. Она достигнет границ Системы через тринадцать тысяч земных лет. Итак, смотрите!

Тобол исчез. Некоторое время на экране дрожали какие-то бесформенные пятна, затем началось...

Толпа, собравшаяся около огромного каменного здания, с ужасом смотрела на небо, по которому двигалась крупная звезда с ярким, острым, как меч, хвостом. Звезда с каждой минутой становилась все больше и больше и, наконец, превратилась в огромный шар.

— Хвостатый Дракон спускается на Землю! — послышался истошный крик.

— Мы прогневили богов, — выступил из толпы толстый мужчина. — Надо разжечь на площади святого Митры костер и принести в жертву рабов. Это спасет нас от беды.

Небо потемнело. По улице пронесся сильный ураган. Люди бросились к домам, в окнах которых мерцали тусклые огни. Раздался грохот. Почти тотчас в небо поднялась огненным гигантским горбом лава. Все вокруг осветилось кроваво-красным светом. Смертоносный поток хлынул вниз, на город, раскинувшийся у подножия гор.

— Хвостатый Дракон спускается на Землю! — снова послышался истошный крик.

Люди, охваченные животным страхом, позабыли о богах, бежали по улицам пылающего города, ничего не видя и не слыша, наполняя воздух дикими криками.

Между тем вторично раздался грохот. Лава, прорвав узкую гряду скал, за считанные минуты затопила город.

— Так погибла столица атлантов Посейдонис, — сообщил Тобол, появившийся на экране. — У нас есть несколько кадров, рассказывающих о культуре атлантов. Смотрите... Хау, ты слышишь меня? Смотри тоже!

Это было необычное, ни с чем не сравнимое по величине круглое сооружение, занимавшее часть полуострова. Оно возвышалось на краю крутого обрыва, у которого плескались волны океана.

Его укрепляли по бокам сферические колонны, оно было покрыто драгоценными металлами — золотом и серебром. Наверху стояла гигантская статуя. Вокруг нее, укрепленные на тонких, едва видимых брусьях, двигались одиннадцать шаров. От сооружения расходились в три стороны небольшие постройки из камня.

— Это Храм Бога Солнца, — сказал невидимый Тобол. — Он сооружен больше тысячи лет назад зодчим Клавдием Лицием Актом.

Сооружение исчезло, на его месте стала вырисовываться пирамида. Судя по всему, она была еще величественней Храма Бога Солнца. Ее вершина терялась в бездонной синеве неба.

— Смотрите, смотрите! — Олт указал на живое месиво у основания пирамиды.

Люди, десятки тысяч людей. Они подтаскивали к пирамиде огромные изваяния животных, высеченные из гранита. Для них уже готовы были постаменты, облицованные белым мрамором, стоявшие у входа в пирамиду. Над ними ярко пылали красные звезды.

— Вы видите строительство усыпальницы царя атлантов Хуру-Карагосугора, — снова зазвучал голос Тобола. — Оно продолжается уже пятьдесят лет. Здесь день и ночь работают сто тысяч рабов. Царь решил затмить этим сооружением Храм Бога Солнца.

Широкая, выложенная камнем, дорога огибалась несколько красивых мраморных дворцов, утопавших в зелени, и вела к горам, видневшимся вдали. Она проходила мимо небольших селений, разбросанных

по берегам рек и озер, мимо пашен, на которых работали люди, высокие деревья тянулись по обеим ее сторонам.

В горах дорога то поднималась к облакам, то круто падала в долины, то проходила по перекинутым через расщелины чугунным мостам, то исчезала в темных тоннелях, чтобы выйти к раскрывшемуся во всю ширь океану. Отсюда, сделав гигантскую петлю по крутому берегу, дорога поворачивала вправо и снова шла в горы.

— Мы едем с вами по Великой трассе Атлантиды к самому величественному сооружению людей Земли — памятнику Сынам Неба, — продолжал Тобол. — Он строился около четырехсот лет и по своей красоте не уступает творениям цивилизации Кирчи.

Нет, Тобол не преувеличивал, говоря о памятнике Сынам Неба, то, что увидели астронавты, потрясло их не меньше, чем открытие антимира.

Сыны Неба стояли на огромной пирамиде, высеченной в скале. Они смотрели на землю, решительные и гордые, недосягаемые, как небо. Особенно выделялась в центре фигура мужчины с факелом, поднятым над головой. Факел горел жарким пламенем, споря с полдневным солнцем.

— Ночью и днем Сыны Неба указывали путь кораблям, бороздившим просторы океана, — заговорил Тобол. — Я не ошибся, сказав: «указывали». Теперь этого памятника нет. Нет Атлантиды. Хвостатый Дракон, как называют земляне Луну, проглотил ее вместе с людьми. Смотрите, как это произошло...

Из затемнения, в котором исчез памятник Сынам Неба, появились Земля и Луна. Они медленно плыли среди звезд, освещенные светом Солнца. На них хорошо были видны материки и океаны, горы и низменности.

Вот обе планеты почти сравнялись: Луна, застыв на миг, свернула с извечного пути и быстро полетела к Земле, однако не упала на нее — пролетела мимо и, отлетев на некоторое расстояние, снова повернулась к ней, будто попала в невидимую сеть.

Тотчас на Земле от полюсов к тропикам неслыханно могучим ураганом пронеслась атмосфера и, вздувшись огромным кольцевым валом, умчалась в мировое пространство. На материках вспыхнули вулканы невиданных размеров, появились огромные трещины, вздыбились новые горы. Там, где только что была суши, засверкали водоемы. Одновременно с севера и юга двинулись к экватору гигантские валы ожившего океана. Они мчались с чудовищной быстротой и поглощали попадавшиеся на пути острова.

— Атлантида! Атлантида! — вскрикнула Мира.

Храм Бога Солнца, пирамида царя Хуру-Карагосугора, памятник Сынам Неба, Великая Трасса, люди, в страхе метавшиеся по ней, вулкан, продолжавший заливать столицу Атлантиды Посейдонис, — все исчезло в кипучем водовороте.

Однако на этом не кончились беды Земли — еще более страшные разрушения произвели воды океана, соединившись крутыми стенами на экваторе.

В эти мгновения не только у Миры не выдержали нервы — Олт, Ора, Парт, Эдд отвернулись от экрана, искренне жалея о том, что не согласились взорвать Луну, когда находились в Системе Солнца.

— Неужели погибли все люди? — со стоном проговорил Хау.

— Этого не может быть, — отозвался Рорел. — Земля большая, жизнь где-нибудь сохранилась. Ты не убивайся так, — он положил руку на плечо землянина. — Я уверен, что твои потомки невредимы. Они расселялись далеко от океана.

— Ты погляди, что происходит, — указал Хау на экран.

Однако ни землянин, ни кирчане уже не видели разбушевавшейся

стихии — на экране снова появился Тобол. Он слабо улыбнулся и, потрогав взъерошенные волосы на висках, виновато сказал:

— Вот так все произошло! Мы сделали все, чтобы помочь землянам, однако это не принесло результатов,— продолжал он рассказ.— Нас сначала выслушивали, потом стали избегать. По Земле поползли тревожные слухи о дьяволе, вышедшем из преисподней, чтобы завладеть душами колеблющихся. Меня даже запирали в темницу. Главный жрец Атлантиды Васко Порпурос приходил побеседовать со мной. Он был жестоким человеком и приказал сжечь меня на площади святого Митры. Пришлось воспользоваться своими «дьявольскими» возможностями,— печально улыбнулся Тобол.— Я исчез, когда меня подвели к костру, вселив в собравшихся неописуемый ужас. После этого мы не показывались людям.

Тобол исчез. В то же мгновение, вспыхнув голубоватым пламенем, погас экран. В каюту вошел космос с мириадами неподвижных солнц.

Астронавты по-прежнему не спускали глаз с экрана, ожидая продолжения репортажа. Не верилось, что Тобол окончил передачу, не сообщив о дальнейшей судьбе тех, кто остался на Земле.

Так и получилось: Тобол вскоре появился снова.

— Простите, небольшие технические помехи вынудили меня на время прервать репортаж. Вы, наверно, рассердились?— испытующе посмотрел Тобол перед собой.— Я хочу коротко сообщить о последствиях катастрофы. Впрочем, сначала разрешите сказать несколько слов о Луне. Она теперь мирно светит на ночном небосклоне Земли. Правда, несколько раз в году люди еще подвергаются большим испытаниям. Дело в том, что тяготение Земли взламывает ледяной покров застывшего океана Луны. Вода, испаряясь, окутывает планету облаком молекулярных ледяных кристаллов. Кристаллы не выдерживают давления солнечных лучей и ледяным шлейфом рассеиваются далеко за пределами Луны. Земля, двигаясь по своей орбите, время от времени пересекает этот шлейф. Он смешивается с атмосферой и обрушивается на Землю невиданными ливнями.

— Ну, это не такая трагедия,— сказал Хау.

— Захват Луны, как вы уже видели, произвел огромные разрушения,— продолжал Тобол.— Однако люди не погибли. Они с новой энергией вступили в борьбу с неведомыми силами природы, раскрывают ее тайны. Мы надеемся увидеть торжество Разума в самом ближайшем будущем. Оно наступит гораздо раньше вашего возвращения сюда. Ора, ты слышишь? Прилетай скорее, теперь у нас тоже имеется спутник. Он так же великолепен, как и спутник Кирчи. Кстати, на севере и на юге ожидаются оледенения. Что это значит, вы знаете...

— Знаем,— сказал Олт. Он вспомнил холодные просторы Марса, охваченные жестоким оледенением: ни травинки, ни кустика, повсюду щебень, камни, песок...

Тобол продолжал:

— Недавно на Земле появился космический разведчик. Я не могу пока сказать, откуда он прилетел, какая цель стоит перед ним, кто прислал его. Не знаю, как приблизиться к нему. Он окружен мощным полем плазмы. Вы говорили, что жизнь на Земле посеяла неведомая цивилизация. Возможно, теперь эта цивилизация проверяет, появилась ли жизнь? Или сверяет данные, полученные раньше, другим разведчиком. Я считаю, что мы не должны пренебрегать этим неведомым посланцем, тем более сейчас, когда Земля вступает в новый период борьбы за свое существование. Сообщите, как мне быть? Хау, не забыл ли ты свою родину? Помни всегда: ты — Сын Земли!

Тобол исчез. Астронавты молчали.

Михаил Гребенюк

Чародок времени

Рисунки В. Будаева

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Тетрадь седьмая:

Отвергнутая гипотеза

Костя молча глядел на дорогу, петлявшую между холмами. Рядом с ним Виктор ухватился за металлические скобы, укрепленные в ведущем. Остальные помещались сзади.

Надя сказала:

— У нас тоже была гипотеза о посеве жизни на Земле, помните? Ее выдвинул Болл, использовав открытия Крика и Оргели.

У Кости взволнованно забилось сердце. Черт возьми! Оргели и Крик установили то же, что и Гелл! На Земле все живые существа имели один генетический код. В биохимических процессах доминирующую роль тоже играл молибден, редко встречающийся на планете. Неужели жизнь на Земле и Кирче в самом деле — результат эксперимента неведомой цивилизации?

— Виктор, почему мы отвергли гипотезу Болла? Павел Михайлович, кажется, вы тоже приложили к этому руку?

Павел засмеялся:

— Не ошибается тот, кто ничего не делает. Впрочем, я и теперь не согласен с Боллом. Жизнь на Земле зародилась самопроизвольно.

Аскад так и рванулся к Павлу:

— О чём вы, Павел Михайлович! Мы же увидели подтверждение гипотезы Болла. Простите, вы напоминаете мне Эдда, честное слово!

— Не понимаю, чем не понравился вам этот кирчанин,— не без иронии сказал Павел.

— Тем же, чем и вы: упорством в отрицании истины!

— По-моему, вы упустили из виду немаловажную деталь: Эдд не отрицал вмешательства Разума в эволюцию той или иной планеты. Он возражал против гипотезы о посеве жизни на Кирче и на Земле, увидев в теории Гелла подтверждение Теории Случайности. Я с ним согласен. Разве можно обвинить меня за это в невежестве или в упрямстве?— Павел пожал плечом.— Я не понимаю вас.

Аскад махнул рукой:

— Слепой ортодоксализм!

Костя подлил масла в огонь, нарочно притормозив вездеход:

— Голт и Болл правы: жизнь на Кирче и на Земле посеяла неведомая цивилизация. Сейчас ее представители присутствуют на Земле, возможно, и на Кирче.— Костя помолчал немного и выбросил свой главный козырь:— Скажите, почему до сих пор учёные не раскрыли тайну НЛО? Не могут или не хотят?

— Голубчик, о чём ты говоришь?— воскликнул Павел.

— О «летающих тарелках»!

— Никаких «летающих тарелок» не существует, запомни!

Вмешался Аскад, почему-то понизив голос:

— С чем же мы все-таки имеем дело?

— Вы не знаете?— Павел скривил губы.

— Не знаю.— Аскад снова подался к Павлу.— Вы тоже не знаете.

Только делаете вид, что знаете. Хотите несколько примеров?

— Сделайте одолжение, голубчик!

— В июне тысяча девятьсот пятьдесят второго года газеты США сообщили, что над Вашингтоном появилась армада «летающих тарелок», зафиксированных радарами. Реактивные самолеты тотчас поднялись в воздух и прочесали небо над городом, однако ничего не обнаружили. Несколько летчиков, правда, сообщили, что видели быстро удаляющиеся световые точки.

— Ну и что?

— Диапазон скоростей «летающих тарелок» колеблется от нуля до пятидесяти-шестидесяти километров в секунду. Скажите, могли самолеты США догнать эти так называемые световые точки?

Павел промолчал.

— Шла вторая мировая война,— тем же академическим тоном продолжал Аскад.— В Средиземном море несли службу сторожевые крейсеры Германии и Англии. Однажды на экране радиолокатора одного из них появилась цель, находящаяся в пределах досягаемости орудий. Капитан приказал открыть огонь. Артиллеристы посыпали снаряды точно в цель, однако она продолжала присутствовать на экране радиолокатора. Когда были израсходованы все снаряды, крейсер пошел на сближение с целью и, дойдя до места, где она должна была находиться, ничего не обнаружил...

Аскад продолжал:

— В апреле тысяча девятьсот шестьдесят третьего года реактивный самолет «Боинг-720», летевший из Флориды в Чикаго, потерпел катастрофу. Оператор радара видел на экране, как самолет сближался с предметом, напоминающим «летающую тарелку».

Павел наконец сказал:

— Не понимаю, чего вы хотите? Неужели серьезно считаете, что

эти проишествия связаны с пришельцами? Нельзя же так школьски подходить к подобным вопросам!

— Полагаете, что вы относитесь к ним по-другому? Я имею в виду не только вас,— поправился Аскад.— Помните сообщения ваших приверженцев? «Летающие тарелки»— плод большой фантазии». Так, что же все-таки периодически появляется в небе Земли?

— Мы еще недостаточно знаем мир, в котором живем,— неуверенно проговорил Павел.

— Я слышал это сотни раз,— с пренебрежением бросил Аскад.— Я так понимаю: если существует тайна, то ее необходимо раскрыть. Если мы не можем, это не значит, что следует отмахиваться от нее. Хотите еще пример?

Павел сделал неопределенный жест.

— В тысяча девятьсот семьдесят шестом году экипаж научного судна «Владимир Воробьев» оказался свидетелем необычного явления. Вокруг судна в радиусе двухсот метров вращалось против часовой стрелки белое пятно, распадаясь на восемь частей. Эхолот показал, что пятно находится на глубине трехсот метров. Одновременно эхолот обнаружил некую массу под килем судна.

— Вы считаете, что это тоже НЛО?

— Да.

— Право, нам не о чем больше говорить. Возможно, вы вспомните еще загадочные исчезновения в районе Бермудского треугольника?

— Нет. Хотя я и не исключаю связь НЛО с этим феноменом. НЛО появилось на Земле давно. Кстати, Аристотель называл эти загадочные объекты «небесными мисками». Почти «тарелки»! Они появлялись над войсками Тутмоса Третьего и Александра Македонского. Об этом красноречиво повествуют летописцы. Рассказывает об этих странных явлениях и Плиний. Наконец, вспомните сообщение Войновой.

— Что вы имеете в виду?— спросил Павел.

Аскад продолжал:

— Это случилось в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Войнову принял Далай Лама. Вы представляете, какое место в жизни тибетцев занимает этот человек? Далай Лама сказал, что в горах находятся звездные люди. Войнова подумала, что он имеет в виду людей неведомого племени, поэтому сказала, что готова встретиться с ними. «Ни в коем случае!— воскликнул Далай Лама.— Они не хотят встречаться с нами!» Войнова с недоумением заметила: «Разве они не встречаются с вами?»—«Я бог»,— смущенно произнес Далай Лама. Пожалуйста, наберитесь терпения, Павел Михайлович,— попросил Аскад.— Войнова наконец поняла: Далай Лама говорит о людях, пришедших со звезд.

— Ну?— нетерпеливо спросил Костя.

— Далай Лама не сразу согласился познакомить Войнову с пришельцами,— продолжал Аскад.— В книге, выпущенной в двухтысячном году, есть рассказ об этом. Правда, он обединен нелепыми комментариями. Пришельцы приняли Войнову в корабле. Судя по всему, она понравилась им, и они установили с ней постоянный контакт. Клянусь, если бы это произошло со мной, то счастливее человека, чем я, вы не нашли бы на Земле!

— Аскад Азимович, вы фантазер!

— Можете не верить, Павел Михайлович, я не обижусь, только, прошу вас, выслушайте до конца... Войнова сообщила пришельцам о засухе в Америке и спросила, нельзя ли чем-нибудь помочь людям, оказавшимся в трудном положении. Пришельцы ответили, что они не имеют на это права.

— Почему?— удивился Чарли.

— Почему?— задумался Аскад.— Не знаю. Может, Войнова зна-

ла. По-видимому, иногда они все же вмешиваются в нашу жизнь. Правда, делают это осторожно, чтобы не обидеть нас. Я думаю, что мы действовали бы точно так же, если бы оказались в другом мире.

— Тысяча и одна ночь! — Павел засмеялся.

— Я не убедил вас? Очень жаль. Может, еще пример? Все-всё! — Аскад не сдержал слово — вытащил из кармана блокнот, нашел вложенную в него пожелтевшую вырезку из газеты и прочитал: «Жители города Каменска явились свидетелями необычного явления природы. Сегодня около четырех часов утра в небе появилась огромная звезда и медленно направилась к городу, импульсивно посыпая на землю снопы света. Очнувшись над городом, она расплаталась над ним в виде медузы и осыпала его множеством тончайших лучевых струй. Через некоторое время звезда превратилась в яркий полукруг и полетела в сторону Большого Озера, оставив в тучах промоину красного цвета. Это явление, по свидетельству очевидцев, продолжалось двенадцать минут». Итак?

— Вы хотите знать, что это было? — Павел, очевидно, успокоился. Он задал вопрос ровно, словно разговор зашел о привычных вещах.

— Хочу, — сказал Аскад.

— Метеорит. Вы не согласны?

— Я преклоняюсь перед авторитетами. В тысяча девятьсот девяносто седьмом году, когда звезда появилась над Каменском, академик Крас тоже сказал: метеорит. Очевидно, я безнадежный дилетант. Представьте, никогда еще не слышал, чтобы метеориты останавливались над городом и осыпали его лучевыми струями. Может, это был космический зонд? Или корабль?

— Перестаньте, прошу вас!

— Пожалуйста, — Аскад еще раз нарушил обещание. — Я уважаю прессу, однако в данном случае она погрешила против истины. Сразу после опубликования этой заметки в Каменске побывал Косинский. Полагаю, что вы слышали о таком архитекторе? Его бани в Ташкенте считаются лучшими в мире. Так вот, он рассказывал: звезда действительно превратилась в яркий полукруг. От нее отделился небольшой блестящий диск, который приблизился к площади и повис над ней. Из этого диска вышли два человека в серебристых одеждах. Они обрызгали площадь зеленою жидкостью, испускающей неприятный резкий запах, покрутились около диска и скрылись в нем. Диск возвратился к звезде. Она втянула его в себя и только после этого полетела в сторону Большого Озера.

— Вы кончили? — В голосе Павла появилось напряжение.

Аскад спрятал в блокнот вырезку из газеты.

— Я считаю так: НЛО порой движутся в слое искусственной плазмы, поэтому и недоступны для визуальных наблюдений. Плазма является отражателем радиоволн. Радар надежно обнаруживает плазму, по чувствительности он может соперничать с радиотелескопом.

— Ну? — Этот вопрос задал Костя, потому что Павел, отвернувшись, глядел на барханы. Судя по всему, он не хотел больше дискутировать.

Аскад снова откинулся на спинку сиденья.

— Вот и ну! НЛО — объективная реальность. Мы не должны закрывать на это глаза. Иначе нанесем себе вред... Слушай, ты попробуй связаться с Тоболом, — неожиданно предложил Аскад.

Костя остановил вездеход.

— Ты шутишь?

— Нет... Говорят, что ты йог. Йоги могут общаться с Шивой, Вишну, ну, и прочими богами. Боги — это пришельцы, так считали современники Хау, так считали и современники Будды. Тобол придет к тебе, я уверен в этом. Поговори с ним по душам.

— Не знаю...

— Кажется, в словаре йогов нет слова «не знаю», «не могу», Тобол откликнется, вот увидишь!

— Хорошо.

Костя включил скорость — вездеход снова полетел по пустыне.

Надя неожиданно сказала:

— Атланты, судя по всему, далеко опередили другие народы, жившие на Земле. Если бы не этот катаклизм, они, наверно, давно побывали бы на всех планетах Солнца.

— Возможно,— тихо проговорил Чарли. Он тоже хотел отвстить на вопросы, заданные кирчанами.

— Атлантида — не единственное государство, погибшее в прошлом,— поддержал разговор Виктор.— Землю периодически, каждые двенадцать тысяч лет, потрясали страшные катаклизмы. Они отбрасывали народы назад, к пещерам.

— Я что-то слышала об этом,— сказала Ибодат.

— Каждые двенадцать тысяч лет сближение Земли и Луны производило невиданные разрушения на суше и на воде. Помните календарь, найденный в Южной Америке? Кое-кто полагает, что это инопланетный календарь. Я думаю, что это памятник древней цивилизации, погибшей во время сближения Луны и Земли,— продолжал Виктор.

— Виктор Сергеевич, неужели вас тоже загипнотизировала эта передача?— удивился Павел.— Надежда Петровна, рассудите нас!

Надя держала нейтралитет — она не стала оспаривать предположения Виктора, но будто случайно заметила, что эта передача вновь значительно увеличит выпуск книг об Атлантиде. Если в тысяча девятьсот восемидесятом году, сказала она, на Земле было опубликовано сорок тысяч трудов, рассказывающих о загадочной стране, если в двухтысячном году их было выпущено пятьдесят тысяч томов, то теперь, за два-три года, эта цифра увеличилась вдвое.

— Туговато придется атлантоманам,— засмеялся Виктор.

— Ты скажи, когда этим непоседам было легко? Они всегда о чем-нибудь спорят. Всегда что-то ищут!

Костя решил внести свою лепту в тайный заговор Нади и Виктора.

— Небоманы не лучше атлантоманов,— сказал он.

— Согласна,— подхватила Надя.— Только атлантоманы более фанатичны.

— Мы тоже такие,— не сдавался Костя. Ему было приятно причислять себя к многочисленной армии небоманов.

Надя ответила улыбкой.

— Все же нам далеко до атлантоманов! В Сорbonne в тысяча девятьсот двадцать девятом году на собрании общества исследователей Атлантиды кто-то сказал, что такой страны вообще не существовало. Знаешь, что поднялось? Атлантоманы пустили в ход кулаки. А один даже бросил на кафедру бомбу со слезоточивым газом!

— Здорово,— засмеялся Чарли.

— Послушайте, Тобол сказал, что космический разведчик, появляющийся на Земле, окружен плазмой. Аскад тоже считает так, значит, среди нас действительно находится посланник Разума, который породил жизнь. Не будет же другой Разум так долго изучать нас!

Костя почти прокричал эти слова, надеясь, что опять вовлечет всех в дискуссию.

— Все может быть. Я допускаю, что к нам прилетают туристы внеземных цивилизаций, поэтому они и не вмешиваются в нашу жизнь. Возможно, Разум, создавший нас, погиб. Путь к вечности тернист,— сказал Аскад.

— Будем надеяться, что с нашим прародителем ничего не случилось,— заметил Виктор.— По всей вероятности, он не настолько слаб,

чтобы погибнуть. Можно, впрочем, принять и твою гипотезу, Аскад: к нам прилетают туристы. Очевидно поэтому гуманоиды, прибывающие в НЛО, так различны обликом: карлики, гиганты, такие, как мы... Разные миры, разные цивилизации.

— Я все же считаю, что к нам прилетают существа, посеявшие жизнь на Земле,— возразила Надя.— Вы подумайте, сколько миллионов лет минуло с тех пор! Возможно, развиваясь, одна ветвь этих существ превратилась в карликов, другая — в гигантов, третья не изменилась. Возможно, наоборот, сначала эти существа были карликами или гигантами. Все течет, все меняется! Кто знает, какими мы станем через миллионы лет?

— Какими все-таки мы будем? — прошептала Ибодат.

Чарли промолчал.

Он сказал свое слово позже — выступил в печати с огромной статьей «Туристы из космоса», снабдив ее подзаголовком «Гипотеза ученых Среднеазиатской экспедиции Аскада Кадырова и Виктора Толстова». Статья наделала немало шума.

...Аскад встревожил душу Кости. Он снова и снова возвращался к последней встрече, не зная, на что решиться.

Вообще-то Аскад преувеличивал, говоря о сверхъестественном об-

щении с Шивой. Костя действительно изучал гимнастику йогов, поражая порой друзей необычными асанами, однако он еще недостаточно владел этой древней наукой. Несколько раз он пытался установить контакт с Шивой. Кажется, что-то получилось. Во всяком случае, он сам становился кем-то другим в эти минуты и проникал в неведомые дали, поражавшие его своими необычными красками.

Шива в представлении Кости не был мифическим богом, выдуманным религиозными фанатиками. Шива был представителем Разума, приобщившегося к вечности, знаяшим, что в мире есть он, Костя.

Трудно сказать, что произошло с Костей,— он неожиданно поверил в свои силы и, оставив колебания, приступил к своему необычному эксперименту.

Был тихий звездный вечер. Костя отправился на такыр, расстелил коврик между двумя барханами, лег на него и, настроив организм на ритмическое дыхание, послал вызов своему Шиве.

После Костя не раз задавал себе вопрос, что произошло, когда контакт с этим гипотетическим существом состоялся. Сам ли он внушил себе все, что хотел увидеть и услышать, или Шива действительно явился к нему?

Костя направил сначала мысль к тучам, зная, что за ними открывается беспределный простор, затем устремил мысленный взор в космос и, миновав Систему, ушел к звездам. Пустыня, окружавшая его, исчезла, он очутился в бесконечном галактическом пространстве, среди пламени далеких и близких светил.

Шива появился откуда-то из пустоты. Его огромные черные глаза, казалось, проникли в каждую клетку организма Кости и остановились где-то в глубине мозга.

— Ты звал меня?

— Да.

— Что тебя волнует?

— Скажи: Болл прав? Ты посеял жизнь на Земле?

— Прав.

— Ты же посеял жизнь на Кирче и Илзе?

— Да.

— Что ты делал с жизнью, которая была на этих мирах? Приобщал к своей жизни или уничтожал?

— Запомни: Разум, осознавший свое место в мегамире, не убивает и не разрушает. Он создает форпосты любви и братства. Яую жизнь на мертвых мирах.

— Ты и сейчас делаешь это?

— Да.

— Такая же миссия ждет и меня?

— В твоей Системе есть мертвые миры. Экспериментируй.

— Ты оставил эти миры для меня?

— Это твой дом.

— Скажи: ты знаешь разум Антисистемы?

— Да.

— Ты подобен ему?

— Нет.

— Ты вечен?

— Я бессмертен.

— Ты думаешь вступить с нами в контакт?

— Я говорю с тобой.

— Я имею в виду всех людей.

— Вы еще не готовы к этой встрече.

— Почему же ты прислал зонд? Считаешь, что мы можем погубить себя и планету?

— Да.

- Ты создал нас. Значит, ты виноват в этом.
- Я создавал вас другими.
- Что повлияло на нас?
- Борьба за существование.
- Допустим, я уничтожу себя и планету. Что изменится в твоей вселенной? Ты по-прежнему будешь жить. Будут жить планеты, которые ты заселил. Будут жить и другие системы. Не напрасно ли ты трастишь время?
- Вы можете уничтожить и меня. То есть мою вселенную, и ту вселенную, в которую она входит.
- Не понимаю.
- Вы недавно открыли: вакуум заполнен частицами колоссальных энергий. Ты расщепил атом, расщепишь эти частицы. Значит, вы можете взорвать вакуум.
- Весь?
- Для того, чтобы уничтожить мегамир, хватит одного микрона вакуума. В нем сосредоточена масса миллионов галактик.
- Я могу еще связаться с тобой?
- Можешь.
- Как тебя звать?
- Тевс.

...В эту ночь Костя почти не спал. Он не знал, что происходило с ним. То он возвращался к своему необыкновенному опыту, то пытался вычеркнуть его из памяти.

Костя не мог сказать, действительно ли его Шива разговаривал с ним. Возможно, этот диалог возник в его сознании еще до того, как он расслабился? Или еще раньше — сразу после разговора с Аскадом? Возможно, даже еще раньше, тогда, когда он начал познавать трудную науку йогов? Человек таит в себе немало тайн, которые пока за семью замками, и никто не ведает, будут ли они когда-нибудь раскрыты.

Все же, вновь вспоминая весь разговор, Костя все более убеждался в том, что вступал в контакт с Шивой. Ведь прежде он ничего не знал о необычных частицах, которыми заполнен вакуум. Не мог даже предположить, что каждая такая частица вмещает в себя целую галактику с миллиардами звезд. Подобная мысль вообще не укладывалась в его голове.

Возможно, все таки что-то было?

Учение йогов существует не первое тысячелетие. Причем, еще недавно оно было известно только особой касте.

Не случилось ли в далеком прошлом так: предки этой привилегированной касты каким-то образом вступили в контакт с посланцами цивилизации, посевшей жизнь на Земле, то есть со своими Шивами, Брахмами, Буддами, учились у них разным премудростям, в том числе телепатической связи, которая впоследствии стала важной ступенью в совершенствовании человека, принимавшего древнее учение?

Не случайно Далай Лама встречался с пришельцами со звезд. Он знал, как надо связываться с ними, и связался, как только они прибыли на Землю. Не случайно также и то, что тибетцы называют Далай Ламу Живым Богом...

Интересно, подумал Костя, пришельцы, встречавшиеся с людьми в прошлом, были посланцами цивилизации, посевшей жизнь на Земле, или представляли другую неведомую цивилизацию?

...Шли дни.

Костя по-прежнему честно выполнял свои несложные водительские обязанности. Вечерами, как обычно, встречался с друзьями.

Через месяц снова заработала Космическая Станция.

Тетрадь восьмая: Война

Человек сидел в глубоком кресле, сильно сутуля острые плечи. Его легкая ярко-красная одежда, казалось, пылала на темном фоне. Желтые, как воск, пальцы то сжимали, то разжимали подлокотники. Узкие прищуренные глаза смотрели на звездную реку Олриазира, лившуюся бесконечным потоком под галактелет.

— Возможно, на этой планете тоже уничтожена жизнь?

Человек говорил медленно. Его голос походил на слабое колыхание тугого натянутой металлической ленты.

— Ты нервничаешь, О, не надо,— сказал Рорел. Он сидел рядом, в таком же глубоком кресле, спиной к звездной реке.

— Спасибо, капитан.

— Подобные катаклизмы — редкое явление в мегамире. Я уверен, что на Земле сейчас властвует Разум. Погляди на этого человека,— Рорел указал на Хау, стоявшего в глубине каюты.— Разве есть в мире сила, которая уничтожила бы его?

— Мы были могущественнее, Рорел,— сказал О.

— Вы очутились в исключительном положении, я еще раз говорю тебе об этом. Земле не угрожает такая опасность. Она сделала тридцать оборотов вокруг Олриазира. Если бы на ее пути было радиационное облако, подобное тому, в какое вошла Кирча, то на ней давно не было бы ничего живого. Я думаю, ты это хорошо понимаешь, О.

Человек переменил позу, однако ничего не сказал — уставился на яркую звезду, пылавшую желтым костром в начале реки Олриазира.

Рорел встал и подошел к Хау. Этот человек, как и О, тоже доставлял немало хлопот капитану. Он хотел, чтобы Хау встретился со своими потомками и рассказал им о том далеком прошлом Земли, в котором он и его сородичи закладывали фундамент грядущего Царства Планеты.

— Волнуешься?

— Волнуюсь, капитан,— сказал Хау.

— Я тоже,— признался Олт.— Меня сейчас ничто, кроме Земли, не интересует. Хочу быстрее попасть на нее. Хочу снова походить по ее шелковистой траве. Хочу снова искупаться в ее голубых озерах и реках. Хочу обнять потомков Хау.

— Тебя ничто не меняет,— добродушно заметил Парт.— Хотя бы при О вел себя по-кирчиански!

— Я и веду себя по-кирчиански,— сказал Олт.— О — наш далекий потомок. Он появился на Кирче через сто шестьдесят две тысячи кругов после нашего ухода в космос. Жить так, как он жил, я не смогу. Хау живет с нами не один круг; многое узнал за это время, однако ему тоже не удастся быть таким, каким сейчас стали земляне. Так, Хау?

— Не знаю,— смущенно улыбнулся землянин.

— Знаешь,— весело махнул рукой Олт. Разве ты позабыл, как я приобщил тебя к нашему миру? Может, скажешь, что этого не было?

— Было,— снова смущенно улыбнулся Хау.

— Я до сих пор помню, как ты взял булыжник и бросил в меня, очевидно, в знак глубокой благодарности. Хорошо, что у меня в это время был гравитационный изучатель и я достойно принял твой дар.

— Я тоже помню это.— В глазах Хау вспыхнули искры.— Ты, пожалуй, ничего бы не помнил, если бы у тебя не было гравитационного изучателя. Я никогда не промахивался.

— Получил?— Мира быстро взглянула на Олта.

Род задумчиво произнес:

— Какими все-таки стали земляне? Изменило ли время их внешний вид? Познали они тайны, окружавшие их? Вышли в космос?

— Я уверен, что потомки Хау многоного достигли,— сказал Рорел.— Кстати, Парт, ты дал команду Тоболу извлечь Станцию из породы?

— Да, капитан,— ответил начальник лаборатории роботов.

— Значит, мы скоро увидим землян, заволновался Олт.— Хау, ты слышишь? Надеюсь, твои потомки встретят нас не с булыжниками? Мира, не расстраивайся! Хау давно понял, что я шучу. Они встретят нас с любовью и с дарами. Булыжники припрячут для других.

— Перестань, Олт,— попросила Ора.

— Я, по-моему, ничего оскорбительного не сказал.

— Ты не можешь простить людям Земли гибель Атлантиды?— нахмурилась Ора.— В таком случае, мы не можем простить О и его современников, допустивших гибель жизни на Кирче.

— Я приемлю любую жизнь на Земле,— воспользовался паузой Парт.— Мне надоел космос. Хочу дышать естественным воздухом. Строить города! При любых обстоятельствах я останусь на Земле. Я должен умереть на родине. На второй родине,— поправился Парт.— Это мое право!

О неожиданно приподнялся и, по-прежнему сильно растягивая слова, заговорил тихо:

— Вы слишком далеко зашли, братья! Мы должны вернуться на Кирчу. Если люди Земли действительно так могучи, как вы думаете, они помогут оживить Кирчу. Не буду скрывать: одним нам не справиться...

О говорил долго. Астронавты слушали и все больше поражались тому, с какой быстротой он научился излагать свои мысли голосом. Никто из людей, живших в его эпоху, не пользовался голосом, все были телепатами.

— Мы сделаем все, чтобы возродить Кирчу,— сказал Рорел.

Он произнес эти слова медленно, как и О. Астронавты поняли, что другого решения Рорел не примет, если даже на его пути встанут неведомые силы космоса.

Внезапно раздался четкий металлический голос:

— Внимание! Говорит диспетчер! Наши аппараты приняли сигналы разумных существ!

Астронавты посмотрели на капитана. Рорел невольно перевел взгляд на О, который сидел неподвижно, словно прислушиваясь к звукам, рожденным в глубине его сознания.

— Диспетчер прав,— произнес О.— Сигналы посланы разумными существами. Только это не ответ на ваши сигналы. По-видимому, люди Земли давно прощупывают космос. Рорел, дай астрономам задание найти звезду, с которой они хотят связаться.

— Я уже сделал это,— на Малом Экране появился астроном Эдд.

Вскоре заполыхал Большой Экран. Астронавты замерли, подавшись к нему. Они давно ждали этого мгновения...

— Здравствуйте, дорогие друзья!

В каюту, казалось, вошел Тобол и посмотрел на Парта.

— Здравствуй, дружище,— сказал Парт.

Тобол приветливо улыбался, скрестив руки в крепком пожатии, сказал:

— Вы хотите знать, какими стали земляне? Хау, ты слышишь меня? Люди Земли не погибли во время захвата Луны. Они живут, и никакая сила не сломит в них духа созидания и борьбы.

Легкая дымка покрыла Тобола, и он исчез, будто растворился в голубом свете. Некоторое время Большой Экран был пуст, затем показалась Космическая Станция.

— Она совсем не изменилась,— задохнулся от волнения Олт.

— Смотрите, смотрите!— крикнул Хау.

Нет, время сильно изменило потомков Хау. Они были стройны и высоки, как люди Кирчи.

— Рорел, ты не находишь свои черты в лице вон того землянина? — указала Мира на мужчину, выходившего из машины.

— Я нахожу твои черты вон в той землянке, которая сидит рядом с водителем машины, — сказал Рорел.

Олт хотел сказать, что он во всех землянах видит черты кирчан. Однако его опередил голос Тобола:

— Разрешите представить землян: Павел Горский, Виктор Толстов, Надежда Дмитриева, Ибодат Джалилова, Константин Сибирцев, Чарли Теклтон. Сейчас к ним подходит начальник участка Расул Гафуров.

Гафуров произнес, взглянув на Космическую Станцию:

— Видите, какая свеча! Я до сих пор не верю своим глазам! Виктор Сергеевич, объясните, что это такое?

Толстов не ответил — сам задал вопрос:

— Как вам удалось распеленать этого красавца?

Гафуров затоптался на месте:

— Это не мы... Наверно, оттуда. — Он посмотрел на небо. — Я проснулся, думая, что рассвело, хотя что-то и смущало меня.

— Оттуда? Может быть... — Толстов прошелся около Станции.

Гафуров с надеждой смотрел на Толстова, как и другие земляне.

— Расул Хашимович, — Толстов снова оставил без ответа вопрос Гафурова, — когда вы поставили на возвышенность... радиотелескоп?

— Вечером. Часов в шесть, — сказал Гафуров.

— В это же время прекратили работу бульдозеры?

— Да.

— Что же в этом столбе? Павел Михайлович, — взглянул Толстов на Горского, — разрешите провести эксперимент?

— Пожалуйста! — разрешил Горский.

— Костя, пойдем. Никуда твоя Надя не денется...

Дмитриева вспыхнула, однако ничего не сказала. Толстов направился к машине. Сибирцев пошел за ним.

— Выжми из своего скакуна все, что можешь, и направь на столб, — распорядился Толстов, как только Сибирцев сел в машину. — Остановишься у подножия возвышенности. Рядом с желобами. Понял?

— Ясно.

Кирчане переглянулись. Слабые улыбки тронули лица Мирры и Рорела. Олт, как всегда, проговорил нетерпеливо:

— Что задумал этот чудак? Рорел, ты можешь ответить?

— Сейчас увидишь... По-моему, он хочет проверить действие гиперонных листов.

— Довольно примитивное средство.

— Зато не опасное, — сказала Мира.

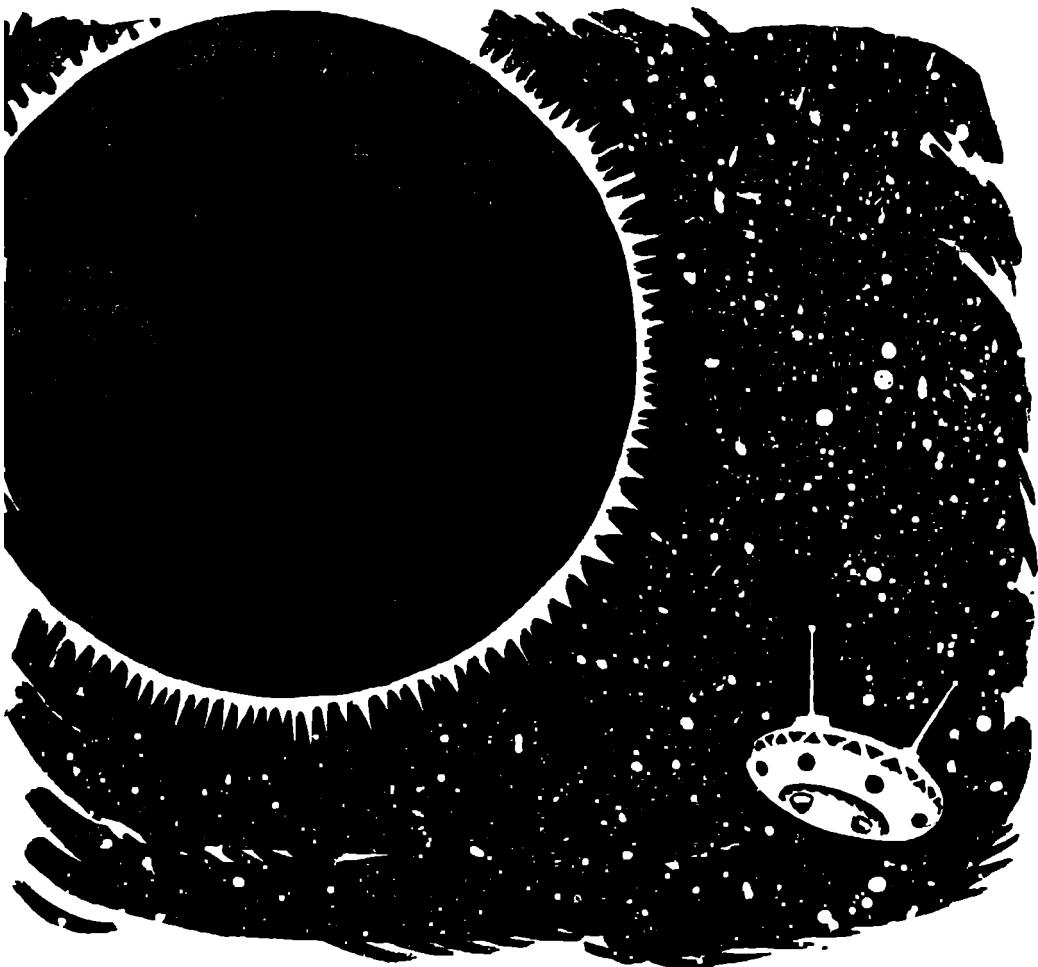
Между тем Сибирцев на полном ходу подогнал машину к гиперонным листам и посмотрел на Толстова.

— Так, так. Великолепно. — Толстов вышел из машины, взял какой-то предмет и, наполнив его металлическую часть породой, швырнулся на Космическую Станцию.

— Чудак, — снова сказал Олт.

— Помолчи, — попросила Ора.

— Не осуждайте этого человека, — послышался голос Тобола. — Он многое сделал для планеты. Я был на фабрике Времени, созданной по его проекту. Она заслуживает внимания. Хау, гордись. Виктор Толстов — твой потомок. Кстати, он родился в городе, который находится недалеко от твоей пещеры. Правда, теперь ты не узнаешь местность, где жил. Сейчас здесь пустыня. Жаркое солнце выжгло травы и высушило реки...

— Значит, земляне уже пытаются разгадать тайну времени? — с восхищением произнес Род.

Толстов ходил вокруг Космической Станции.

— Энергия... Неужели энергия времени? Трубки? Генераторы?.. Цай! — посмотрел Толстов на юношу, сидевшего в другой машине. — Давай!

Цай включил машину — она набрала в свою руку, похожую на ковш, породу, подняла руку над Космической Станцией и начала сыпать породу: та разлеталась далеко в стороны.

— Превосходно! — засиял Толстов. — Теперь подними ковш и опусти на зеркало!

— Виктор Сергеевич, что вы? — рванулся к Толстову Гафуров.

— Ничего... Цай, ты понял меня? Только смотри, рассчитай так, чтобы ковш остановился у самого зеркала.

— Постойте! Товарищ Цай, идите сюда, — остановил эксперимент Горский. — Не спешите, Виктор Сергеевич. Я понял, чего вы хотите. Вы думаете, что на этот раз пришелец станет таким, каким его видели полгода назад... Со временем, пожалуй, мы произведем такой опыт, а сейчас не стоит рисковать. Кто знает, какая сила заключена в этом столбе? Может быть, он и ковш отбросит так же свободно! Понимаете, к чему это приведет?

— Кажется, я увлекся, — признался Толстов.

Большой Экран снова начал бледнеть. Когда Космическая Станция и люди Земли исчезли, снова появился Тобол.

— Так произошла встреча жителей планеты с Космической Станцией. Это событие всколыхнуло Землю. Теперь многие мечтают о встрече с вами. Особенно работники среднеазиатской экспедиции, которых вы только что видели. Кстати, я был у них в гостях. Простите, пожалуйста, за это своееволие. Я подумал: вы скоро прилетите сюда, стоит ли мне по-прежнему скрываться? На Земле после захвата Луны появился космический разведчик. К сожалению, мне не удалось связаться с ним. Он улетел через некоторое время, потом появлялся неоднократно, так и не показавшись людям. Не знаю, какую цель преследовал он, посещая Землю. Может, проводил какие-то наблюдения, может, пытался понять людей? Он не задерживался на Земле, пробыв год, исчезал надолго — на тысячу лет. Сейчас он снова на Земле. Люди на этот раз заметили его, пытаются связаться с ним. Однако он уходит от них, при этом были случаи, когда люди погибали.

— Это же убийство! — не выдержали нервы у Олта.

— Помолчи! — попросила Ора.

— Не понимаю. — Олт с недоумением посмотрел на Ору. — Разве ты не слышала? Погибают люди! Это разведчик тьмы! Мы должны что-то предпринять! О, почему ты молчишь?

О не успел ответить.

Снова заговорил Тобол — он, казалось, услышал Олта.

— Я думаю, что это разведчик цивилизации, посеявшей жизнь на Земле. Не его вина, что люди гибнут, пытаясь сблизиться с ним. Они порой проявляют преступную беспечность. Они пытались уничтожить разведчика новейшими видами оружия. В последнее время решено заманить его в силовую ловушку. Не знаю, удастся ли это; разведчик обладает почти всепроникающей способностью. В то же время его зонды порой разрушаются. Может, оттого, что еще несовершенны, может, от невероятных перегрузок. Они развиваются в атмосфере Земли колossalные скорости, до ста тысяч километров в час. Прилетайте скорей! Я уверен, что вы узнаете, кто с таким вниманием вот уже девять тысяч лет следит за Землей. Я сейчас включу передатчик Станции. Может, вы расскажете что-нибудь о своей космической жизни. Прошу вас: не забудьте сообщить, почему вы не долетели до Кирчи. Что случилось?

Тобол исчез. Экран еще некоторое время светился голубоватым пламенем.

Ора задумчиво произнесла:

— Кто же так упорно посещает Землю? Может, Тобол прав: это разведчик цивилизации, которая посеяла жизнь на Земле?

— Нет. Пожалуйста, не возражай, — попросил Олт. — Родители не убивают детей. Это разведчик тьмы.

— Ты же слышал: люди сами виноваты в том, что погибают.

— Ты думаешь? — Олт наклонился в сторону Оры так, что с трудом удержался на ногах. — Скажи: разве он не видит, что люди погибают в стремлении разгадать тайну? Это разведчик тьмы, — повторил Олт. — Он решил покорить Землю.

Астронавты замерли.

Рорел прошелся по каюте. Он понимал: предположение Олта не кажется невероятным. Нужно было немедленно что-то решить, иначе появятся новые вопросы, еще более сложные.

— О, что ты скажешь?

О молча глядел на сверкающую россыпь Олриазира, будто пытался найти в ней Землю. Рорел отошел к Блоку Связи, не зная, что предпринять дальше. Астронавты не обвинили его в том, что он попытался переложить ответственность на своего потомка: О неограниченно владел пространством и временем...

Рорел обратился к Роду:

— Передай на Станцию стереофильм о встрече с Антисистемой и жителями Инфры.

Род вышел из каюты. Тотчас на Малом Экране появился Эдд.

— Земляне посылают сигналы к соседним звездам, имеющим планеты,— сообщил астроном.— Судя по всему, они ищут Разум.

— Вы не были на этих планетах?— спросил О, по-прежнему не сводя глаз с россыпи Олриазира.

— Нет,— Рорел опустился в кресло. Он подумал, что О разговарится и наконец ответит на вопрос, который теперь беспокоил всех.

— Я, к сожалению, ничего не могу сказать вам,— попял О желание Рорела.— Земля слишком далеко отсюда. Выше голову, друзья! Так, кажется, говорили в ваше время,— оглядел О астронавтов.— Я только что беседовал со своими товарищами. Они обещали сделать все, что могут.

— Спасибо, О,— Рорел отвернулся, не в силах вынести взгляда О. У него никак не укладывалось в голове то, что мог делать этот человек. По-видимому, его организм сильно отличался от организма любых известных живых существ. В нем работала сложная естественная лаборатория, действовавшая безотказно в любых условиях.

Род отдал всю жизнь, чтобы научиться превращать предметы в электромагнитные волны. О родился с этим свойством — он мог сам превращаться в пучок фотонов и преодолевать колоссальные расстояния.

Парт отдал лучшие свои годы, чтобы научиться ограждать необходимые объекты силовым полем. О с рождения мог окружать себя таким силовым полем.

Был ли предел развития живой материи? Может быть, живые существа так же, как пространство и время, не имели границ? В таком случае, где-нибудь во вселенной уже находились создания, способные управлять мегамиром? Может быть, этим свойством обладал разум Антисистемы? Или разум, посевший жизнь на Кирче и на Земле?

— Пожалуй, ты прав, капитан.

Рорел невольно вздрогнул, услышав О, хотя и знал, что тот читает мысли себе подобных.

Внезапно в каюте раздался бесстрастный голос:

— Внимание! Говорят диспетчер. Корабль приближается к системе двух звезд. Даю координаты!

Рорел с недоумением посмотрел на О:

— О какой системе он говорит?

Раньше, до появления О на корабле, Рорел обращался с подобными вопросами к Кибу, теперь он знал, что человек ответит быстрее и точнее. Киб был продуктом далекой эпохи — у него не было тех знаний, которые имел О, появившийся на свет через сто шестьдесят тысяч кругов.

О ответил:

— Мы приближаемся к системе двух инфр — одна инфра больше Мацлроя в несколько раз, другая — в несколько раз меньше. Собственно, эту цифру можно отнести к семейству планет, хотя и она прошла через все стадии развития звезды. Сейчас ее и звезду роднят только два фактора — размер и температура. Она излучает в космос тепло.

— Ты хочешь еще что-то сказать?

— Мы должны побывать в системе.— О слегка подался вперед, остановил взгляд на Рореле.— Так, между прочим, считают и мои друзья. Судя по всему, система представляет интерес. Впрочем, решай сам.

— Кто-то беспокоит людей Земли,— сказал Олт.— Мы не имеем права топтаться здесь. Зачем нам эта система? Мы уже видели одну инфру. Представляем, что это такое.

Ора согласилась с Олтом, Мира сказала:

— О прав. Мы должны побывать в системе. Жизнь на Кирче погибла. Чтобы возродить ее, нужно знать мир, в котором мы живем. Тайна инфр обогатит нас.

Мнения остальных разделились. Рорел спросил мнение Киба.

— Система необычна,— ответил Киб.— Мы совершим оплошность, если не побываем в ней. О, нет ли здесь жизни?

О поднял голову, но не ответил.

Рорел подошел к пульту управления и, помедлив немного, направил галактелец в систему.

Инфра почти сливалась с бездной космоса. Было страшно видеть гигантский черный круг на млечной реке Олиазира. Он, казалось, надвигался на корабль, постепенно заслоняя все, что было за ним.

Олт закрыл глаза. Он знал, ничего страшного не произойдет, корабль постепенно выйдет на круговую орбиту и станет спутником Инфры. Ну, а если он упадет на Инфру и превратится в груду металла, сплюснутый ее чудовищным тяготением?

— Включи электронный преобразователь,— Рорел обратился к Роду.

— Хорошо, капитан.

Люди Кирчи давно вышли в космос. Они встречали на своих бесконечных дорогах немало миров: некоторые были похожи на Кирчу и Землю, другие — скованы вечным холдом, обожжены пламенем солнц.

Много миров видели и люди Рорела. Однако того, что скрывала звезда, перешагнувшая порог рассвета, они еще не видели.

Инфра была покрыта водой, над которой плавали густые грозовые облака. Они концентрировались огромными тяжелыми группами вокруг полюсов, пронизывая атмосферу иссиня-красными молниями.

Астронавты прильнули к Экранам Сближения, стараясь получше рассмотреть мир странной звезды.

Не обращал внимания на звезду только О. Что-то более важное тревожило его ум. Он словно прислушивался к чему-то, глядя на реку Олиазира.

— Начинаем облет Инфры,— доложил Диспетчер.

— Неужели все-таки на ней есть жизнь?— спросил Олт. Он повернулся к Оре и неожиданно присел, прижимая руки к груди. На его побледневшем лице застыла гримаса ужаса.— Ора?

Ора присела тоже, и Парт, и Мира. Мира слегка вскрикнула и с гревогой посмотрела вокруг.

— Что с тобой?— подскочил к Мире Рорел.

— Не знаю, родной.— Мира с трудом держалась на ногах.

Капитан подвел ее к креслу и поспешил на помощь Оре.

— Что это было?— Олт по-прежнему прижал руки к груди. С его лица уже сходила гримаса ужаса.

Астронавты невольно повернулись к Инфре.

— На Инфре есть жизнь,— подал голос О.

В каюту снова надолго вошла тишина. Астронавты думали о неведомой жизни звезды, сообщившей о себе таким необычным образом.

— Мы прошли через сильный электромагнитный луч. Он направлен с Инфры в сторону звезды, к которой мы летим,— сообщил О.

— Цель?— спросил Рорел.

— Цель, по-видимому, одна: Земля нужна существам, которые находятся здесь.

— Это невероятно, О!

— Мир бесконечен во всем, Рорел. Если есть силы добра и света, то должны быть также силы тьмы и зла. Прости, пожалуйста, за банальные слова. Пока, к сожалению, я ничего не могу сказать тебе. Мои друзья тоже еще не имеют данных.

— Я прав, слышишь, О, я прав. На Землю прилетает разведчик цивилизации, которая решила покорить ее. Эта цивилизация находится здесь,— Олт резко выбросил руку в сторону иллюминатора, за которым таилась система двух инфр.— Мы должны принять меры!

— Я согласен с Олтом,— сказал Рорел.

— Ты знаешь, что можно предпринять?— О внимательно посмотрел на Рорела.— Я слушаю тебя.

— Тебе известно, что я могу предложить,— ответил Рорел.— Мы обязаны сделать невозможное во имя жизни в Олриазире. Я уверен, что эти существа откажутся от своего безумного плана.

— Ты идеалист, Рорел. Поднявший оружие не сдается добровольно. Не забывай об этом афоризме современников.

— Мы можем применить силу.

— Ты песчинка рядом с этим миром.

Олт, Хау и Парт, стоявшие у входа в каюту, неожиданно кинулись к О. Он вскинул голову — они тотчас замерли, словно натолкнувшись на невидимое препятствие.

— Что случилось?— шагнул к ним Рорел.

Его, по-видимому, никто не услышал. Олт и Хау принялись стучать кулаками по невидимой преграде. Парт кружился у пульта управления.

О приподнялся и некоторое время молча наблюдал за ними.

— Корабль заметили с Инфры,— наконец сказал он.— Нас решили взять в плен. Вы не забыли еще, что это значит? В ваше время существа с Гиры полонили планетолет «Вестник»...

— Это произошло за пятьдесят кругов до нашего ухода в Олриазир,— сказал Род.— В наше время существа этой планеты уже поддерживали с нами дружеские связи, во всяком случае, представляем, как собираются поступить существа Инфры.

— Существа Гиры захватили корабль наших предков, чтобы научиться летать,— сказал Рорел.— У них не было агрессивных намерений. Если бы они знали, что пришельцы с неба сами научат их летать, то не прибегли бы к таким варварским действиям. Не случайно Кирча потом оправдывала этот акт. Кстати, они тоже... погибли?

— Да.

— Вы ничего не могли сделать?

— Мы не спасли свою цивилизацию, Рорел,— с трудом проговорил О. Он неожиданно сжал подлокотники, почувствовав, как биотоки осуждающих его астронавтов разом обрушились на него. — Простите, пожалуйста, беда пришла так неожиданно, что мы не успели ничего предпринять. Один корабль мы все-таки послали на Гиру. Думаю, что представители этой планеты уже вышли в космос. Возможно, в будущем встретимся.

Напряжение, наполнившее каюту, спало. Род негромко произнес:

— Ну вот! Все хорошо!

О наклонился вперед, и от него, будто яркие лучи Мацлроя, протянулись к Олту, Хау и Парту колеблющиеся полосы. Парт выпрямился, оглянулся и шагнул к Рорелу. Через некоторое время подошли Олт и Хау.

— Можете продолжать драку,— улыбнулся О.

Парт и Олт смущенно переглянулись. Хау отвернулся, подошел к креслу и, опустившись в него, сомкнул на коленях тяжелые руки. Он сильнее переживал атаку существ Инфры.

— Выше голову, Человек,— сказал О. — Ты не виноват, что твой мозг не защищен от электромагнитных волн. Впрочем, ваш — тоже...

— Почему же не все оказались под влиянием... гипноза?— сделал Рорел паузу перед последним словом.

— Я успел окружить силовым полем тебя, Ору и Миру.

— О, подожди, как же другие?— заволновался Рорел.

— Тебе уже не о чем беспокоиться. Весь экипаж здравствует и трудится с прежней энергией... Человек, подойди сюда!

Хау медленно поднялся и осторожно, словно чего-то опасался, приблизился к кирчанину.

— Я слушаю тебя, Владыка!

О пристально посмотрел на землянина.

— Они хотели из тебя сделать раба. Твой мозг еще до сих пор хранит следы гипноза. Однако этот гипноз отличается от того, который был широко распространен в ваше время, Рорел. Нужна огромная сила, чтобы нейтрализовать его... Смогут ли выстоять люди Земли? — задумался О.

— Смогут! — горячо сказал Рорел.

— Я боюсь за родных, — сгорбился Хау.

— У него, должно быть, пропала память, — сказала Мира, — Ора, сделай все, что можешь.

— Не нужно, — остановил жестом О. — Пусть он побудет тем человеком, с которым мы встретились когда-то. Не беспокойтесь, это не на долго...

— Слушай, О, — Рорел кивнул на Инфру, притаившуюся за иллюминатором. — Возможно, эти существа решили взять нас в плен, чтобы завладеть нашими тайнами?

— Возможно.

— Не скрывай от нас то, что уже известно тебе, — попросил Рорел. — Вижу, ты не хочешь говорить правду. Почему? Думаешь, что мы не поймем или потеряем веру в свои силы?

— Я не думаю так, капитан, — выпрямился О. — У меня тоже нет точных сведений. Мои друзья считают, что эти существа хотят привлечь нас на свою сторону...

— Зачем? — воскликнул Олт.

— Зачем? — повторил О. — Разве плохо иметь сильного партнера?

— Они полагают, что мы поможем им покорить Землю? Неужели они действительно надеются на это? — Олт растерянно огляделся. — Друзья, что же это такое? О, свяжись с ними, скажи, что мы презираем их!

— Не горячись, Олт, — улыбнулся О.

— Если у тебя не хватает духу, то я скажу! Рорел, позволь мне войти в зону Киба!

— Не спеши, Олт. — Капитан перевел взгляд на О. — Что ты предлагаешь?

— Мы должны встретиться с ними.

По лицу О пробегали зеленоватые, едва уловимые молнии. Из глаз, казалось, хлынул огненный поток и залил каюту. Открылся космос с мириадами звезд, устремившихся к кораблю.

Астронавты невольно сгрудились около О.

Впереди, в клубке звезд, кто-то громко произнес:

— Ты все сделал, Брт?

Космос исчез. За голубоватой дымкой появились три человека. Если бы не продолговатые узкие глаза и тонкие длинные носы, начинающиеся за широкими бровями, их можно было бы принять за кирчан или ильян...

— Все, Колц!

Человек, ответивший так, беспомощно опустился на ящик.

— Ты должен совершить невозможное, Брт. — Мы триане, не забывай об этом. В корабле сильные существа. Они помогут нам подчинить не один мир, — сказал Колц, — Ты понял меня?

— Я понял тебя, Колц, — склонился Брт. — К сожалению, эти существа не подвластны нам. Они оградили свой корабль силовым полем. Лучи Кура не проходят через него.

— Хрто,— обратился Колц к третьему человеку,— подай в космос сигнал бедствия. Возможно, эти неведомые существа опустятся на звезду. Тогда будет легче разговаривать с ними.

— Гениальная идея, Колц!— вскочил Брт.

На лице Колца появилась не то самодовольная, не то презрительная улыбка. Он качнулся, заложив руки за пояс.

Хрто сказал:

— Послушай, Колц! Мы рискуем, вступая в борьбу с этими существами! Присмотрись: мы еле передвигаем ноги. Звезда выжала из нас все. Лучше брось резервные силы на заготовку горючего. Правь звезду вот-вот взорвется. Зачем нам эти существа сейчас?

— Разве ты позабыл, какую миссию возложил на нас Великий Кур?— наступил брови Колц.— Мы должны подчинить неведомых звездоплавателей! Судя по всему, они могучи так же, как и мы.

— Я предупредил тебя,— Хрто отошел.

— Ты стал самонадеян,— промычал Колц.

Что было дальше, кирчане не узнали — вспыхнул ослепительный звездный шар, стены корабля материализовались.

Молчание длилось долго. Чудилось, что с возникновением звука в какоте появятся триане. Это было глупо, но до того навязчиво, что астронавты стыдились смотреть друг на друга. Заговорил О.

— С Колцом нужно бороться, капитан.— О тоже был взволнован.— Я вступаю в вашу... армию. Так, кажется, называли в ваше время массы людей, вооруженные огневыми излучателями?

Рорел словно очнулся от тяжкого сна. Он подошел к О, по-прежнему сидевшему в кресле, и горячо произнес:

— Ты хорошо поступил, О!

— Так же, как сделал бы и ты на моем месте. У нас с тобой одни цели в этом мире.

— Это будет нелегкий бой.

— Поэтому я и вступаю в вашу армию, капитан.

— Ты не понял меня, О,— Рорел умолк, не найдя подходящих слов.— Я и мои товарищи — твое далекое прошлое. Мы давно умерли для тебя и для твоих друзей. Этот мир не заметит, если мы погибнем в бою с трианами. Он заметит твою гибель, О!

— Капитан, мы плоть и кровь одной матери, Кирчи. Она дала нам Жизнь и Разум, веря в нашу великую миссию. Здесь, на этой Черной Звезде, притаилась Смерть. Ее щупальца протянулись к Земле. Можем ли мы равнодушно смотреть на этот противоестественный акт? Ты прав, капитан: мир заметит мою гибель. Однако он заметит и мою трусливость. Что важней для утверждения нашей сущности в мегамире?

— Прости, О,— склонил голову Рорел.

— На Земле были такие существа?— О отыскал глазами Хау.

Мышцы Хау напряглись до предела, на руках и груди вздулись железные бугры, под острыми скулами заходили желваки.

— Нет.

— Я спрашиваю о прилетавших с неба?

— С неба были только они!

Хау полуиспуганным, полублагоговейным взглядом оглядел астронавтов и неожиданно рухнул на колени.

Мира тотчас метнулась к нему.

— Встань, Хау! Что ты!

— Нет, не могу. Вы — боги!— задохнулся от волнения Хау.— Я знаю: вы победите страшных людей и спасете Землю. Спасите!

— Встань, Хау, родной!

Рорел отвернулся. Ему всегда было тяжело видеть Миру с землянином. Он любил эту девушку, несмотря на огромную разницу в годах, и старался сделать все, чтобы оградить ее от ненужных волнений.

Хау поднялся. Он был уже другой человек. В его голубых, широко открытых глазах светился такой ум, что Мире стало страшно.

— Он больше никогда не встанет на колени,— сказал О.

— Благодарю тебя, Великий Потомок!

— За это не благодарят. Капитан, ты что решил? Откликнешься на сигнал бедствия?

— Да.

— Ты смелый человек, Рорел,— сказал О.— Горжусь тем, что я твой потомок. Слушай! Мы должны встретиться с этими людьми. Их корабль стоит на острове в экваториальной части. Мне кажется, что они не по своей воле сели на Инфру. По-видимому, у них не хватило горючего, чтобы вырваться из гравитационного плена. Мои друзья тоже считают, что Праинфра в критическом состоянии...

— Если так, мы должны немедленно уйти в глубокий космос,— сказал Олт.

— А как же будет с другими?— осуждающе взглянул Рорел на Олта.

Снова вступил в разговор О:

— Нет оснований для серьезного беспокойства. Праинфра не скоро взорвется. Во всяком случае, времени хватит, чтобы сесть на Инфру и уйти в космос. Мы должны узнать координаты пленников этой неведомой Звезды.

— Зачем?— не понял Олт.

— Они, вероятно, давно разбойничают в космосе. Мы обязаны избавить Олриазир от подобных захватчиков.... Олт, не смотри на меня так,— улыбнулся О.— Я не собираюсь уничтожать их. Долг каждого из нас — сделать все, чтобы они не брали в руки оружие уничтожения мыслящих существ. На мирах вселенной должны царить Любовь и Труд.

— Послушай, может, эти люди тоже наши братья?— спросил Рорел.

— Не знаю,— после длительного молчания отозвался О.

Рорел говорил уже с этим могучим представителем Кирчи о гипотетической цивилизации, посеявшей жизнь на молодых планетах Олриазира и Большого Мира. О сказал, что он и его товарищи считают, что такая цивилизация есть в мегамире. «Я уверен, что она пристально следит за нами и мы со временем установим с ней контакт»,— заключил тогда О разговор.

Теперь Рорел вспомнил об этом:

— О, почему ты думаешь, что цивилизация, сеявшая жизнь, следит за нами? У тебя есть факты? Или ты чувствуешь это?

— Я видел посланника этой цивилизации.

— Где?

— На Кирче. Это случилось незадолго до появления Облака Смерти. Я до сих пор ощущаю его присутствие, хотя и прошло уже немало кругов. Наверно, это будет продолжаться всегда.

— Какой он?

— Ты не догадываешься? Представь, что мы стали всемогущими и решили заселять мертвые миры.

— Мы заселяли бы эти планеты нашей жизнью.

— Я видел могучего представителя Разума. Он знал, что жизнь на Кирче погибнет, однако не предупредил нас.

— Это жестоко, О!

— Я тоже сначала осуждал его, потом понял, что он поступил правильно.— О сжал подлокотники так, что побелели пальцы.— Ты говорил, что люди Винчи погибли, потому что утратили интерес к жизни...

— Постой, постой, О, вы же были гораздо сильнее людей Винчи, у вас не опустились бы руки, если бы вы узнали, что вам помогла ци-

вилизация, создавшая вас. В конце концов, она должна помочь вам. Это долг любого родителя!

— Не забывай, Рорел, цивилизация, создавшая нас, приобщилась к вечности,— сказал О.— В вечности царят законы, хранящие мегамир. Слабым в ней нечего делать.

— Не знаю,— отступил Рорел. Он был подавлен и растерян: что-то еще протестовало в нем.

— Знаешь!— сказал О.

В разговор вступил Парт:

— Тобол сообщил, что на Земле находится космический разведчик, возможно, это посланец цивилизации, посеявшей жизнь на планете?

— Вы считаете, что жизнь на Земле тоже посеяла неведомая цивилизация? Выслушав Тобола, я тоже так думаю. Зонды, летающие над Землей, похожи на зонды, летавшие над Кирчей.— О неожиданно умолк, остановив взгляд на иллюминаторе, за которым чернел космос.

Род сказал:

— Надо во что бы то ни стало установить контакт с этой цивилизацией. Может, она подобреет и избавит нас от дальнейших испытаний?

— Не думаю,— заметил Рорел.

— Слушайте, возможно, триане своим существованием тоже обязаны этой цивилизации?— прошептал Олт.

Астронавты невольно сжались, услышав это чудовищное предположение, со страхом посмотрели на О.

Он отвернулся.

Океан бушевал. Тяжелые красно-черные волны шли и шли друг на друга с полюсов и, сходясь на экваторе, выбрасывали в атмосферу гигантские столбы воды. Вода задерживалась вверху на мгновение-другое и с грохотом падала вниз в объятия новых волн.

Остров, на котором находился корабль триан, высоко вздымался из океана. Его крутые берега, казалось, были срезаны исполинским ножом. Они светились темно-зеленым светом, в котором мелькали багровые блики.

Корабль триан стоял у низких конусообразных гор. По форме он напоминал колесо с четырьмя огромными втулками.

Кирчане посадили корабль на равнине. О с помощью друзей, оставшихся на орбите, изменил пространство — Колц, Хрто и БРТ тотчас выступили из тьмы. На этот раз они находились в просторной каюте и в иллюминаторы рассматривали корабль кирчан.

Он будто сросся с островом, утопив верх в тяжелых лучах Инфры. Около него крутились черные вихревые смерчи, в которых время от времени вспыхивали синие шаровые молнии.

— Корабль не просвечивается, Колц,— отошел к пирамиде Хрто.

Колц повернулся к Хрто, прощупал его холодными глазами.

— Ты разучился работать. Придется расстаться с тобой. Иначе ты подведешь нас в трудное время. Зачем нам лишние хлопоты? Брт, что ты скажешь?

— Хрто давно заслуживает наказания, Колц,— с готовностью отозвался Брт.— Я думаю, ты применишь к нему РР-Х.

— Пожалуй.

— Не выгоняй меня, Колц,— взмолился Хрто.— Я еще пригожусь! Вспомни, сколько миров мы покорили с тобой!

Колц скривил тонкие губы, скрестил руки на груди, остановил холодный взгляд на Хрто.

— Что у тебя?

— Мы зря возимся с ними,— ожила Хрто.— Я бы на твоем месте уничтожил космолет. Это не так трудно сделать.

— Ты привык уничтожать, Хрто,— снова скривил губы Колц.— Мы должны сначала попытаться установить с ними контакт. Может быть, они окажутся сильнее нас. Догадываешься, что даст нам этот союз? Мы ускорим завоевание миров этой части вселенной. Великий Кур будет доволен.

Засветился небольшой металлический шар, стоявший на пирамиде, в образовавшемся розовом круге появилось лицо еще одного триана.

— Что у тебя, Ленц?— спросил Колц.

— На орбите Инфры есть еще один корабль,— доложил Ленц.

— Что?— рванулся Колц к дрожавшему в круге темно-синему лицу.— Ты не ошибся? Какой он? Как этот?

— Нет. Как шар. Я принял его сначала за планетоид.

— Между ним и этим кораблем есть связь?

— Да.

— В них одни и те же существа?

— Не знаю. Скорее всего, нет. Существа в шаре гораздо сильнее. Судя по всему, они способны сделать все, что захотят. Боюсь, что нам придется нелегко.

— Примени лучевую пушку СБ-XXX.

— Хорошо, Колц.

— Действуй!

Лицо Ленца заколебалось и постепенно исчезло. На пирамиде снова засветился металл. По полу прошла мелкая дрожь.

Колц некоторое время стоял неподвижно, затем подошел к другой пирамиде, нажал ряд пластинок, горевших красным светом на ее поверхности.

— Отдел Обороны,— раздался сухой резкий голос.

— Это ты, Кра? Орудия готовы к бою?

— Готовы, Колц!

— Думаю, что этот диск не устоит, если мы потревожим его последней начинкой?

— Не устоит, Колц!

— Жди сигнала!

Колц, Брт, Хрто стали расплываться и неожиданно исчезли. Астронавты с недоумением огляделись. Они никак не могли привыкнуть к мгновенной перестройке пространства, хотя уже и знали, что в этом не было ничего сверхъестественного. О и его друзья могли перестраивать пространство в любых условиях. Для них не было преград.

— Вот вам и разум!— глухо произнес Олт.

— Они не могут уничтожить нас?— Ора посмотрела на О.— Я еще не встречала таких агрессивных существ!

— Мы защищены силовым полем,— сказал О.

— Разве нельзя нарушить его?

— Можно.

— Значит, мы рискуем?

О улыбнулся:

— Не рисующие — не побеждают, Ора. Если б ты не рисковала — не увидела бы своих далеких потомков. Не узнала бы, что произошло с твоей родиной через сто шестьдесят тысяч кругов. Не встретила бы людей Илзы и Земли, не сидела бы сейчас в этом корабле. Риск — акция отважных, так говорили в ваше время, так говорят и в наше. Мы знали, что борьба с Облаком Смерти бесполезна, однако никто не покинул Кирчу, пока не были испробованы все средства. Мы рисковали — и не зря. Теперь я сумел бы предотвратить катастрофу!

— Один?— спросил Олт.

— Нет, не один. Со своим народом. Капитан, я слушаю тебя.

О был могущественнее Рорела, это знали все. Между тем, еще не было случая, чтобы О показал свое преимущество. Он уважал законы своей родины и вместе со всеми выполнял распоряжения Рорела.

— Нас никогда не простят люди Олриазира, если мы позволим этим существам убивать и грабить,— сказал Рорел.— Ты предлагаешь узнать координаты Системы триан. Мы все с тобой согласны. Однако не слишком ли мы сейчас церемонимся? Не ставим ли себя под удар, занимая выжидательную позицию? Опасения Оры, по-моему, не напрасны.

— Не думайте, что я испугалась,— попробовала улыбнуться Ора.

— Человек, пытающийся узнать, что может случиться с ним в ближайшее время, достоин уважения, Ора,— поддержал девушку Олт.

— Может, ты скажешь нам, что думают твои друзья обо всем, что нас тревожит,— снова обратился Рорел к своему потомку.— Только пойми правильно — мы не боимся смерти, однако, не хотим умирать понапрасну. Впрочем, тебе это хорошо известно.

— Ты читаешь мои мысли, Рорел,— сказал О.— Возможно, мы договоримся с тобой, не прибегая к грубой звуковой речи?

— Я лишь отгадал твои мысли, О, а ты читаешь мои. Это совершенно разные вещи,— проговорил Рорел.— Прости за бес tactность, пожалуйста. Я чересчур взволнован.— Он подсел к О, с надеждой взглянул в его бездонные зеленоватые глаза.— Итак, мы ждем, О?

— Мои друзья считают, что кто-то из нас должен встретиться с трианами. Возможно, среди них имеются миролюбивые. Побеждает тот, кто использует слабость врага.

— Да,— подтвердила Мира.

Олта будто кто-то толкнул. Он шагнул к Рорелу:

— Капитан, разреши мне поговорить с трианами!

— Нет,— Рорел внимательно посмотрел на Олта.— Я не могу самостоятельно решать этот вопрос.

— Я оправдаю доверие, друзья! Ора, почему ты молчишь?— обернулся Олт к девушке.— Неужели ты думаешь, что я проявлю малодушие? Хау, слышишь? Скажи ты! Скажи, Хау!

— Ты слабый, Олт. Я сильней тебя! Пойду я!— решил Хау.

— Нет-нет, капитан. Он может все испортить. Триане — люди, не тигры. Они умны и хорошо защищены. Пойду я. О, поддержи меня!

— Пойду я!— шагнул на середину каюты Род.

— Пойду я!— встал рядом с ним Парт.

— Друзья, не спорьте,— сказал О.— Триане действительно умны и хорошо защищены. Никто из вас не сможет сразиться с ними. Не обижайтесь, но это так. К ним пойдет человек моего времени. Он уже готовится к этой встрече. Через несколько единиц мы увидим, как это произойдет.

— Ваш корабль на орбите,— неуверенно возразил Олт.

— Ты еще не знаешь нас,— сказал О.— Идущий сможет самостоятельно преодолевать препятствия. Он войдет к ним так же, как ты входишь в каюту. Ты сейчас сам убедишься в этом. Его имя Ят. Такими, как он, со временем станут все люди. Беспределен путь развития жизни, осознавшей свое место в мироздании!

Появившаяся неожиданно каюта триан теперь уже никого не удивила. Астронавты, рассевшись по креслам, с нетерпением стали ожидать Ята.

Он действительно вошел в каюту триан так, словно жил с ними на корабле. Это был высокий стройный юноша с огромными черными глазами. На нем была такая же, как и на О, яркая красная одежда, туго обтягивающая гибкое тело, на голове зеленел обруч с блестящими по-

лусферами, талию перепоясывал широкий ремень, сверкающий ослепительной белизной.

— Здравствуйте, неведомые олииазирцы!

Триане резко обернулись к кирчанину и в страхе попятились назад, хватаясь за металлические трубы, темневшие на их алых поясах. Шары, лежавшие на продолговатом черном ящике у стены, тотчас вспыхнули желтым пламенем. Из них вырвались красные струи и устремились к кирчанину. Однако не долетели до него — замерли на полпути, словно натолкнулись на препятствие, вспыхнули яркими кострами и упали на пол.

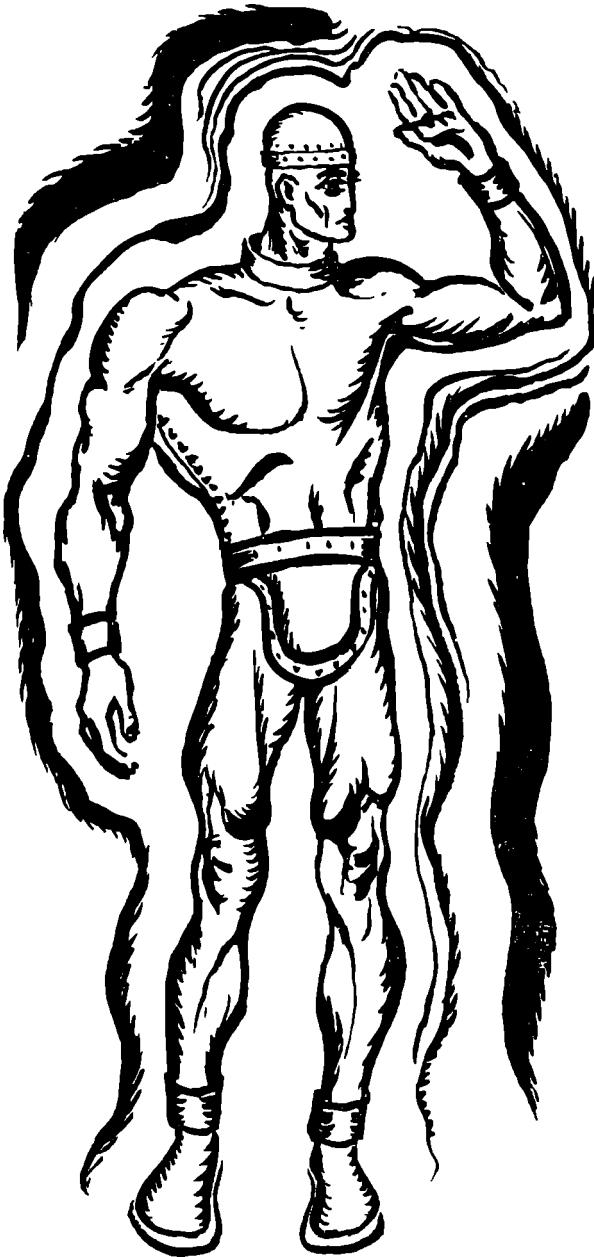
— Я думаю, что мы обойдемся без оружия, — поднял руку Ят. — В этом нет необходимости, поверьте мне.

Брт и Хрто нервно огляделись, Колц пригнулся, будто приготовился к прыжку.

— Ты кто?

Ят улыбнулся:

— С этого и начинать бы разговор, Колц! Я житель Большого Мира. Пришел поговорить, надеюсь на откровенность. Брт, отойди от пульта тревоги. Это ничего не даст.

Брт вздрогнул, втянул голову в плечи. Очевидно, его ум не мог вместить то, что происходило. Дрожал мелкой дрожью и Хрто. Лишь Колц сохранил внешнее спокойствие. Он с вызовом глядел на незваного гостя.

— Может, вы пригласите меня сесть?

— Садись, — разрешил Колц.

Ят сел на пирамиду, стоявшую у входа в каюту.

— Ты будешь стоять?

— Я хозяин. О чем ты хочешь говорить с нами? — в голосе Колца слышалось высокомерие.

— Я хочу знать, какую цель вы преследуете, изменяя психику жителей Земли? Только прошу тебя, Колц, выражай мысли открыто.

Колц рванулся вперед:

— Значит, ты с Земли?

— Нет, я лечу на нее.

— Понимаю, — скрипил губы Колц. — Ты ре-

шил опередить нас. Узнал, что сейчас мы не можем вырваться из плена этой звезды. Напрасно беспокоишься: мы все равно не отдалим вам Землю. Она наша, отныне и навеки! Передай это своим хозяевам!

— Ты преувеличиваешь свои силы.

— Нет. Я не один. Нас много. Мы уничтожим все, что захотим. Так велит Великий Кур и так будет! Уходи, пока я не передумал. Брт, укажи ему дорогу!

— Постой, Брт, не спеши,— сказал Ят.— Я пришел сюда без вашего разрешения и уйду тогда, когда выполню свою миссию.

— Ты хочешь, чтоб мы отказались от Земли?— Колц сжал оружие. Он по-прежнему с вызовом глядел на Ята.

— Да!

— Этого никогда не будет!

— Посоветуйся с экипажем!

— Экипаж — это я!

— Хорошо.

Ят исчез.

Триане испуганно попятались. Затем, видимо, преодолев страх, кинулись к высокой пирамиде.

Колц бросил в пустоту:

— Кра, взорви корабли!

— Оба? — спросил невидимый Кра.

— Оба! Оба! Быстро!

Колц отскочил от пирамиды и прильнул к главному иллюминатору. Брт и Хрто замерли рядом, положив руки на пояса.

— Возможно, попробуем договориться?— несмело предложил Хрто.

— Кра, подожди! — снова бросился Колц к пирамиде. — Сначала блокируй шароглазых!

— Правильно, Колц, — одобрил Брт. — Надо показать этим неведомым, на что способны настоящие триане! Я думаю, что они многое достигли только в области превращения материи в фотоны.

— Это немало, Брт, — задумался Колц. — Если бы удалось вырвать эту тайну, мы бы в самое ближайшее время покорили галактику. Тебя я сделал бы владыкой окрестных областей, Брт!

Хрто недовольно затоптался на месте.

— Тебя я тоже не оставлю. — В глазах Колца засветились тщеславные огоньки. — Ты будешь командовать мирами этих неведомых.

— Ты велик, Колц, — сказал Хрто.

Пол каюты вздрогнул. Триане прильнули к иллюминаторам. Колц самодовольно произнес:

— Отлично, Кра, отлично!

Вокруг корабля кирchan, терявшегося в темно-красном свете Инфры, вспыхнуло яркое пламя, выхватив из багровой тьмы тяжелые тучи. Пламя мгновение стояло неподвижно, затем вздрогнуло и заметалось в бешеной пляске.

— Кра, удвой напряжение! — подскочил Колц к пирамиде.

Пламя начало успокаиваться и снова выровнялось, поднявшись гигантскими столбами.

— Теперь они наши, — сказал Хрто.

Колц подошел к другой пирамиде.

— Елц, включи космос!

Космос открылся над головами триан. Они взглянули вверх и увидели галактелет. Он, казалось, застыл в черной бездне, окруженный слабым фосфоресцирующим кольцом.

— Эти тоже в ловушке, — сказал Хрто. — Ты могуч, Колц. Я уверен, что Совет Триан сделает тебя наместником Великого Кура.

Брт вскричал:

— Колц, Колц, смотри!

Кольцо, окружавшее галактелет, внезапно потускнело и стало медленно расширяться. От корабля, будто иглы, рвались к нему желтые ослепительные нити.

— Не бойся, Брт, — успокоил Колц. — Они не смогут пробить кольцо. Это не под силу даже трианам. Кра, удвой поток гиперонов.

— Есть, Колц!

Пространство сомкнулось.

Кирchanе посмотрели на О. Они поняли, почему прекратилась связь с трианами, однако хотели, чтобы О сам сказал об этом.

О проговорил спокойно:

— Кольцо изолировало корабль.

— Значит, триане могущественнее? — спросил Олт.

— Они могущественны, Олт, — сказал О.

— Нет, они слабы! — воскликнул Хау. — Если бы они были могущественными, то не напали бы, как трусливые звери! Пожалуйста, Олт, не улыбайся! Они решили покорить Землю отсюда, с этой звезды. У них не хватило смелости встретиться с Землей один на один. Так поступают только слабые. Мы победим, О!

— Правильно! — О подошел к Хау.

Астронавты невольно повернули головы к своему далекому потомку и к землянину. Между этими людьми лежала глубокая пропасть времени.

Один с трудом понимал язык кирchan, другой понимал язык любого мыслящего существа.

Один терялся перед неизвестностью, другой пытался исчерпывающе осмыслить ее.

У одного опускались руки, когда он видел в действиях себе подобных проявление неведомых сил, у другого, напротив, включалась в работу каждая клетка организма, и преграды, встававшие перед ним, рушились, как карточные домики.

Один был сыном народа, только что начавшего понимать окружающий мир, другой был сыном народа, познавшего этот мир.

Однако землянин и кирчанин во всем походили друг на друга, в обоих жили несокрушимые силы творящей природы, покоряющей время и пространство.

Между тем триане атаковали. Вокруг галактетета сжималось плотное кольцо. О потерял связь со своими друзьями. Телепатические токи не могли пройти через гиперонный заслон. Под ногами астронавтов слышался непрерывный вибрирующий гул.

Рорел подошел к Блоку Связи.

— Эйн, увеличь силу поля!

— Постой, капитан,— попросил О. Он неожиданно замер и некоторое время сидел неподвижно, сжимая голову руками.— Не растрчивай зря энергию. Она еще пригодится нам.

— Эйн, подожди,— Рорел перевел взгляд на О.— Что они сказали?

— Сейчас кольцо будет разорвано.

Ослепительный поток света хлынул в иллюминаторы и залил все, как лава. Астронавты невольно отпрянули на середину, ожидая удара. Высокий надсадный звук заполнил каюту. Засверкал синим пламенем Большой Экран. Прогудел бесстрастный голос диспетчера:

— Внимание, корабль вошел в гиперонное облако!

Удар, последовавший за этими словами, был до того сильным, что астронавты с трудом удержались на ногах. Даже О не смог удержаться в кресле. Он резко подался вперед и беспомощно шарил руками перед собой, словно искал, за что можно ухватиться.

Разом обрушилась тишина. Привычный голубоватый свет заполнил каюту. Астронавты огляделись и увидели около О молодого кирчанина, побывавшего некоторое время назад на корабле триан. Кирчанин приветливо улыбнулся О, по-видимому, не замечая астронавтов. О слабо пошевелился, не спеша коснулся ладонями лба, также улыбнулся.

Диспетчер доложил:

— Внимание! Гиперонное облако рассеяно!

Кирчанин обернулся:

— Здравствуйте, мужественные предки!

Астронавты склонили головы. Олт сказал:

— Ты здорово перемещаешься в пространстве!

— Это не так,— медленно проговорил Ят.— Я с трудом пробрался через силовое поле. Если бы не О, то я, пожалуй, ничего бы не сделал. Спасибо тебе,— посмотрел Ят на О.— Я рад, что родился в одно время с тобой. Твои знания сделали меня сильным.

— Ты стал сентиментальным, Ят. Кстати, у тебя неплохо получается звуковая речь. Ты превзошел меня.

— Что ты, учитель!— покраснел Ят.

— Ладно. Отправляйся к трианам, пока не поздно. Я уверен, что они не сложили оружия. Только будь осторожен, мальчик. Малейший просчет может стоить тебе жизни. Ты знаешь, как это отразится на всех, кто остался. Нас мало, Ят, слишком мало!

— Не беспокойся, учитель!

— Иди.

— До встречи, друзья,— Ят поклонился астронавтам.— До встречи на Земле.

Никто не заметил, как его не стало.

Через некоторое время каюта снова наполнилась ярким светом и

под ногами астронавтов заходил пол. Диспетчер подтвердил: галактет-
лет снова оказался в гиперонном облаке.

— Однако они с характером,— заметил О.

— Да,— сказал Рорел.

— Олт, ты хочешь знать, куда ушел Ят?— взглянул О на Олта.—
Он сейчас у триан. Мои друзья поручили ему разоружить корабль.

— Разве он один сможет сделать это?— удивился Олт.

— Сможет,— ответил О.— Это нетрудно сделать. Гораздо труднее
установить, где находится Система триан. Впрочем, мы разгадаем эту
тайну, даже если никто из них не произнесет ни слова.

— Ты думаешь применить силу?

— Есть другие способы,— ответил О.

...За стеклами иллюминаторов полыхали разноцветные столы ги-
гантского кольца. На внутренних экранах то появлялись, то исчезали
лица кирчан, находящихся в многочисленных помещениях галактета.
Дрожали красные стрелки гравиометра.

Корабль дрогнул и резко накренился вправо. Олт, Парт и Ора
вместе с креслами отлетели к противоположной стене каюты. Хау и
Рорел почти одновременно оказались около Миры, прижатой к иллю-
минатору сорвавшимся телепультом. Только О был неподвижен, слов-
но силы инерции не были властны над ним.

— Что это?— спросил Олт.

— Новая атака триан,— ответил О.— Почему Ят допустил это?
Неужели не попал к ним? Это талантливый...

О не договорил—новый толчок был еще сильнее. Правда, на этот
раз никто не пострадал: О и его друзья предусмотрели атаку и нейтра-
лизовали новый удар.

— Мы не можем больше ждать!— закричал Олт.— Рорел, слы-
шишь? Силовое поле разорвется! От нас ничего не останется! Неужели
ты не понимаешь?

— Помолчи, Олт,— попросил Рорел.

— Я не узнаю тебя, капитан... О, пусть твои друзья ослабят дейст-
вие гравитационных сил, иначе новый удар сбросит нас в океан.

— Я предлагал сделать это. Они считают, что корабль устоит
только тогда, когда действие гравитационных сил будет сведено на нет.
Думаю, тебе не нужно говорить, какую опасность таит наше предло-
жение. Притяжение Инфры может искалечить нас.

— Как же триане?— забеспокоился Олт.

— Они родились на планете с таким же примерно притяжением.
Поэтому для них этот плен не страшен.

О внезапно приподнялся и решительно шагнул к главному иллюми-
натору.

— Триане сложили оружие. Так, кажется, говорили в ваше время.
Олт, ты хочешь посмотреть, как это произошло? Прошу!

Триане находились в той же каюте и, должно быть, продолжали
разговор. Колц, как прежде, вел себя вызывающе, хотя чувствовалось,
что это давалось ему нелегко. Хрто и Брт нервно перебирали пласти-
ники каких-то аппаратов. В расплывчатом шаре горели глаза Ленца.

— Мы поможем вам возвратиться в свою систему,— сказал Ят.

— Триане еще никогда не просили милости, запомни это, инопла-
нетянин!— резко произнес Колц.

Хрто сказал:

— Колц, прими предложение, иначе мы никогда не улетим отсюда.
Почти все горючее израсходовано. Прайнфра вот-вот взорвется. Ее щу-
пальца дотянутся сюда.

Колц резко повернулся к кирчанину:

— Условия?

— Я тебе уже говорил,— сказал Ят.— Во-первых, вы должны ос-

тавить в покое людей Земли. Во-вторых, вы должны познакомить нас с Великим Куром. Думаю, что он не казнит тебя за это. Я сейчас уйду к себе. Возвращусь через полтора ваших счета. Спешите.

Кирчанин исчез.

— Колц, послушай, тебе нечего опасаться,— заговорил Брт.— Великий Кур наградит тебя, вот увидишь. Ты прилетишь с этими существами. Они овладели тайной пространства и времени. Мы вырвем у них эту тайну и ускорим завоевание миров.

— Ты оптимист, Брт.

— Я твой ученик, Колц,— выпрямился Брт.— Ты знаешь, что это значит. Пойми, я по-настоящему живу только тогда, когда воюю! Другой жизни я не представляю и не приемлю!

— Это мне известно, Брт. Ты настоящий триан. Однако выполнить твой совет я сейчас не могу,— сказал Колц.— Шароглазые не должны знать координаты нашей системы. Это может принести нам много неприятностей. Не забывай, триане теперь другие. Некоторые из них недовольны действиями Великого Кура. Они могут примкнуть к шароглазым. Ты думал, чем это может кончиться? Нет, Брт, я останусь здесь, если даже на меня обрушится вся вселенная.

— Ты все учел?

— Все. Мир должен принадлежать нам. Я уверен, что установлю контакт с местными жителями и найду необходимое решение.

— Ты не успеешь, Колц!

— Успею!

— У тебя есть идея?

— Разве Великий Кур зря поручил мне эту операцию?— не без самодовольства сказал Колц.— Мы захватим шароглазого, когда он появится... Кра, разблокируй пси-поле...

— Есть, Колц,— ответил Кра.

Хрто и Брт переглянулись.

Брт сказал:

— Ты не все учел, Колц. Пси-поле может соединиться с параллельной вселенной. Шароглазый потерянся в ней. Ты представляешь, чем это может кончиться? Его товарищи не простят нам это.

— Думаю, что пришелец никуда не денется... Кра, держи пси-поле под контролем.— Колц снова подошел к шару. — Если пришелец исчезнет, то я вышвырну тебя на Инфру. Ты почему молчишь?

Лицо Кра заколебалось:

— Я знаю свое дело, Колц!

— Ладно... Подожди,— Колц качнулся к шару, словно хотел дотянуться до Кра.— Ты не можешь завернуть в свою штучку этот корабль?

— Нет, Колц.

— Почему?

— У нас мало энергии.

— Ты плохо работаешь!

По лицу Кра прошла судорога:

— Я могу втянуть этот корабль в пси-поле. Ты знаешь, Колц. Я израсходую всю энергию. Мы будем беспомощны. Не забывай: на орбите Инфры есть еще один корабль!

— Жди.

Колц отошел от шара, устало прислонился к пирамиде, сцепив на груди руки.

Брт сказал:

— Колц, не мудри, прими условие шароглазых. У нас нет выхода. Неужели ты хочешь погубить всех? Не забывай заповедь Великого Кура: «Побеждает тот, кто живет». Зависимость еще не смерть. Мы сумеем побороть шароглазых.

— Нет! — выкрикнул Колц. Он снова подошел к шару. — Кра, переведи управление пси-поля на меня!

— Хорошо.

На пульте загорелся красным небольшой полукруг. Колц медленно приблизился к пульту и остановил на полукруге лихорадочный взгляд. Кра исчез снова.

— Возможно, ты скажешь, что именно предпримешь? — Брт сделал легкое движение к Колцу, положив руки за пояс, словно решил убедиться, на месте ли оружие.

— Увидите.

— Ты нарушаешь Устав Корабля, Колц, — напомнил Хрто. — Ты должен докладывать экипажу о мерах, принимаемых в исключительных случаях. Может, я что-то перепутал? В Уставе нет такого пункта?

— В Уставе есть такой пункт, — сказал Колц. — Я не нарушу его, не беспокойтесь. — Он возвратился к пирамиде, постоял около и снова подошел к пульту. — Я упрячу в пси-поле корабль шароглазых.

— Это твое окончательное решение?

— Да.

— Ну что же! Вероятно, ты прав!

Брт рванулся к Хрто:

— Что ты говоришь?

— Думаю, что Колц прав. Пусть шароглазые знают, что мы умеем постоять за себя. — Брт подошел к Колцу. — Твою руку, командир!

Колц протянул руку. Брт улыбнулся, качнул головой и, пожав руку Колцу, рванулся к красному полукругу, пылавшему на пульте.

По каюте прошел сильный порыв ветра.

Хрто растерянно огляделся: Брт и Колц исчезли.

Через некоторое время в шаре появился Кра. Он осмотрел каюту внимательными глазами, увидел Хрто и, склонив голову, привычно доложил:

— Я блокировал пси-поле.

Фигура Хрто заколебалась и словно провалилась в бездну.

Кирчане тотчас обступили О, поняв, что сеанс связи с трианами кончился: пространство снова сомкнулось.

Рорел спросил:

— Тебе известна структура пси-поля?

— Нет, — ответил О.

— Может, это гравитационная ловушка?

— Скорее всего, это вход в Тоннель Цикара... Цикар — ученый Гиры. Он предсказал существование вневременного пространства, разделяющего вселенные. Мы проникли в него перед появлением Облака Смерти. В нем можно передвигаться с любой скоростью. Наш корабль может входить в этот тоннель и выходить из него. Правда, мы пока дальше Гиры не летали.

— Почему?

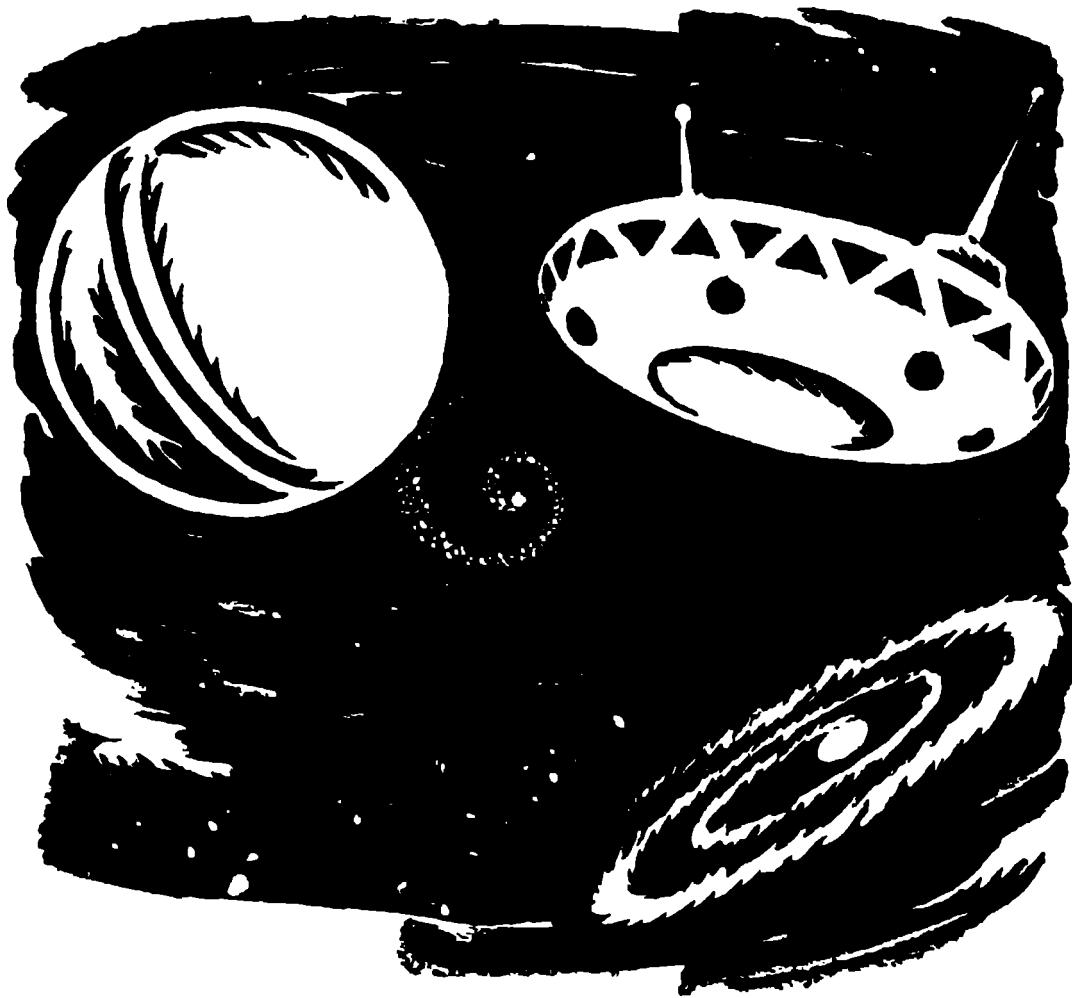
— Цикар предсказывал, что в этом пространстве могут быть естественные выходы в иные вселенные. Впоследствии ученый Кирчи Унз подтвердил гипотезу, предупредив, что эти выходы могут втягивать в себя тела, попавшие в пространство.

— Ясно.

— Ты неверно понял меня, капитан, — улыбнулся О. — Мы не испугались и готовы были пойти дальше Гиры. Однако мы не могли нарушить приказ Высшего Совета Кирчи, который исключал самовольство в освоении неведомых пространств вселенной.

— Поэтому вы шли к Олриазиру обычным путем?

— Отчасти — поэтому. Мы знали: к Олриазиру больше ста тысяч кругов назад ушли вы. Мы знали также, что вы нашли разум и возвра-

щается домой. Разве встретили оы мы вас, если бы вошли в Тоннель Цикара?

— Мы могли разминуться.

— Нет. Поисковый Центр корабля вел беспрерывный осмотр космоса в радиусе пяти световых кругов.

— Ты не говорил об этом.

— Не было необходимости, капитан.— О улыбнулся.— Извини, пожалуйста... По всей вероятности, мы поведем триан по Тоннелю Цикара. Думаю, что Высший Совет Кирчи одобрил бы этот план, хотя он и связан с риском. У нас нет времени на длительные полеты. Нас ждет Мертвая Родина.

— Мы тоже войдем в Тоннель Цикара?

— Триан поведет наш корабль. Вы полетите к Земле. Не беспокойтесь, я полечу с вами... Олт,— О перевел взгляд на палеонтолога,— тебя волнуют жители Инфры?

Олт вздрогнул: он действительно думал о намерении Колца связаться с жителями Инфры; идея пси-поля уже не занимала его.

— Меня тревожит поведение этих неведомых существ. Почему они позволили трианам атаковать Землю с Инфры? Возможно, тожеступили на путь насилия?

— Колц ошибся: разумных существ, в вашем понимании, на Инфре нет. Он имел в виду животных, населяющих океан. Они живут большими колониями, поддерживают друг с другом связь, совершают кое-какие осмысленные действия.

— Ты не можешь показать их? — попросил Рорел.

Астронавты с трудом подавили волнение, увидев обитателей Инфры. Это были фиолы. В то время, когда корабль уходил к Олриазиру, учёные Кирчи считали, что фиолы обладают разумом. Многие верили, что со временем с ними будет установлен контакт.

Фиолы Инфры, по всей вероятности, заметили странные сооружения, появившиеся на острове. Не было сомнения, что это вызвало у них интерес.

Самый крупный представитель колонии неожиданно ударили плавниками по воде и устремился к лагуне. За ним последовали остальные фиолы, выстроившись в правильный треугольник.

Из глубины океана у самого острова вынырнул гигантский скоций и напал на животных. Фиолы все разом повернулись к нему. Вода забурлила, в сумасшедшем вихре замелькали скользкие тела фиолов и, будто молнии, засверкали щупальца скоция. Скоций был гораздо сильнее. На поверхность океана то и дело выплывали мертвые тела.

У Хау глаза загорелись жаждой битвы. Он рванулся к нейтронному излучателю и закружился с ним по каюте, не зная, куда направить смертоносную струю.

— Хау, положи излучатель, — сказал О. — Ты ничего не сможешь изменить. Мы должны уходить. Через некоторое время Инфра погрузится в пламя Праинфры.

— Ты же говорил, что она сбросит покров через несколько кругов, — напомнил Рорел.

— Я ошибся. Друзья только что назвали другое время: катастрофа произойдет через два наших измерения. Триане тоже назвали эту цифру.

— В таком случае, нам нужно немедленно уходить в космос, — звонковался Парт.

— Да.

— Как же триане? — поинтересовалась Ора. Она уже простила то, что они пытались покорить людей Земли и только что обрушивали на галактелец чудовищные силы раскованной материи. Ей уже было жаль этих странных олриазирцев.

О понял состояние юной кирчанки и ответил как можно мягче:

— Они покинут Инфру сразу же, как только мы выйдем на орбиту. С ними полетит Ят.

Остров растворился в безбрежной глади океана. Океан слился с контурами Инфры.

Инфра дрогнула и полетела в бездну.

Астронавты сидели у Экранов Сближения, ждали, когда Праинфра сбросит грозный покров.

Корабль триан, прицепленный невидимой нейтринной нитью к галактелецу современников О, пока плыл рядом. Он уйдет в противоположную сторону после взрыва черного колосса.

— Кто же все-таки они? — вслух размышлял Олт. — Неужели наши братья? Как жестоко устроен этот мир! Порой мне кажется, что у наших родителей нет сердец...

— Не нужно, Олт, — попросила Ора.

— Я хочу понять это! — воскликнул Олт. — Нет, если бы мы сеяли жизнь, то не были бы такими жестокими. Мы сделали бы все, чтобы наши дети вошли вместе с нами в вечность!

— Ты ошибаешься, — сказал О.

Олт быстро обернулся к нему:

— Ты думаешь, став вечным, я стану другим, таким, как прародители? Нет, О, я люблю жизнь и не смогу убивать.

Мира вздохнула:

— Мне жаль обитателей Инфры.

— Они не погибнут,— сказал О.— Излучение Праинфры убьет жизнь только на суше. Это не изменит эволюцию фиолов. Они продолжат преобразование Инфры.

Мира подошла к Экрану Сближения, прикоснулась к Инфре, притаившейся среди звезд.

— Живи! Слышишь? Живи!

Инфра слегка качнулась, помедлила немного и поплыла влево.

— Уходим?

— Да.

В правом углу Экрана появилась Праинфра. Она медленно двигалась к середине, туда, где только что была Инфра.

Астронавты замерли, поняв, что оператор не зря направил туда аппараты. Инфра приготовилась к переходу на новую ступень своей бесконечной лестницы.

— Ну?— У Олта, как всегда, не хватало терпения.

Праинфра еще некоторое время двигалась, заполняя Экран своим исполинским телом, затем остановилась и, увеличившись вдвое, ослепила астронавтов белым пламенем. Они отшатнулись назад, словно испугались, что свет затопит каюту, и, сгрудившись у стены, замерли.

Рорел шагнул к пульте управления, набрал нужную группу цифр— обновленная звезда тотчас полетела в пропасть, тщетно пытаясь дотянуться до галактелея белыми струями.

— Ну вот,— выдохнул Олт.

Он был разочарован, увидев, что Праинфра уже сбросила покров. Ему казалось, что это должно произойти по-другому, не так буднично. Ведь совершилось великое таинство перехода в новое состояние.

О улыбнулся:

— Ты думал, что Праинфра превратится в Сверхновую? Да? Это было бы величественное зрелище! Его заметили бы во всех уголках Олриазира. О нем говорили бы на самых отдаленных галактиках вселенной. Ты знаешь, что принес бы этот фейерверк ближайшим очагам разума? Я уже не говорю о жителях Инфры; они были бы убиты мгновенно. Эта же участь постигла бы и людей Земли!

— Извини, О,— прошептал Олт.

Парт подумал вслух, глядя на гигантское багровое облако, скрывающее Праинфру:

— Какая она теперь?

— Ты хочешь увидеть ее?— Рорел подошел к Блоку Связи, включил каюту оператора.— Ийя, покажи Систему.

Экраны Сближения медленно погасли и так же медленно загорелись снова — Черной Звезды не было, была Белая Звезда. Уменьшенная в сотни тысяч раз. Рядом с ней Инфра казалась гигантом.

— Такой со временем станет звезда Илзы,— сказал Рорел.

Галактелец между тем все дальше и дальше уходил от Системы двух Звезд. Когда она исчезла с Экранов Сближения, астронавты подумали о Системе Солнца, выплывающей из беспредельной бездны Олриазира.

— Род, передай на Землю ленту нашей первой встречи,— попросил Рорел.— Думаю, что потомки Хау с интересом посмотрят на свое далекое прошлое.

— Хорошо, капитан.

Род вышел.

Скорость галактелея приближалась к субсветовой.

Мира спросила:

— Послушай, О, ты не можешь сделать так, чтобы мы посмотрели на себя с Земли? Или с какой-нибудь другой планеты Солнца?

— Зачем тебе это? — удивился Олт.

— Я хочу проверить эффект Ривельда.

— Мы уже проверяли его. Результат, как видишь, налицо, — указал Олт на О. — Он родился после нас через сто шестьдесят тысяч кругов, мы же почти не изменились.

— Я не об этом, Олт. Понимаешь, О, Ривельд говорит: жизнь в корабле, летящем с субсветовой скоростью, значительно отличается от жизни на планете, летящей с обычной скоростью. Как это выглядит на самом деле?

— Боюсь, что я не смогу помочь тебе, — улыбнулся О. — Может быть, друзья... Подожди!

Астронавты сгрудились вокруг О. Он никого не видел — сидел неподвижно, сжимая худыми пальцами мягкие подлокотники.

— Что же вы притихли? — О наконец поднял голову. — Двигайтесь, двигайтесь! Сейчас вы увидите себя с Земли. Рорел, включи, пожалуйста, атомный отражатель.

Рорел выполнил просьбу. Каюта наполнилась слабым успокаивающим гулом. Олт взглянул на отражатель и закрыл глаза, вспомнив, что лопасти отражателя делали в один единицу пятьсот тысяч оборотов. Неужели, глядя на них с Земли, не увидишь вращения?

— Смотрите, — сказал О.

Вспыхнул голубым пламенем Большой Экран. Выплыли, будто из тумана, фигуры Рорела, Миры, Парта, Оры, Хау, Олта, О. Они были неподвижны. Рорел стоял прямо с поднятой головой. Олт нагнулся, словно приготовился к прыжку. Ора и Мира обнялись и не спускали глаз друг с друга. Парта склонил голову и, казалось, вот-вот потянеться к пятнушке, темневшему на полу. Хау словно падал. О сидел в кресле, сцепив на коленях руки. Лопасти отражателя слегка подрагивали.

— Сколько же времени нужно, чтобы я сел? — спросил Род.

— Садись, кто тебе мешает, — усмехнулся О.

Род действительно сел. Однако Род, видимый на экране, по-прежнему был неподвижен. Не подавали признаков жизни и другие астронавты. Только лопасти отражателя все так же подрагивали, не в силах сдвинуться с мертвоточки.

— Все. Сеанс окончен, — сказал О.

Экран опустел, но не погас, а засверкал еще ярче, и вскоре на нем появился Тобол.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Как вы себя чувствуете? Сегодня люди Земли высадились на Марс. Род, ты говорил, что люди Кирчи родились на этой планете... Я так и не связался с неведомым разведчиком. Его зонды по-прежнему изучают Землю... Я еще не сообщал вам о странном воздействии космоса на людей. Это произошло два месяца назад. Люди неожиданно почувствовали над собой чью-то власть. Правда, не все... Ученые пришли к выводу, что кто-то решил покорить Землю. На орбиту были выведены силовые станции, которые оградили Землю от этой страшной атаки.

— Вы поняли? — Олт с такой радостью произнес эти слова, что все невольно посмотрели на него.

— Поняли, Олт, — улыбнулась Ора.

Парт скосил на него глаза.

— Разве не ты говорил, что люди Земли — слабые существа?

Олт искренне удивился:

— Я? Когда? Друзья, оградите меня от клеветы! Хау, ты слышишь? Разве я говорил, что твои сородичи — слабые существа? Может, я что-то позабыл?

— Нет, Олт, ты ничего не позабыл, — сказал Хау. — Парт, очевидно, сам говорил, что люди Земли — слабые существа...

Астронавты дружно рассмеялись.

Тобол сделал паузу, словно заранее знал, что астронавты в это время обмениваются шутливыми репликами, потом спросил, шаря глазами по каюте:

— Скоро ли вы прилетите на Землю?

— Скоро,— невольно ответил Род.

Рорел уточнил:

— По планетному времени — через месяц. По-нашему, корабельному, через два дня, если, конечно, ничто не задержит нас.

Астронавты смотрели на опустевший Большой Экран, думая о жителях Голубой Планеты, сумевших за короткий геологический срок выйти из пещер и проложить дорогу в космос.

Тетрадь девятая

Пространство и время

Кирчане снова прилетели на Землю. Они посадили галактелец недалеко от Космической Станции.¹

...Этот разговор произошел через несколько дней после прилета кирчан на Землю.

Надя спросила:

— Ты помнишь, о чем мы беседовали, когда просмотрели первую передачу из космоса?

— Подожди... Мы говорили, что астронавты, оставившие у нас Космическую Станцию, не долетели до родины. Мы говорили...

— Кирчане действительно не долетели. Они возвратились на Землю с полпути. Ты знаешь это из других передач.

— Знаю,— подтвердил Костя.

Надя пододвинулась к Косте и заговорила неторопливо, то освобождая из его ладоней руки, то снова протягивая их к нему.

Кирчане возвращались домой. Они миновали окраины Галактики и летели в пространстве — без звезд, без планет, без пыли. Это была та часть вселенной, которая лежала между Млечным Путем и Магеллановым Облаком. Она окружала астронавтов извечным молчанием и невообразимой пустотой — вакуумом в буквальном смысле этого слова. Корабль, теряя притяжение Млечного Пути, развил самую высокую скорость — 299 396 километров в секунду.

Проходили годы. Дальше и дальше упывала Галактика. Ее уже можно было увидеть всю. Она походила на гигантскую спираль, обрамленную слабым свечением. Когда впереди вырос звездный клубок Магелланова Облака, Киб сообщил, что навстречу движется космическое тело.

Астронавты заволновались: тело, оказавшееся в межгалактическом пространстве, могло быть предметом, созданным разумными существами, скорее всего, кораблем, летящим из Большого Мира или из галактики, лежащей за ним. Астронавты заняли места у Экранов Сближения.

Встреча произошла через двадцать четыре корабельных часа. Два звездолета — один, имеющий форму диска, с невообразимо острыми краями, другой шарообразный, с параболическим зеркалом,— останов-

¹ Я не буду подробно останавливаться на этом невероятном событии — тот, кто захочет познакомиться с материалами, рассказывающими о встрече людей Земли и Кирчи, может обратиться в институт космонавтики. В этой новой тетради я остановлюсь на том, что волновало моих друзей в этот удивительный год.

вились в пространстве. Астронавты обменялись информацией и с радостью поспешили друг к другу. Они были жителями Кирчи, хотя и очень различались между собой...

— Знаешь, почему?

— Они были представителями разных эпох,— ответил Костя.

— Правильно,— Надя улыбнулась.— Друзья О были старше друзей Рорела на сто шестьдесят тысяч кругов.— Она внезапно загрустила.— Как все-таки мало знает человек! Кирчане казались мне богами, однако они не устояли — космос победил.

Костя вспомнил старый кинофильм «Безмолвная звезда», рассказывающий о гибели цивилизации на Фаэтоне. Кирча, затерявшаяся где-то на острове Магелланова Облака, была безмолвна теперь так же, как были безмолвны осколки Фаэтона. Они вращались по извечному кругу, напоминая о былом величии остатками Мертвой Жизни.

На обоих мирах Жизнь была уничтожена разумными существами. На Кирче — потому, что ее жители оказались слабее сил природы, на Фаэтоне — потому, что его жители сочли себя сильнее природы.

«Не произойдет ли и на Земле подобная катастрофа? Не станет ли и она объектом разговоров мыслящих существ, побывавших на ней после того, как с ее лица исчезнут последние признаки Жизни?

Нет, с Землей ничего не случится! Мы победим, непременно победим, это в нас заложено с рождения, — подумал Костя.— Мы станем всемогущими, как разум Антисистемы. Для нас тоже откроются двери вечности!»

— Почему ты молчишь?

— Я не молчу. Послушай...

Костя слегка подался к Наде и заговорил быстро, словно опасался, что не успеет сказать все, что было у него на душе. Надя не перебивала: ей нравилось, когда Костя мечтал о будущем.

...Проникновение людей Земли в космос началось пять десятилетий назад. Теперь, когда появятся корабли, работающие на энергии Времени, освоение космоса займет главное место в жизни планеты. По-видимому, уже в Эпоху Единения Стран возникнут поселения на Луне, Венере, Марсе, на спутниках Юпитера и Сатурна, может быть, на Меркурии.

После этого люди Земли освоят другие планеты Системы и полетят к звездам, чтобы найти себе подобных и установить с ними контакт. Они продолжат работу потомков Рорела и Миры: создадут Колонию Братства Планет. Она соединит миллионы и миллионы звезд, разбросанных в безбрежных просторах мегамира.

Корабли, курсирующие между этими звездами, продлят жизнь желающих заглянуть в далекое будущее родины. В мегамире появятся старожилы, свои Хау, которые станут рассказывать далеким потомкам о жизни тысячелетней и миллионолетней давности...

— Ты знаешь?— сказала Надя, когда Костя умолк.— Обо всем этом уже говорил Виктор. Ей-богу, вы молодцы. Я рада за вас.

Костя беседовал с Надей еще не раз: о Земле, о небе, о жизни, о друзьях. Однажды, когда на Марсе побывала научная экспедиция, Костя особенно долго говорил с Надей о кирчанах, соединивших в далеком прошлом два звездных колосса.

Среднеазиатские тектиты теперь уже не были загадкой. Это были остатки шаров-зондов, которые сбрасывали кирчане, попав на Землю в эпоху Хау. Приводили в замешательство таинственные ливийские памятники: кирчане, кроме легенды, которую они вспомнили, очутившись впервые на Земле, ничего не могли пока сказать. Для людей Земли эта легенда казалась достоверной, потому что веранду, похожую на Ливий-

скую, обнаружили на Марсе. Она была построена на экваторе, среди гор, только из более мощных гранитных блоков.

Легенда рассказывала, что давным-давно люди Кирчи жили на планете, теряющей атмосферу и тепло. Они делали все, чтобы замедлить этот процесс, однако неумолимое время оказалось сильнее. Поняв, что дальнейшая борьба с надвигающейся смертью планеты бесполезна, они улетели на гигантских звездных лайнерах к неведомым мирам вселенной, сверкавшим вокруг вечным огнем.

Кирчане не утверждали, что их предки жили на Марсе. Они могли жить где-то в Магеллановом Облаке. Веранду могли построить первые астронавты, преодолевшие межгалактическое пространство. Повсюду, куда бы ни залетали люди Кирчи, они создавали подобные сооружения, чтобы разумные существа, появившиеся позже на этих мирах, знали, что они не одиноки во вселенной. В последние тысячелетия рядом с такими верандами люди Кирчи ставили Космические Станции.

Ливийские и марсианские веранды были созданы в разные времена: марсианская — миллион лет назад, ливийская — двести тысяч лет назад. Значит, предки кирчан прилетели в Систему Солнца в эти два периода.

Впрочем, могло случиться и так: на Марсе веранду создали люди Марса перед отлетом в космос. Такую же веранду они создали на Земле, когда побывали на ней. Что случилось с ними после — неизвестно. Возможно, стали жить на Земле и потом вымерли, возможно, оставили Систему и полетели в глубь вселенной, к одному из спутников Галактики, создали на одном из ее миров цивилизацию, которую через миллион лет уничтожило Облако Смерти.

Кстати, в спорах о верандах Земли и Марса у Нади не было двоякого мнения. «Кирчане — это марсиане», — сказала она, заканчивая разговор. Костя не стал возражать, потому что сам очень хотел, чтобы предки кирчан родились в Системе Солнца.

Говорили они и об илзянах. Правда, сведений об этих отважных экспериментаторах у них было мало. Кирчане на обратном пути не залетели к илзянам — решили сначала побывать на Земле.

Илза по-прежнему плыла по бездорожью Млечного Пути. В ее людях неистребимо жила вера в торжество разума. Они продолжали творить, несмотря на огромнейшие трудности, встреченные во время перелета.

— Скоро Илзу осветит наше Солнце, — сказала Надя.

Костя невольно зажмурился: Надя довольно свободно распоряжалась временем. Илза появится в Системе через тысячу лет, когда никого из людей, живущих сейчас, уже не будет.

— Скоро, — улыбнулся Костя.

— Не горюй, — сказала Надя. — Мы с тобой обязательно увидим Илзу.

— Не думаешь ли ты прожить десять веков?

— Мы полетим к ней навстречу, чудак ты мой!

— На наших-то кораблях?

— Разве ты ничего не слышал? Мы уже приступили к строительству галактелефетов, которые будут работать на энергии времени. Кирчане согласились помочь нам. Я думаю, что через несколько лет мы пойдем к звездам. Сначала к ближайшим, таким, как Солнце, затем к далеким, отличающимся от Солнца возрастом, размером, массой, затем пойдем к звездам, находящимся в центре Галактики.

...Если так, то, конечно, мы увидим Илзу. Не все. Кому, например, взбредет в голову взять меня на корабль, отправляющийся на Илзу? Виктор и Надя могут полететь. Они ученые.

Костя стиснул кулаки. Черт возьми, почему он так привязался к

своему вездеходу? Надо было выбрать какую-нибудь небесную специальность!

Однажды, находясь на Пике Спокойствия с Надей и с Виктором, Костя мысленно направил вызов О, неожиданно почувствовав, что он может откликнуться.

О появился и включился в разговор так, словно знал, что волновало молодых людей Земли.

Они говорили о природе времени и пространства.

— Я считаю, что вселенная анизотропна,— сказал О.— Если бы она была изотропна, то в ней не было бы черных дыр.

— Значит, вселенная в одной движущейся системе бесконечна, в другой — конечна. Мы можем облететь ее, теоретически, разумеется.

Виктор смущенно умолк, будто О поймал его с поличным.

— Почему теоретически?

— Космонавты смертны...

— Ты забываешь о теории относительности. У нас ее создал Ривельд, у вас, кажется, Эйнштейн. Будем верить ей. Хотя бы потому, что есть мы — я, Рорел, Мира, наконец, Хау. Я полагаю, что одной жизни хватит человеку для облета вселенной. Если не хватит, то, пожалуй, можно сделать так, чтобы человек вообще стал бессмертным. Во всяком случае, мы в состоянии сделать это.

— Не представляю человека бессмертным,— сказал Виктор.— Ну, проживет он тысячу лет, ну,— две тысячи, ну,— миллион, ну, допустим, миллиард... Что дальше?

— Я встречался с Иваном Кузьминым. Вчера ему исполнилось двести лет. Знаешь, что он ответил, когда я спросил, не пора ли уходить на покой? «Я, вроде, не жил еще, будто «однова в окно поглядел».

— Двести лет, не миллиард.

— Для меня пять тысяч ваших лет — будто «однова в окно поглядел». Думаю, так ответишь и ты через миллиард лет. Возможно, все было бы не так, если бы мы могли возвращаться в прошлое.

— Возможно,— неожиданно согласился Виктор.

— Тебя что-то еще смущает?

— Мы считаем, что, помимо нашей вселенной, существуют другие, смежные вселенные, которые так же грандиозны и разнообразны. Это, между прочим, подтвердил разум Антисистемы. Нет ли тоннелей, связывающих эти миры?

— Есть.

— Черные дыры?

— Да.

— В последние десятилетия мы открыли некоторые объекты, которые выделяют огромное количество энергии и вещества. Из ядра нашей Галактики, например, выделено столько вещества, что его хватит на сотню миллиардов звезд. Огромнейшую энергию испускают квазары и пульсары, хотя они невероятно малы. Нет ли в этих пространствах белых дыр? Вернее, тоннелей из других вселенных?

— Есть.

Виктор обхватил руками колени и уставился куда-то. Надя не спускала глаз с О. Костя сжимал голову ладонями, все сильнее попадая под власть невероятных мыслей.

Значит, наша вселенная обеспечивала веществом и энергией вселенную, скрытую от нас невидимой стеной. Та вселенная, в свою очередь, обеспечивала нашу веществом и энергией. Значит, гипотеза о том, что наша вселенная возникла когда-то из плотного ядра, несостоятельна? Она вышла к нам из белой дыры другой вселенной?

Если это так, то эта иная вселенная снова втянет ее? Возможно, через черные дыры? Возможно, через другие тоннели? Некоторые галактики движутся с невероятными скоростями, причем эти скорости

постепенно растут. Что случится с галактикой, когда она приблизится к скорости света? Не пробьет ли брешь в мир этой другой вселенной? Не уйдут ли за ней и другие галактики? Одна за одной? Чтобы начать новую жизнь в новом пространстве и в новом времени?

— Скажите, О, нельзя ли сократить расстояния между звездами? — Костя не мог больше сидеть молча.

— Каким образом?

— Возможно, есть какой-то способ,— пожал плечами Костя.— Нельзя ли, например, проколоть пространство. Представьте, что нам нужно с точки Земли, находящейся на экваторе, попасть в другую точку, в противоположную. Кратчайший вариант — поехать по прямой, по экватору. Это двадцать тысяч километров. В принципе, есть еще один вариант — поехать сквозь... Землю. В этом случае мы сократим расстояние до тринадцати тысяч километров, почти наполовину. Пространство вселенной искривлено. Значит, его, как и пространство Земли, можно пройти напрямик?

— Наше пространство трехмерно, поэтому мы не сможем воспользоваться твоим предложением,— после небольшой паузы ответил кирчанин.

— Это не мое предложение,— смутился Костя.

— Ничего. Ты человек Земли. Тебе дорого все, что принадлежит ей. Я считаю, что это предложение твое. Мы непременно сократим расстояния между звездами. Мои друзья повели триан по тоннелю, лежащему у границ смежной вселенной. Они будут на месте за считанные дни. Ты пока не сможешь понять, как устроен тоннель. Знай только: в нем нет предела скорости.

— Значит, корабль в этом тоннеле движется быстрее света?

— Да.

В голове у Кости не укладывалось то, что он услышал. Была сбита с толку и Надя. Виктор не удивился, выслушав О, тут же заговорил о вещах, которые привели Костю в священный трепет. Он спросил:

— Вы можете замкнуться вокруг себя время?

— Могу,— ответил О.

— Я понимаю так: пространство, в котором вы оказываетесь, не взаимодействует с окружающим миром?

— Да.

— Вы можете также самостоятельно передвигаться в вакууме с субсветовой скоростью?

— Могу.

— По-видимому, такой способностью обладают и ваши друзья?

— Да.

— У нас есть только одно «но»— вы можете передвигаться с субсветовой скоростью на небольшие расстояния. Так?

— Так.

— От планеты до планеты или от звезды до звезды?

— Я преодолеваю расстояние в четыре световых круга, Ят — в двенадцать, однако таких, как он, у нас мало.

— Зачем вам, в таком случае, звездолеты?

— Системы находятся друг от друга на расстояниях, превышающих наши возможности. От Кирчи до Земли свет идет сто тысяч кругов...

— Все равно: вам не нужны звездолеты.

О выпрямился и долго смотрел на Виктора, должно быть, пытался понять, что он имел в виду.

— Я слушаю тебя.

Виктор смущенно улыбнулся. О был представителем цивилизации, которая обогнала цивилизацию Земли на сотни тысяч лет: он должен схватывать мысль на лету...

— Еще в прошлом веке наши ученые высказали гипотезу о том, что звезды соединены друг с другом своеобразными каналами. Вещество звезд мгновенно переливается по каналам, образуя постоянное равновесие в мире. Вы можете замкнуться вокруг себя время, проникнуть в центр звезды, например, в центр Солнца... Я говорю ясно или нет?

— Я понял тебя.

О снова долго смотрел на Виктора. Какие неведомые возможности присущи людям Земли?

Виктор продолжал:

— Какие перспективы открывает перед вами эта тайна мира! Если бы я умел перемещаться в пространстве и замыкать вокруг себя время, я побывал бы в самых отдаленных уголках вселенной. Я сделал бы все, чтобы утвердить в вечности Землю! Она много страдала... Люди Кирчи не погибли бы, если бы воспользовались этой тайной мира! Они перешли бы на другую планету, находящуюся за пределами Облака Смерти. Пожалуйста, не осуждайте меня за бес tactность. Поверьте, я вместе с вами оплакиваю гибель вашего поколения.

— Спасибо.

О отвел взгляд от Виктора и, приподняв голову, застыл надолго. Какие мысли встревожили его? Видел ли он простор Земли, сливающийся с горизонтом? Чувствовал ли жизнь, которая бурлила вокруг? Может, здесь, рядом с людьми Земли, сейчас была только его оболочка? Может, его Я сейчас находилось далеко отсюда, там, где были друзья? В Тоннеле Цикара или в Системе триан?

Тетрадь десятая

«Я еще увижу тебя, Надя!..»

Еще не наступил рассвет и не ушла ночь: небо сверкало колючими звездами, степь спала — ни один звук не нарушал ее покоя.

Костя и Надя сидели в небольшой ложбине, около голого крючковатого карагача.

— Куда ты отправишься отсюда? — зябко поежилась Надя.

— Сначала в Сибирь, на родину, — сказал Костя. — Отдохну недельки две. Потом махну в Москву. Хочу покопаться в космической библиотеке. Повернуться среди поклонников Марса. Потом... Знаешь что? Поедем вместе! Побродим по белому свету! Нам это нужно. Договорились?

— Видишь ли...

Надя явно что-то скрывала. Костя притих, прислушиваясь к стуку собственного сердца.

Впереди возвышался холм, чем-то напоминающий Пик Спокойствия. Костя взглянул на вершину и почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Нет, ничего страшного, только у вершины неожиданно появилась яркая точка и заискрилась, пронизывая воздух длинными тонкими иголками.

Степь сразу ожила — сначала робко, затем смело защебетала какая-то птичка, за ней другая...

Надя приблизилась к Косте.

— Понимаешь... Не знаю, как тебе объяснить... Я решила полететь с ними... Полетим?

Костя вздрогнул. Не от того, что услышал. Его потрясло последнее слово «полетим». Надя произнесла это слово так, словно спохватилась, да слишком поздно, предложив Косте лететь. Эта мысль, должно быть, появилась у нее только что и испугала ее.

— Как же Марс?

— Марс рядом. Кирча далеко.

— Ты хочешь сказать, что на Кирчу полетят самые смелые? В первую очередь мы должны оживить Марс. Свой Мертвый Мир. По-моему, это сейчас важнее.

— Кто же возражает против этого, чудак ты мой, — улыбнулась Надя. — Поверь, наш отлет не повлияет на судьбу Марса. На Земле останется больше семи миллиардов человек. Они сделают все, чтобы Марс ожила. Это не так уж трудно! На нем есть вода.

— Ты же хотела вместе со мной преобразовывать Марс? Помнишь, тебе было интересно?

— Я передумала. Не сердись, пожалуйста! Полетим на Кирчу!

— Никто не возьмет меня. Ты специалист, биофизик. Как без тебя?

— Что с тобой?

— Ничего. — Костя прикусил губу. — Понимаешь, я — сын Земли! Ты нужна в космосе. Слушай... Как дерево, вросла в меня эпоха. Я,

может, выше неба. Старше бога. Я сын Земли. Я, может быть, отец упавших яблок, взмывших птичьих песен...

Костя схватил Надю за плечи, притянул к себе.

Нет, он не отдаст Кирче свою любовь! Не расстанется с ней, пока жив. Не отойдет от нее ни на шаг. Пусть гремят грозы. Пусть свирепствуют бури. Пусть взрываются снаряды времени. Он сделает все, чтобы любовь жила вечно.

— Остаешься, Надюша?

— Подожди, ну, что ты?

Надя попыталась освободиться. Костя не выдержал — сказал то, что разлучило их навсегда:

— Улетаешь? С ним?

— С кем?

— Не притворяйся: с Виктором! С кем же еще!

— С Виктором? — с горечью проговорила Надя и отшатнулась от Кости. — С ним будет хорошо. Это настоящий человек. Прощай!

— Надя!

Она не обернулась, пошла к лагерю тяжелой походкой. Будто взвалила на плечи непосильную ношу.

Догнать? Попросить прощения? Сказать, что не хотел обидеть?

Костя выбрался из ложбины. Было уже совсем светло. Степь, словно застывшая лава, волнами уходила к горам. У гор она, казалось, двигалась, может, потому, что за ней пылала яркая полоска зари. Или потому, что на фоне этой полоски клубился смерч?

...Что же делать? Не сходить ли к начальнику экспедиции? Собственно, зачем мне Марс? Его оживят другие люди. Я должен лететь. С Надей!

Костя побежал к лагерю, веря и не веря в удачу.

Костя зашел без стука, громко хлопнув дверью. Павел перебирал какие-то книги.

— Уезжаете?

— Уезжаем, батенька, уезжаем.

— Павел Михайлович, возьмите меня с собой.

— С вездеходом?

— Я серьезно.

— Что же ты, батенька, раньше ничего не говорил? Хотя все равно ничего бы не вышло. Экспедицию комплектовала Академия Наук Планеты. Признаюсь тебе по секрету: мне пришлось немало постараться, чтобы попасть. — Он широко улыбнулся: — Спасибо Рорелу — выручил! Удивительный человечище! Ты знаешь, ему примерно столько же лет, сколько и мне. Чудовищный парадокс!

— Виктор летит.

— Еще бы! Он мечтает побывать на Кирче и возвратиться на Землю. Так и будет! В его желании нет ничего особенного.

— Чарли тоже летит.

— За него хлопотал институт астронавтики Америки.

— Ибодат...

— Нельзя же, батенька, разлучать мужа и жену. Да и нет смысла в этом. На Кирче будут нужны молодые люди. Я думаю, что у них в пути появятся дети.

— Павел Михайлович, похлопочите за меня, я очень прошу вас... Надя летит.

— Надежда Петровна? — Павел вскинул голову. — Гмм... Так ты что же, батенька, любишь ее?

Костя кивнул.

— Да, вот оно что... Нет-нет, батенька, это не зависит от меня. Да и поздно уже, я тебе говорил. Знаешь, попросись в другую экспедицию, через пять лет. Она будет не менее интересной...

— Я хочу лететь сейчас. Мне не нужна другая экспедиция.

— Постой, не горячись,— попросил Павел.— Послушай: ты прилечешь на Кирчу через пять лет после Надежды Петровны. В дороге пребудешь восемь лет.¹ Итого тринадцать... Думаю, что тринадцать лет разлуки не так уж много, если учесть, что впереди у вас будет вечность.

— Нет! Нет!

Костя не мог больше говорить — круто повернулся и выбежал из кабинета. Теперь уже никто не мог помочь ему...

Как дерево, вросла в меня эпоха,
Я, может, выше неба,
Старше бога.
Я сын Земли!

Может, сходить еще к Виктору? Поймет ли он? У него теперь своя дорога. Бросить все и улететь куда глаза глядят? Интересно, как отнесутся к этому друзья?

Костя постоял около кабинета Павла и неторопливо зашагал в степь, так ничего и не решив. Порой ему казалось, что он действительно не нужен в этой звездной экспедиции, порой он чувствовал, что не имеет права оставаться на Земле, но уже ни на кого не обижался...

В этот день Костя все-таки встретился с Виктором. Настоящего разговора не получилось: помешал Тобол.

Впрочем, Костя был рад, что все так произошло. У него не хватило бы мужества сдержать себя, и он наверняка нагрубил бы Виктору, потому что знал: Виктор был неравнодушен к Наде.

Тобол некоторое время молчал, глядя на Костю и на Виктора холодными немигающими глазами.

— Мне грустно, что ты улетаешь,— наконец сказал Тобол, остановив взгляд на Викторе.— Мы поломали бы с тобой головы над загадками времени. Парт разрешил мне помогать людям Земли.

— Ты хороший парень, Тобол. Спасибо.

Виктор протянул руку. Тобол взял ее и подержал в своей несколько секунд. Костя слегка отшатнулся, случайно взглянув в глаза Тобола — в них горела неистребимая гордость человека, уверенно идущего к заветной цели. Неужели тысячелетия, проведенные на Земле, изменили его настолько, что он тоже стал человеком?

Виктор спросил:

— Ты был на Фабрике Времени, свободно ходил по ней. Между тем, в генераторах хранится огромная энергия. Как тебе удавалосьнейтрализовать ее?

— Очень просто. Изменял пространство. Как О... Извини,— Тобол отошел в сторону и, склонив голову, к чему-то прислушивался.

— Ты представляешь, что это такое? — спросил Виктор.

Костя пожал плечами, глядя в степь, над которой сгущались сумерки. Ему уже ни о чем не хотелось говорить.

— В его голове находится приемная и передающая станция.

Виктор, наверно, чувствовал себя виноватым перед Костей, поэтому не замечал, что становился назойливым.

Тобол заулыбался:

— Хорошо, хорошо. Нет, рядом со мной. Передам, передам! Не беспокойся. Только ты не задерживайся... Мира разыскивает тебя,— подошел Тобол к Виктору.— Сейчас прилетит сюда. Что-то случилось.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Не сказала,— по-земному развел руками Тобол.

Костя снова ожила. Ему еще ни разу не приходилось видеться с

¹ Павел имеет в виду корабельное время. На земле за эти восемь лет пройдет 120000 лет (прим. автора).

гостями космоса с глазу на глаз. Не считая, конечно, О. С этим кирчанином, очевидно, встречались многие. Он бывал почти всюду.

Мира прилетела на биоплане. Она выскочила из него, едва он коснулся земли. У нее были темно-зеленые волнистые волосы, красивые длинные ноги, тонкая спортивная фигура.

— Добрый вечер, Мира,— Виктор пошел навстречу.— Что случилось?

— Мне захотелось увидеть тебя,— сказала кирчанка.

— Я уже испугался. Кстати, познакомься, мой товарищ — Костя Сибирцев.

— Костя,— повторила Мира.— Витья... Чарьли... Какие странные имена. Ты не находишь? Прости, пожалуйста.— Глаза Миры уже искали глаза Виктора.

Неужели она полюбила его? Неужели нашла в нем черты, которые сближали его с палеонтологом Ри? Костя невольно отвернулся. Какое несчастье снова обрушится на нее! Виктор любит Надю...

— Покатаемся, Витья?

— Ты хочешь?

— Да.

— Я не могу отказаться, ты наша гостья,— холодновато проговорил Виктор.

Мира, наверно, не заметила этого: взяла его за руку и повела к биоплану.

— Ты не летишь с нами?— Мира посмотрела на Костя, когда Виктор сел в машину.

— Спасибо, не могу.— У Кости в горле застрял комок.

— До свидания!

— Прощай, Мира! Виктор, я жду вестей из космоса! Надеюсь, ты не забудешь меня?

— Ну что ты! — сцепил Виктор в воздухе руки.

Биоплан взмыл и, постояв минутку над лагерем, полетел на запад, за солнцем, только что скрывшимся за горизонтом.

Костя и Тобол посмотрели друг на друга и, улыбнувшись, разошлись в разные стороны: Тобол направился в степь, туда, где виднелась Космическая Станция, Костя пошел к Пику Спокойствия.

...Значит, все? На Кирчу не лечу? Остаюсь на Земле?

Как дерево, вросла в меня эпоха,
Я, может, выше неба,
Старше бога.
Я сын Земли!

Я сын Земли. Она меня родила, она меня вскормила, она поведет меня в свое великое будущее. Я не изменю ей, нет-нет, не изменю. Никогда! Никогда!

Костя пнул шар перекати-поля и, свернув с дороги, зашагал по песку к Пику Спокойствия. Однако не дошел до этой гранитной возвышенности, что-то потянуло его к такыру, наполняя сердце острой щемящей тоской.

Тевс? Ну да, Тевс! Он звал меня. Наверно, видел, что я не нахожу покоя!

Костя отыскал знакомую ложбинку, лег на спину и, привычно расслабившись, позвал...

Тевс откликнулся сразу, словно находился рядом, в двух-трех шагах. Костя по-прежнему не мог точно сказать, что это было: действительность или сон? Он знал одно: голос Тевса звучал в нем реально. Он тревожил и успокаивал.

— Ты решил остаться на Земле. Оставайся. Ты видишь: она становится центром Системы Солнца. Вас ждут Венера, Марс, Сатурн, Юпитер, Титан...

- Ты считаешь, что на этих планетах есть жизнь?
- Я считаю, что ты должен остаться на Земле.
- Сделай так, чтобы на Земле осталась Надя.
- Не будь эгоистом, иначе я прерву контакт с тобой.
- Я люблю ее!

Тевс молчал, однако не уходил. Костя чувствовал: Тевс был рядом, держал его в своем поле. Не отпустил, когда он попытался отключиться.

Наконец Тевс сказал:

- Вы встретитесь. Оставайся на Земле.
- Ты не оговорился? Мы в самом деле встретимся? Где?
- На Кирче.
- Когда?
- Скоро.
- Скажи, где ты находишься?
- Тебе не нужно знать это.
- Ты бессмертен?
- Как вид — да, как индивидуум — нет.
- Я увижу тебя, Тевс? Подожди, не уходи!

Костя напрасно звал — в него уже входила тишина, царившая вокруг. Она, казалось, соединяла его существо с землей, сливающейся с беспредельным сномом звезд.

Минуло несколько дней. Экспедиция сворачивала работу и готовилась к переезду в пустыню Гоби. Костя бродил по пустынной аллее бывшего лагеря, забирался на Пик Спокойствия и пропадал на нем сутками.

Сегодня ушел в пустыню. Было часов пять вечера. Тучи, обложившие со всех сторон небо, медленно плыли на юг, задерживаясь на островерхих скалах.

Костя шел, не торопясь, сшибая сучковатой палкой высохшие стебли растений, все еще пытаясь ответить на мучившие его вопросы.

Поднявшись на холм, Костя на минуту задержался и, оглядевшись, увидел справа свой вездеход. Он мчался с огромной скоростью, легко преодолевая крутые подъемы, попадавшиеся на пути.

— Костя! Э-эге-ей! Костя!?

Звал Цай. Костя медленно пошел навстречу.

— Садись! — Цай распахнул дверцы, едва вездеход остановился, схватил Костя за руку. — Что это тебя носит по пескам? Садись, садись! Тебя разыскивает весь лагерь! Садись!

— Здравствуй. Зачем я понадобился лагерю?

Костя сел в вездеход и откинулся на спинку сиденья. Это было не-привычно и неожиданно. Он еще не ездил в вездеходе как пассажир.

— Здравствуй. — Цай захлопнул дверцы. — Ты еще спрашиваешь! Начальник лагеря требует тебя. Понял?

Костя знал, что Павел был в Москве, поэтому принял сообщение Цая за шутку. Цай рассердился. Покалывал Костю черными глазами:

— Я говорю правду! Начальник экспедиции разыскивает тебя. Утром звонил из Москвы. Сказал, найдите этого недотепу живым или мертвым и к шести часам притащите к видеофону. Наверно, решил взять тебя с собой. — Цай неожиданно похлопал Костю по плечу. — Там, на Мертвой Планете, такие, как ты, будут нужны. Станешь управлять каким-нибудь вездеходом. А?

— Ладно тебе, — задохнулся Костя от напряжения.

Видеофон, связывающий лагерь с Москвой, находился в домике АТС. Цай остановил машину у крыльца и нажал на клавиши сигнала. Из домика вышла видеонистка Маша и протянула Косте телеграмму.

— Читай!

Костя вздрогнул.

«Тебя приняли экспедицию тчк вылетай немедленно тчк Горский тчк».

— Рад?

— Да!

Был ли Костя в действительности рад? Трудно сказать. Он твердо решил остаться на Земле после разговора с Тевсом. О полете на Кирчу уже не мечтал, даже не завидовал тем, кто улетал. Думал, что каждый человек в этом мире выполнял свое дело: один в Системе Солнца, другой в Системе Мацлроя, третий в Системе Инфры...

— Иди отдохни.— Маша посмотрела на ручные часы.— Через двадцать минут приходи в видеозал.

— Спасибо.

Павел сразу понял: с Костей что-то случилось. Он подался вперед так, что на экране видеофона оказались только глаза, спросил тихо:

— Что с тобой?

— Ничего. Добрый вечер. Спасибо за хлопоты.

— Добрый вечер. Я выслал за тобой дискобол. В девять Москвы жду в институте астронавтики. Не задерживайся.

— Подождите.

— Костя, у меня нет времени. Поговорим в Москве. До встречи.

— Нет-нет, я должен сказать вам сейчас. Мы не встретимся в Москве. Дело в том, что я... раздумал лететь.

— Что?— На лбу Павла выступила складка.— Благодари бога, что ты далеко! Досталось бы тебе на орехи. Если не прилетишь сегодня, считай, что твое имя вычеркнуто из списков экспедиции.

Экран погас.

Костя огляделся. Рядом стоял Цай.

— Вот и все...

— Все?— Цай смотрел жестко и холодно.— Я и не знал, что ты такой... трус. Ты опозорил всю Землю. Убирайся отсюда сейчас же! Иначе я расскажу ребятам о твоем отказе.

В этот день Костя все-таки улетел. Только не в Москву — в небольшой сибирский городок. Спрятался, как в скорлупу, в туристский коттедж.

Приближался час отлета звездной экспедиции. Повсюду, где бы ни бывал Костя, только и говорили об этом эпохальном событии. Имена тех, кто летел с кирчанами, произносили с гордостью, с искренним восхищением. Особенно тепло отзывались о женщинах, решивших разделить с мужчинами «вечный космический плен».

Часто в эти дни Костя слышал имя Нади. В такие минуты будто что-то обрывалось у него в груди. Он спешил на телеграф, чтобы сообщить ей о себе, однако не сообщал, что-то снова и снова мешало сделать это.

В эти последние дни члены экспедиции выступали по Мировидению. Они рассказывали о себе, о своей земной работе, о своих близких и родных. Уже выступили Павел, Чарли, Ибодат.

Сегодня в девять часов вечера должен был выступить Виктор.

Костя приехал в коттедж в половине девятого — днем уезжал в тайгу с группой туристов. Взяв ключи от комнаты, он поднялся на свой этаж и здесь, в вестибюле, в кресле увидел... Надю.

— Ты?

Она вскочила, протянула руки.

— Костя! Милый!

Они прошли в номер. Надя сняла плащ и, прислонившись к ши-

фоньеру, притихла. Костя остановился посредине комнаты, с чемоданчиком в руке. Их взгляды встретились — ненадолго, на секунду, не больше. Костя отступил — в глазах Нади было столько грусти, что ему стало страшно.

— Ну... здравствуй... Как ты устроился?

— Спасибо. Хорошо,— ответил Костя.— Как ты?

— Я? Ничего.

— Как ты очутилась здесь?

— Случайно. Приезжала проститься с подругой. Узнала, что ты тоже здесь, вот и...

Костя совершенно не знал, что делать, о чем говорить. Язык пристал к небу. В горле торчал сухой комок. В висках стучали тяжелые молотки. Руки предательски дрожали.

— Ты навсегда сюда?

— Нет,— с трудом произнес Костя.— Через год отправляются первые поселенцы на Марс. Я думаю полететь тоже. Буду готовиться... Ты садись. Устала наверно.

— Нет.

Надя села. Медленно. Глядя под ноги.

Костя окончательно растерялся. Хорошо, что вовремя вспомнил. Виктор выступает по Мировидению. Подбежал к аппарату — завертел сразу все ручки, застучал по корпусу.

— Дай ты ему нагреться,— сказала Надя.

— Нагреться? Да-да! Сейчас!

Виктор уже выступал. Костя сначала услышал голос, затем увидел лицо. Признаться, он был очень удивлен. Виктор читал стихотворение Кострова.

Я оттуда,
Я оттуда,
Где живой родник — не чудо,
Из уезда тихих красок...
Стороны лесов и сказок...
Я оттуда,
Я оттуда,
Где и весело, и трудно,
Где родник — живое чудо —
Бьется сильно, сильно, сильно...

Костя взглянул на Надю. Он читал это стихотворение ей на Пике Спокойствия. Почему Виктор тоже читал его? Разве ему нечего сказать людям Земли перед отлетом в космос?

Надя не глядела на экран. Она сидела, склонив голову, по-прежнему усталая и бледная.

Вдруг Виктор позвал:

— Костя, ты слышишь? Ты где, Костя? Отзовись! Тебя разыскивает Надя! Ты должен поговорить с нею перед отлетом. Нас всех огорчил твой отказ. Нет, мы не осуждаем тебя: верим, оставшись на Земле, ты принесешь немало пользы людям. Прощай! Знай: мы всегда будем помнить тебя! Прилетай к нам! Вы со временем построите корабли во много раз лучше тех, в которых мы отправляемся в космос. Ты не скрывайся. Поговори с Надей. Ей тяжело. Ты представляешь, что это такоё?

Изображение Виктора исчезло. Костя выключил телевизор и обернулся к Наде. Она уже стояла — совершенно другая, гордая, взволнованная, красивая. Костя шагнул к ней, протянул руки и осекся, встретившись с ее глазами.

— Надюша?

— Доволен?

— Надюша, прости! Я не знал, что ты...

— Ты ничего никогда не знал и не будешь знать. Виктор сказал неправду о тебе. Ты никому не принесешь пользы. У тебя нет силы воли, хотя ты и причисляешь себя к йогам. Я презираю тебя!

— Надя?!

— Не трогай меня, слышишь? — Надя закрыла лицо руками. — Boone мой, я так любила тебя! Думала прожить с тобой всю жизнь! Хорошо, что я улетаю. Хорошо! Я никогда больше не увижу тебя. Даже по астротелевизору. Энергия Земли не догонит нас. Прощай.

— Прощай.

— Ну что ты стоишь? Костя! Эх!

Надя быстро повернулась и вышла. Костя застыл на месте с протянутыми руками. Какая сила удержала его? Возможно, Надя все-таки была права? Он ни на что не способен и жил так, никому не нужный и ни на что не годный, коптил небо? Может быть, он был сыном другой эпохи, той, когда существовал Хау?

Через три дня они улетели.

Мир провожал пришельцев из космоса и своих сограждан с невиданным почетом. С утра до вечера гремела музыка. Слышались приветственные речи. Площади и улицы городов и сел устилались цветами. Круглые сутки были включены телевизоры — отлет звездной экспедиции транслировался по Мировидению.

Костя в этот день не выходил на улицу. Когда корабли один за другим ушли в космос, он вышел на балкон иостоял на нем всю ночь, глядя в безбрежное небо, усыпанное звездами, все ждал, не появятся ли на нем звезды Земли.

Нет, этого счастья у Кости никто не отнял. Он дождался своего: далеко за полночь четыре искры, необычно яркие, прорезали небо с востока на запад, оставив после себя бледные шлейфы. На одной из них была Надя, его Надя, несмотря ни на что: ни на расстояния, ни на время, начавшее с этой минуты два счета — один для него, другой для нее.

Прошло полгода.

Мир с восхищением продолжал следить за полетом межгалактической экспедиции.

Чем дальше уходили корабли, тем труднее было поддерживать с ними связь. Специалисты предполагали, что через месяц-другой будет осуществляться только односторонняя связь: Земля уже не сможет послать в космос вести о своих делах и думах. Корабли приближались к предельной субсветовой скорости.

Костя в это время находился в другом городе. Его мечты осуществлялись. Союз Планет Системы Солнца, созданный после ухода в космос межгалактической экспедиции, включил Костя в список исследователей Марса. Накануне отлета на эту загадочную планету он получил светописьмо от Нади.

«Здравствуй, родной. Извини, что поздно сообщаю о себе. Как-то все не могла сосредоточиться. Мы уже далеко. Солнце затерялось в бесконечном множестве таких же солнц. Ты не представляешь, как здесь все необычно и красиво! Жаль, что тебя нет рядом с нами. Ты так любил небо! Не разлюбил ли ты его теперь? Я бы не хотела, чтобы это случилось.

Костя, я тогда грубо говорила с тобой. Ты прости, если можешь. Я тысячу раз раскаивалась в своем поступке. Сейчас я вела бы себя по-другому. До конца боролась бы за свое счастье.

Извини, Костя, милый! Я плачу, диктуя это письмо Оре. Ты даже не представляешь, как я люблю тебя! Я бы все отдала, чтобы только посмотреть на тебя, хотя бы один раз. Каким ты стал? Костя, родной! Помнишь ли ты обо мне?

Скоро наши корабли достигнут субсветовой скорости и мы уже не услышим никакие сигналы, пока не прилетим на Кирчу. Мне становится страшно: с этой минуты я ничего не буду знать о тебе!

Прощай, мой далекий, мой дорогой друг! Любовь моя! Радость моя! Юность моя обратимая!

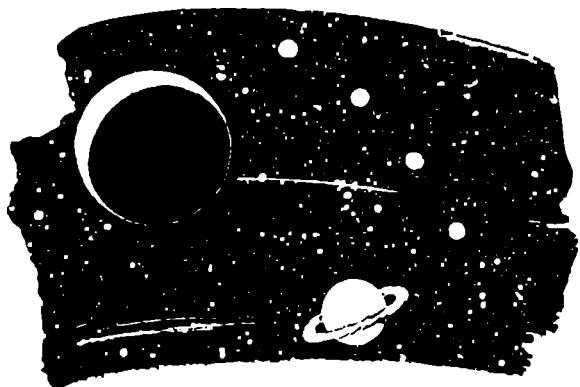
Надя».

В комнате было тихо. Ни один звук не проникал в нее с улицы. Косте показалось, что он вместе со всеми своими друзьями, рядом с Надей, мчится сквозь звезды, к далекому миру, который ожидает их не одно тысячелетие.

Еще показалось Косте, что в комнате появился Тевс и положил руки на его плечи. Костя притих, не в силах сдвинуться с места, чувствуя, как его тело наливается новой неведомой силой, сливающейся с вечностью.

— Скажи ей, что мы увидимся, Тевс!

Рядом раздался легкий шорох. Костя оглянулся, физически ощущив присутствие существа иного мира, однако никого не увидел.

СОДЕРЖАНИЕ

- 1. Эффект неожиданности**
- 2. Вестник далекой катастрофы**
- 3. Парадокс времени**